

Галина Черная Андрей Олегович Белянин Хроники оборотней

Профессиональный оборотень – 3

Текст предоставлен издательством «Армада» <http://www.litres.ru>
«Профессиональный оборотень: Профессиональный оборотень. Каникулы оборотней.
Хроники оборотней»: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0088-1

Аннотация

Совершенно невероятная история приключилась одним холодным январским вечером с юной жительницей российского городка N Алиной Сафиной. Так бы и текла ее жизнь привычным чередом: институт, дом, родители, молодежные тусовки, — если бы она умудрилась вовремя свернуть с той злополучной улочки, где и напал на нее кровожадный монстр. Пах! Бах! Меткий выстрел! Мерзкое чудовище убито, и, казалось бы, героиня наша спасена. Но вся беда в том, что монстр успел поцарапать девушку, и теперь ей грозит постепенное обращение в Зверя.

На какие только жертвы не пойдет хорошенькая девушка, чтобы сохранить свежесть и красоту юного личика. Вот и Алина, не раздумывая, принимает предложение своих необычных избавителей: сероглазого командора и... говорящего кота. И вот она полноправный член бесстрашного спецотряда из будущего, в погоне за монстрами весело кочующего по временным параллелям.

**Андрей Белянин, Галина Черная
Хроники оборотней**

Глава 1

Мне сразу понравился Харьков. Мягкий, уютный украинский город с тихими, утопающими в зелени улочками, старинными купеческими домами и приветливыми лицами прохожих. А главное, полное отсутствие вечно снующих под ногами хоббитов! О эти суетливые, мятые, прижимистые, прожорливые типы с кучеряво-волосатыми ногами...

Кстати, в большинстве своем довольно добродушные ребята. Но порой они так достают меня своей одержимостью Кольцом, что хоть беги... К тому же в последнее время упорно путают его с моим обручальным. Вот и пришлось бежать... по делу!

А дело было важное, я бы даже сказала — миссия... Требовалось безотлагательно и неумолимо вернуть нашего заблудшего котика в лоно родной Базы. Никакие отказы не принимались, в случае сопротивления применить силу, и вообще, как сказал шеф — все средства хороши! Правда, при этом подозрительно похихикал, вновь пытаясь по-отечески хлопнуть меня по спине. Я увернулась, ибо отлично знаю, насколько он «не дотягивается»... Однако начну с начала, а то сама запутаюсь.

Итак, три недели назад Профессор неожиданно принял судьбоносное решение — оставить службу! Написал в заявлении, что на этом поприще он растратил впустую свои лучшие годы, устал от стрессов, боевых ранений и контузий, не желает заслонять дорогу молодым, а посему законно уходит в отставку. Хотя, по документам, и прослужил-то всего три с половиной года, но по его, кошачьим, меркам — это много. Дескать, теперь он полностью уйдет в научную работу, которая всегда была истинным смыслом его жизни.

Короче, бессовестно бросил все и всех, а главное, нас с Алексом! Первоначально у меня это даже в голове не укладывалось... Командор действительно скучает по боевому товарищу и просто места себе не находит.

А у меня уже комплексы начинаются, вроде того что я разрушила их вечную мужскую дружбу! И потом, есть проблема посерьезнее — некого дергать за хвост! Шучу, шучу! Надеюсь, что под влиянием чувств к Алексу мой вздорный характер катастрофически меняется к лучшему...

Кот был совершенно необходим нам для выполнения некоего задания в Египте, подробнее о котором я рассказать не могу. Ну пока не могу... Так вот, наш Профессор заперся в своей харьковской квартирке и стал наверстывать упущенное, с головой уйдя в работу над научной книгой о влиянии древних религиозных культов на постройку оросительных каналов в Древнем Египте, которую почему-то назвал «Оскал Анубиса».

Наш отставной полковник жил на окраине в кирпичной пятиэтажке. Подъезд был с домофоном, я аккуратно набрала нужный номер и ласково попросила:

— Пушистик, то есть, извини, агент 013! Это я, Алина, у меня к тебе срочное дело,пустишь старого друга?

Ответа пришлось ждать очень долго, открывать никто не спешил. Я повторила еще раз, едва не мурлыкая в трубку. Какая-то любопытная бабулька у подъезда с интересом покосилась в мою сторону.

— А ну открывай, сноб несчастный! Или я тебе сейчас все окна к черту повышибаю! Игнорировать он меня тут будет... Соседей постыдился бы! — начала вскипать я, но из домофона раздался поспешный выкрик:

— Алиночка, деточка, заходи! Не подумай ничего плохого, просто был занят в таком месте, откуда сразу не добежишь...

Дверь в подъезд запищала, я потянула ручку на себя и шмыгнула внутрь. Любознательная старушка держалась за сердце, шокированная издержками моего воспитания. Издержки профессии суперагентов...

Пешком поднялась на четвертый этаж, дверь в квартиру котика была открыта. На пороге меня никто не встречал, а самого Профессора я обнаружила в рабочем кабинете. Он с важным видом восседал в деревянном кресле-качалке, укрытый до пояса клетчатым пледом, и попыхивал шаманской трубкой, подаренной ему вождем ирокезов. Вокруг громоздились полки с книгами, на столе размещался мощнейший ноутбук с нашей Базы, а по углам стояли целые батареи индийских и египетских божков. Свободной лапой кот придвинул к себе

стопку рукописных листов и, смерив меня непроницаемо высокомерным взглядом, торжественно пояснил:

— Это и есть труд всей моей жизни — «Оскал Анубиса»! Материал для этой книги я начал кропотливо собирать еще в бытность мою короткоусым юношей-студентом...

Я присела на небольшую кушетку и, сложив руки на груди, молча уставилась на располневшего обывателя. Казалось, уже ничто не выдавало в нем бесстрашного искателя приключений, неумоимого борца с нечистью, Стального Когтя и Великого Героя!

Наш котейко стал непривычно бледен — шерсть на морде заметно посветлела, загар странствий сошел. Движения стали более медлительными и размеренными, поймать мышь он сейчас не сможет даже гипотетически. Бедненький, вот что значит сидеть целыми днями взаперти в душном кабинете! Это может плохо кончиться для его здоровья — скоро совсем в бледную немочь превратится, да еще и похудеет, не дай бог. Хм... последнее вообще-то вряд ли... Я, конечно, слышала, что активная умственная работа быстро сжигает весь подкожный жир, но в данном случае Профессор — явное исключение!

— Вижу, что твоя домохозяйка успешно справляется со своими обязанностями?

— А... э... в целом да! Милая женщина, всегда вовремя прибирает квартиру и старается покупать только натуральные продукты. Знаешь, последние исследования показали фатальную зависимость привыкания к «Вискасу». Наверняка туда добавляют определенные...

— Слушай, а мне как раз срочно необходимо получить пару советов специалиста, — быстро перебила я. — Видишь ли, дела службы заставляют нас с Алексом через два дня отправиться именно в Древний Египет до нашей эры — оттуда поступили тревожные сигналы...

У котика расширились зрачки и задрожали лапы. Хороший признак!

— Нет, я ни на что не намекаю, отлично понимаю, что ты на пенсии, и потом, состояние твоего здоровья явно не позволяет...

— Мгм... какое конкретно время? — нарочито холодно поинтересовался агент 013, но вставшие торчком уши не могли скрыть внутреннего напряжения.

— Период царствования Птолемеев, кажется. В Гизе еще не растащили всю облицовку с пирамид, Александрийская библиотека не сгорела, и в нее можно наведаться, разумеется имея александрийскую прописку. Кстати, может быть, мне что-нибудь посмотреть тебе для книги? Алекс наверняка достанет одноразовый абонемент в читальный зал...

— Что ты можешь для меня посмотреть, о необразованная девчонка, даже не осознающая, какое счастье тебе привалило?! — взвизгнув, сорвался Пушок. — Гиза, Каир, Александрия... Это же Мекка для истинного ученого!

— Только не надо резких движений, побереги сердце. Да, мы с Орловым отнюдь не специалисты в данной области, но что делать? Тебя нет — крутимся, как можем... Так вот, я хотела спросить: в двух словах — чем Осирис отличается от Анубиса?

— О небо, она не знает самого элементарного! — Профессор шваркнул трубкой об пол, скинул плед и, спрыгнув с кресла и едва не сбив меня с ног, бросился в соседнюю комнату.

Я удовлетворенно потянулась и, затоптав рассыпавшиеся искры, позволила себе маленькую самодовольную улыбку. Мужчины и коты, в сущности, одинаковы, иногда достаточно показаться непроходимой дурой, чтобы они были готовы сделать для тебя все!

Доказательства? Через пару минут передо мной стоял маленький серый герой в белом плиссированном переднике и полосатом платке на голове. Агент 013 был, как всегда, бесподобен!

— Ну, что скажешь? — горделиво поинтересовался этот хвостатый тип.

— Вылитый египтянин! — восхищенно ахнула я, призвав на помощь все свое актерское мастерство, дабы задушить рвущийся наружу хохот.

Нет, в целом действительно очень похоже, если бы только платок не закрывал Пурика аж до самого хвоста. Такие головные уборы людям достают максимум до плеч. Ну и, конечно, потешная кошачья мордочка, вплоть до кончиков усов налитая непробиваемым

самодовольством...

— Итак, Алиночка, я готов! Сейчас оставлю записку домохозяйке, и можем отправляться. Что бы вы делали в Египте без профессора египтологии?!

Я помучила кота еще с полчаса сомнениями о состоянии его здоровья, нехотя согласившись, лишь когда он демонстративно отжался от пола двадцать пять раз и перекувыркнулся через голову. Вышли на улицу и пошли пешком — хотелось подышать свежим воздухом до возвращения на Базу.

Всю дорогу серый задавака важничал, уверяя, что без словаря читает иероглифы любой сложности и в любом направлении, в том числе снизу вверх и по диагонали. А уж о великолепном знании разговорного языка, начиная с додинастического периода, или о том, как досконально он разбирается в культуре и всех религиозных праздниках на любом населенном отрезке долины Нила, и говорить не приходится...

Все это, конечно, может пригодиться, но главной причиной, почему пушистый зануда срочно понадобился нам именно перед поездкой в страну фараонов, было совсем не это. Нашими оппонентами на сей раз оказались не монстры, оборотни или призраки, а целая армия коварных кошек, жаждущих революционного переворота!

Наивный Профессор искренне радовался новому путешествию и не подозревал, что на сей раз ему придется выступить против своих же собратьев.

* * *

— Что?! Разве мы не ловим сумасшедшую мумию?! — ошарашенно воскликнул агент 013 после того, как Алекс еле успел вытолкнуть его чуть ли не из-под колес пролетевшей мимо колесницы. Кот треснулся лбом в глинобитную стену ближайшего дома и возмущенно потребовал немедленных объяснений. Прохожие косились в нашу сторону с легким недоумением, кое-кто даже едва не отдал Пусику хвост...

Мы только что перенесли с Базы на одну из шумных улиц Александрии, где к котам уже относились не так трепетно, как в прошлые века. А Профессору, как знатоку египетской цивилизации, и в голову не приходило, что здесь можно охотиться на кого-то другого, кроме как на чью-то усохшую мумию. Знаете, вроде тех, с чрезмерными запросами, что, не ко времени ожив, вдруг обнаруживают в списке накопившихся за сотни лет пребывания в царстве мертвых дел под номером один — захват власти над миром! Но такими обычно занимаются киношные герои...

В одежде римского легионера командор выглядел как всегда потрясающе. Выбирая для него костюм, мы учли, что в означенное время по Александрии шаталось немало служивых: войска Цезаря, переброшенные в это время в Египет, насчитывали более миллиона солдат, большая часть которых расположилась у самых подступов к городу. Мы решили, что его будут звать Антоний, а меня — Клео. Что делать, люблю параллели с великими...

На мне было узкое голубое платье из легкой полупрозрачной ткани с открытым плечом, в нем я вполне сходила за египтянку среднего сословия (но не средней внешности!). «Переводчик» был накрепко пришит к волосам за правым ухом, у Алекса он висел в виде медальона на шее.

— Я требую обстоятельного ответа!

Алекс, кажется, даже не слышал воплей кота, он пытался привыкнуть к моему новому облику. Не осуждаю, посмотреть было на что — мои жирно намалеванные черно-синим веки выглядели весьма впечатляюще. Особенно когда краска потекла от жары: температура стояла градусов под сорок!

— Не молчите, обманщики! Если не с мумией, то с кем же еще мы будем бороться?

— На твоём месте я бы не разменивалась на мелочи. Ты в Египте, наслаждайся! Все остальное идет по строго установленному... Ай!

Мимо нас пролетела вторая коляска. Алекс успел отбросить меня на безопасное расстояние, я не была растоптана лошадью, но, как и кот, не избежала столкновения с домом.

Со стены посыпались крошки...

— Эй, вы там, прекратите крушить мой дом! Я уже третий раз за день замазываю эту трещину по всей стене, — грозно донеслось изнутри, а через минуту из дома вышел насупленный человек с ведерком мокрой глины и мрачно принялся за работу.

Я бурно послала ураганы и смерчи Сета (надо соответствовать местным обычаям!) на голову ускользнувшего типа на колеснице. Поразмыслив, Алекс решил больше никем не рисковать и затащил нас в первый попавшийся переулок, уходя с насыщенной магистрали. Был полдень — похоже, народ спешил на обеденный перерыв. Но от «до нашей эры» я такого интенсивного движения на улицах все равно не ожидала. Профессор продолжал бить себя в грудь, требуя разъяснений.

— Ладно, слушай, но постарайся не перебивать, мне и самой не все понятно... Короче, наш шеф получил данные о необычном заговоре. Коты в Египте всерьез задумали идти войной на людей, — отдышавшись, начала я. — Они каким-то образом привлекли на свою сторону древних богов (на Базе есть сведения, что те уже дали согласие). Если помнишь, еще сравнительно недавно культ богини Баст процветал, на празднества в ее честь в Бубастис стекалась чуть ли не вся страна. А как почитали и холили посвященных богине домашних любимцев?! Увы, те времена прошли безвозвратно, и на улицах Александрии, как и по всему Египту, появляется все больше и больше бродячих бездомных кошек, брошенных хозяевами. А недавно здесь, в Александрии, одна кошка даже была принесена в жертву Гору! Для твоих египетских собратьев это стало последней каплей...

— Не может быть?! — ахнул Профессор. — Жертвоприношение... Какая бессмысленная жестокость!

— Так вот теперь кошки собираются примерно наказать людей и вернуть свое бывшее влияние. Шеф решил, что мобильные кошачьи отряды, которые, по нашим сведениям, уже формируются в городе, являются реальной угрозой для всего человечества. Плюс возрождение власти древних богов... Все это крайне неприятно — уж извини, что не рассказали сразу, — вот почему мы здесь.

Мы с Алексом опустили головы перед помрачневшим агентом 013 в ожидании законного возмущения, ведь мы и правда обманом затащили его сюда и заставляем идти против своего же племени, но кот только досадливо махнул лапой:

— Мы будем сегодня есть или нет?! Мало того что ничего не объяснили толком (что свидетельствует о слабой подготовке операции!), так еще и не кормите! Я почти три недели сидел на диете, с тех пор как оставил службу, решив заняться здоровьем. Но уж если возвращаться к старому, так возвращаться полностью! Со всеми лишениями и излишествами! На моей карте Александрии указано несколько приличных ресторанчиков. С какого начнем? Может, попробуем пройти в «Дары Нила от Себека» или заглянем в «Царство Осириса»? Немного странное название для кафе, но зато экзотика...

— Точно, держу пари — фирменное блюдо у них запеканка из могильных червей!

— Зачем ты так, Алиночка, меня же стошнит...

* * *

Карта Пушка оказалась безбожно устаревшей. За десять лет многое успело измениться. Например, «Царство Осириса» туда же и ушло, если вы поняли мой намек...

Мы не очень долго побродили по окрестностям и засели в довольно уютной греческой забегаловке на улице Каллимаха. Там было попрохладнее и жара не так донимала... По дороге успели составить общее представление о городе. Должна признать, что высказывание кого-то из местных по поводу того, что «Александрия — это столица мира, а остальные города всего лишь деревни», является предвзятым. Но, с другой стороны, праведно возмутиться в ответ на это в первом веке до нашей эры могли разве что римляне. Прочий мир действительно жил в «поселках городского типа», или правильнее — в поселках типа города...

Почти миллионный мегаполис с дворцами, храмами и культурными учреждениями, знаменитым мусейоном и Александрийской библиотекой. Среди святилищ выделялся величественный Серапийон, посвященный синтетическому богу Серапису, призванному объединить религии греков и египтян в одну. Сама я этого не помнила, но кот просвещал всю дорогу. Среди богатых жилых домов встречались трех— и пятиэтажки, одноэтажными были разве что конюшни, хотя и они гораздо чаще находились в подвальных этажах многоквартирных элитных домов.

В кафе можно было занять отдельный уголок, что мы и сделали, дабы кот мог участвовать в обсуждении (после добровольного затворничества Профессор стал еще более разговорчивым).

— Почему мои соплеменники выбрали именно Александрию из всех египетских городов, вполне понятно, — вещал он, выбирая из салата с кальмарами кусочки кальмаров. — Здесь толпы народу, не менее половины чужестранцы, огромное количество приезжающих и отъезжающих... Главный торговый и культурный центр всего Средиземноморского побережья! Разумеется, всех регистрировать не успевают, несмотря на развитый бюрократический аппарат. Короче, здесь никому ни до кого нет дела...

— И поэтому на появление армии кошек в подвалах города никто не обратит особенного внимания, — подхватила я.

— Именно так, деточка! Ты растешь на глазах, и кстати, это тебе. Купил у торговца сувенирами на набережной, пока вы с агентом Алексом, стоя в обнимку, любовались на море, — с неуловимым упреком заметил Пусик, нырнув в сумку командора.

— Мы? Любовались на море?! Какая низкопробная романтика, за кого ты нас принимаешь? — возмутилась я, резко поднимая голову с груди любимого и вырывая из его ладони свою руку. — Мы просто смотрели, как какие-то дикари с полуострова грабили корабль. Вот уж не думала, что можно совершать противоправные действия на глазах у всей набережной!

— Это жители Фароса! Им можно, они этим живут! — с отчаянием в голосе воскликнул агент 013 — все, моя серость его достала.

С недовольной мордой он протянул мне вырезанную из янтаря маленькую водонапорную башню.

— Фаросский маяк — одно из Семи древних чудес света! Прими от меня на память об этой операции. У торговца были фигурки всех Семи чудес за исключением садов Семирамиды, в качестве которых он сбывал обычную традесканцию в глиняном горшке.

— Ой! Спасибо огромное, немножко похоже на модный тюбик губной помады. — Я с сияющими глазами приняла подарок. — А как тебе ее продали? Неужели здешние торговцы не только не удивляются говорящим котам, но еще и ведут с ними финансовые операции...

Кот покосился на друга и удрученно покачал головой, демонстративно не размениваясь на объяснения. Алекс за его спиной тихо приложил палец к губам, жестами показывая, что Профессор просто-напросто спер безделушку... Но тем ценнее был для меня этот презент!

— Для выполнения данного задания нам придется разделиться, — начал Алекс, безуспешно пытаясь отвлечь меня от подарка агента 013. Так что зловещий смысл сказанного до меня дошел не сразу...

— Вэк?! Мы впервые в столице, ты сам видел, какое здесь движение — я же потеряюсь и пропаду! Меня еще ни разу не посылали на операцию в такие многолюдные города. Мы, кажется, вообще в городах операций не проводили, поэтому...

— Когда-нибудь в жизни все бывает впервые, — самодовольно ухмыльнулся кот — мои душевные переживания всегда его веселили.

— Но я могу элементарно заблудиться!

— О, это ты можешь...

Алекс промолчал, опустив очи долу и меланхолично раскалывая пальцами орехи. В очередной раз тяжело вздохнув и вынув ядрышко, он подумал и сдался:

— Ладно, будешь держаться рядом со мной, но без агента 013. Ему в любом случае

необходимо внедриться во вражескую среду, как мы и планировали.

— Не волнуйтесь, я разведую все их планы и буду держать вас в курсе, — уверил нас агент 013, с достоинством отдав честь лапкой.

Котик, похоже, не испытывал внутренних терзаний, сознавая, что ему придется предать соплеменников, в ущерб им помогая людям. Профессор воодушевленно заливался совершенно неестественным восторгом:

— Я готов, друзья мои, хоть сейчас начать рисковать своей ценной шкурой ради общего дела! Надо скорее найти способ внедрить меня в подполье — душа горит, не хотелось бы терять драгоценного времени, мрм!

Пушок выпятил грудку и, задрав подбородок, искоса поглядывал на висящий на стене папирус с изображением очаровательной серой кошечки. Волоокая красавица мечтательно разлеглась в весьма фривольной позе с крайне нецеломудренным взглядом, обещающим всем холостым котам безвозмездный кошачий рай.

— Хм... Кажется, я придумала, как устроить твоё внедрение. Самый простой способ заключается в...

Несколько минут спустя, понадобившихся нам, чтобы завершить обед и, расплатившись с толстым греком-хозяином, покинуть заведение, по улице Александрии пулей несся взмыленный Профессор, а для простых прохожих самый обычный, разве что только несколько толстоватый, серо-белый кот с легкой одышкой и испуганным взглядом.

— Стой, мерзкий ворюга! Наглый обжора! Сейчас ты у меня попляшешь, — в полный голос надрывалась я.

— Он мой! — грозно ревел Алекс, размахивая над головой римским мечом.

Агент 013 чрезвычайно артистично изображал отчаянную борьбу за девять собственных жизней.

— О Исида! Как ты посмел съесть сметану своих хозяев?! А теперь удираешь от заслуженной кары, серый негодник! — Я с удовольствием зарычала, так что многочисленные прохожие буквально шарахнулись в стороны.

Интересно, сколько нам еще ломать комедию, где кошки-повстанцы?

— Дома тебя ждет жуткое наказание, хвостатый негодяй! Мы будем пытаться тебя каленым железом! Мы прижжем тебе подушечки на лапах, мы общипаем твой пушистый хвостик, а потом вырвем с корнем каждый ус. Держи его, Антоний, сейчас мы ему покажем безграничную власть жестоких хозяев!

Командор сделал вид, что пытается схватить загнанного в угол Профессора, как вдруг из какого-то полуподвала выскочили двое худощавых и длиннотелых котов (явно египетского разлива). Один попытался откусить Алексу ногу, другой, рыча, кинулся мне на грудь.

— Откуда взялись эти бешеные зверьки, проклятие Атона! — отпрыгнув, возмутилась я.

— Вряд ли в Египте сейчас так ругаются, культ Атона был бог знает когда, — поправил меня Алекс, отдирая от себя кота и зашвыривая его обратно в подвал.

— А я, может, старообрядка, — огрызнулась я.

Мой хвостатый противник успел-таки вцепиться мне в подол, а платье хотелось бы сохранить в целости... Редкий фасон, коллекционные ткани — все стоит недешево, и в костюмерной на Базе меня попросили вернуть платье, по крайней мере, в божеском состоянии.

Схватив отчаянного кота за шкурку, командор успешно оттащил его и, уводя меня с места событий, громко возвестил, что, «кажется, видел мелькнувший в конце улицы серый хвост нашего усатого вора!».

Поспешая в прямо противоположную сторону от места событий, мы, однако же, заметили боковым зрением агента 013, уводимого котами в подворотню одного из домов на улице Шешонка III.

— Предварительный этап прошел успешно, — выдохнул мой возлюбленный, сбавляя

шаг и привлекая меня к себе. — Надеюсь, и дальше все пройдет гладко и его не раскроют. По крайней мере до тех пор, пока он не передаст нам необходимые сведения о масштабах, ближайших планах и степени опасности кошачьего заговора.

Только сейчас я начала осознавать, какую непростую миссию возложил на себя наш усатый герой. В лучшем случае он действительно подвергал себя смертельному риску. В худшем... Египетские коты наверняка знают толк в проклятии душ... А потеря души куда хуже физической смерти даже для такого прожженного атеиста, как Профессор.

Как вы, наверное, уже поняли, весь спектакль был разыгран нами с единственной целью — привлечь внимание заговорщиков. Кошки, установившие, как и предполагалось, дозоры в подвальных окошечках на людных улицах, не могли остаться в стороне. После «чудесного спасения» Пусика его были просто обязаны завербовать — он «слишком много знал»...

Оставалось надеяться, что техника не подведет. В ухе агента 013 находился маленький микрофончик самого новейшего образца. Он позволял нам поддерживать постоянную беспроводную связь лучшего качества. Соответствующие мини-приемники были у меня и у Алекса на запястье в виде простеньких плетеных браслетов. Настроившись на нужную волну, мы убедились, что агент 013 жив-здоров и мирно обсуждает с кем-то проблему междинастического разлада каких-то первых гиксосских царей со вторыми гиксосскими царями (судя по всему, обе династии правили одновременно). У меня быстро опухла голова, я выключила свой приемник и обратилась к командору:

— Ну что, милый, пожалуй, нам пора в гостиницу. Скоро стемнеет и в переулочках начнут собираться маргинальные личности. Вообще-то я люблю гулять по ночному городу, но Александрия почему-то не выглядит такой уж гостеприимной...

Я отшатнулась от едва не наступившего мне на ногу косоглазого калеки с покрытым гнойными волдырями лицом и грязной ухмылкой.

— Монетки не найдется, прекрасная госпожа? — приторным голосом начал он, но, поняв, что я под защитой легионера, поспешно укувылял прочь.

Алекс молча повлек меня за собой, всю дорогу я трещала без умолку, а он только рассеянно кивал. У меня сложилось неприятное ощущение, будто командор собирается сообщить нечто, что точно не будет принято мной на ура.

Стемнело удивительно быстро, приличных фонарей еще не придумали, а в густой черноте вдоль заборов и стен стали проплывать жуткие фигуры с поблескивающими в ночи зубами и короткими ножами в руках. Со страху я едва не залезла Алексу на голову, но оказалось, что это была всего лишь артель мирных эфиопов — резчиков по дереву, поздно возвращавшихся с работы домой.

На перекрестке Алекс вдруг остановился, пару раз вздохнул и осторожно начал:

— Алина, только не горячись... Кажется, я нашел единственно приемлемый способ, как нам оставаться вместе, не вызывая лишних подозрений. Понимаешь, как солдат, я должен ночевать в казармах, то есть в палаточном лагере, а туда не пускают посторонних.¹ На постоялом дворе нам двоим поселиться нельзя — сразу заподозрят неладное. Если римский легионер платит за жилье, когда у него есть бесплатное, да еще с трехразовым питанием, значит... Как минимум он шпион, задумавший покушение на царицу! А может быть, и вообще шумерский террорист, собирающийся спалить весь город!

— Э-э, к чему ты ведешь? — подозрительно прищурилась я.

— Просто хочу сказать, что самым логичным разрешением нашей ситуации будет твое житье в лагере в качестве моей... мм... рабыни. Это разрешается уставом и не противоречит

¹ Я не сказала, что днем в первую очередь Алекс, то бишь Антоний, без особой волокиты был официально зачислен в армию Цезаря. Мы с котом при этом присутствовали и находились под впечатлением от огромного палаточного городка римлян и непритворной искренности в голосе Алекса-Антония при принесении присяги. Наличие формы он объяснил тем, что купил ее заранее в лавке «Военный гарнизон», но потребовал выдать ему законно причитающиеся новобранцу меч, щит и аванс, что и было выполнено.

исторической традиции! — торопливо выдал любимый и ободряюще улыбнулся, дабы предельно сгладить ситуацию.

— Вэк...

— Только на время операции!

— Вэк...

— Я обещаю не кричать на тебя при людях и не перегружать домашней работой! Только стирка...

— Вэк... Я не ослышалась?! Ты действительно решил унижить меня в глазах всего Верхнего и Нижнего Египта таким изощренным способом? Да чтоб я была рабыней какого-то римского легионеришки...

— Ну спасибо, — проворчал Алекс. — Во-первых, я хотел как лучше. А во-вторых, Рим на данный момент находится в самом расцвете цивилизации. Следовательно...

— Я не буду жить в антисанитарных условиях казарменного общежития! Я вообще терпеть не могу Историю Римской империи — наглые завоеватели и самодовольные итальяшки! Короче, все, прощай навек! Прекрасно переночую одна в гостинице.

— Алина, послушай меня...

— Нет и еще раз нет!

— В последний раз тебе говорю — одумайся!

— По-моему, в первый.

— Не важно. Здесь слишком опасно оставаться одной, тебя могут схватить прямо на улице и увести в настоящее рабство. Да, да, в Александрии, между прочим, часто воруют людей. А будучи (номинально!) моей собственностью...

— О небо! Да таких темных элементов, как ты, я в жизни еще не встречала. Топай к себе в лагерь, да поторопись, а то еще взыскание получишь за то, что вовремя в кроватке не оказался! За меня не беспокойся, на задании не в первый раз, живьем не возьмут... Короче, не пропадай!

Демонстративно развернувшись, я решительным шагом двинулась в ночь. Но не особенно быстро... Вдруг его заклует совесть и он решит меня догнать? Мысль, конечно, наивная, но греющая...

Сомнений в том, что я найду «Египет», не было. Еще на Базе предусмотрительный и заботливый котик заставил меня хорошенько выучить месторасположение этой самой популярной гостиницы на случай, если потеряюсь.

Так что я смело топала по неосвещенным улицам, твердо убежденная, что делаю это в знак протеста и воспитания любимого объекта. Однако, как и следовало ожидать, мерзавец Алекс-Антоний меня догонять не стал: наверняка боялся опоздать в часть и подвести своего центуриона. Упертый и бесчувственный солдафон! Ну за что только я его люблю и все прощаю?! Вот ведь и в этот раз прощу, но только утром. Пусть помучается...

А в результате, проплутав пару часов по Александрии, где ночная жизнь оказалась не менее оживленной, чем дневная, я беспросветно заблудилась. Спросить у прохожих не рискнула — слишком подозрительные рожи попадались на пути. Может быть, в плане преступности командор меня просто запугивал? Но когда на моих глазах произошли три драки с поножовщиной, один вооруженный налет, четыре ограбления и бессмысленное похищение кривоногой старушки, я впала в серьезные сомнения... Пока выручала спринтерская скорость да безрассудное счастье суперагента, но дышалка уже начинала сдавать и прическа наверняка растрепалась.

Мимо сверкали тусклые огни ночных баров и притонов, повороты сворачивали не туда, кто-то противненько хихикал вслед. Всякий раз, когда мне казалось, что я вот-вот выйду к гостинице, дорога выводила к похожему на еловую шишку искусственному холму, на котором находилось святилище Пана. А у его ворот неизменно торчала кучка студентов-наркоманов, кутивших анашу. Они с завидным постоянством предлагали мне присоединиться, и я в который раз уносила от них ноги, едва ли не на ощупь пытаюсь прочесть названия улиц, все еще теша себя надеждой добраться до вожаемой комнаты,

где я наконец буду в безопасности.

Каким чудом боги вывели меня к гостинице, за какие заслуги и после каких испытаний — лучше не знать никому. Видимо, они сдались после моей ругани — столь изощренных проклятий ни Анубис, ни Гор не слышали от сотворения мира! Дрожащим от усталости и охрипшим от междометий голосом я заказала одноместный номер в «Египте» у пожилого еврея за стойкой.

— П'йошу, п'йошу, молодая госпожа, ваш номе'й т'йнадцать. Нап'йаво от входной две'йи. П'йиятной вам ночи, и да х'йанит Изида ваш сладкий сон, — ласково улыбнулся он редкозубой нечищенной улыбкой. Я тогда еще подумала, что порядочные портье так не улыбаются, но устраивать скандал не стала, потому что очень хотела спать.

Медный ключ выглядел тяжелым и надежным, косяки крепкими, окна со ставнями, и бдительность отступила на задний план... А зря!

В результате через какой-нибудь час прямо посреди ночи я проснулась оттого, что по моей комнате шарились незнакомые люди! Два разноуровневых типа в белых масках (наверное, египтяне предпочитают белый цвет во всем, даже там, где преступники веками используют черный).

— Уй, глупая женщина! Совсем вещи с собой не носит, воровать нечего, да!

— Ай-я, может, их до нас кто-то своровал?

— Не может быть, э! Мы всегда платим за право красть здесь первыми, еврей других не пустит, уй! — совершенно не скрываясь, болтали они, нагло не обращая внимания на то, что я встала на кровати, уперев руки в бока.

— Спасите! Помогите!

Игнорирование полное...

— Ай-я, если продать женщину арабам, они дадут нам два таланта?

— Нападение на живого человека! — на порядок громче продолжила я.

Результат тот же...

— Больше одного не дадут, шумная очень, кричит, как... как верблюдица кричит!

— Вэк?! — на месте обалдела я.

— Э, тогда давай себе возьмем! Раз так кричит, страстная, наверно...

— Уй, а чем кормить? Себе бы на кебаб заработать. Понесем ее к арабам. Слушай, э, помолчи, громкая женщина!

Но если они рассчитывали взять меня без сопротивления, то здорово просчитались! Это была уже не та наивная и незащищенная студенточка Алина Сафина, которую чуть не съел психованный монстр.

О нет! У них на пути встала хладнокровная суперагентка Базы в короткой ночнушке с кружавчиками и со сжатыми кулаками. Ха! Хи-ху-хо-хе-э-й-я-а! За моими плечами стояли целых два курса самообороны: один для благородных девиц, другой для боевых котов!

Пусик заслуженно мог бы мной гордиться — гнусаво взыв, я расцарапала физиономию первого так, что только белые лоскутки закружились в воздухе! Второго пнула ногой в пах, приложила носом о колено, добавила сцепленными руками по затылку и напоследок больно укусила за волосатое ухо!

Пока они выли, катаясь по полу, я без оглядки бросилась из комнаты. Благо что в коридоре ни на кого не нарвалась, а выход был рядом. Злодей-портье сидел у себя за конторкой, поедая какую-то крупнозернистую мамалыгу. Прежде чем он успел поднять на меня глаза, я надела миску с его же кашей ему же на голову и была такова...

Только к утру, мокрая и запыхавшаяся, я добралась до лагеря римлян. О строгостях в армии Цезаря мне было известно еще из курса школьной истории — нет никаких гарантий, что меня пропустят к любимому.

Но сердобольный часовой внял моим мольбам и пустил на территорию лагеря. Здесь царило утреннее оживление: крепкие загорелые парни занимались зарядкой, строем ходили в туалет, а в больших котлах варилось что-то ароматное. Увидев умывающегося Алекса, я кинулась к нему и упала перед ним на колени, обнимая за ноги с воплем:

— Я навек твоя рабыня!

— Э-э, спасибо... вставай, неудобно...

— Нет, скажи, что я твоя рабыня!

— Ладно, ладно, ты — моя рабыня, довольна? Ну, поднимайся, пожалуйста, на нас же все смотрят.

— Я — твоя рабыня...

Класс, класс, класс!

С этого дня, гуляя по улицам Александрии хоть до самого позднего часа, я чувствовала себя в полной безопасности. При первой же попытке облизнуться в мою сторону мне было достаточно сунуть бандиту под нос кулак с нарисованным синей тушью клеймом, чтобы тот послушно отвалил. Ибо, обидев меня, он бы обидел легионера армии Цезаря, а это никому не улыбалось. Римские солдаты не пользовались большой любовью у населения, но спокойно без нее обходились, внушая взамен глубокое уважение и страх...

Этим же утром, едва мы с Алексом остались наедине, первым делом настроили связь с Профессором. По счастью, особых дел от новобранцев на сегодня не требовалось: ну помаршировали часок-другой, побегали в полном боекомплекте, прослушали политинформацию насчет величия Рима, узнали, сколь велика честь за него умереть — вот, собственно, и все. Затем объявили «свободное время», и всех, кроме дежурных и часовых, отпустили гулять в город и заниматься своими делами. Кстати, намекнув, что лучше всего там же пообедать и поужинать, дабы помочь родному легиону сэкономить, а то и так постоянные сбои с продовольственными поставками.

— Это как раз то, что нам нужно, — веди меня в ресторан! — царственно заключила я, хватая Алекса под руку и с высокомерным видом позволяя ему сопровождать меня до ворот.

Командор вздохнул, но спорить не стал, только грустно улыбнулся армейским товарищам. Ничего, пусть привыкают, рабство не вечно, а впереди феминизм и равенство полов!

Вот так, незатейливо гуляя под ручку, мы забрели в одно из многочисленных летних кафе Александрии с выбором самых недорогих блюд. Во-первых, непомерных расходов Профессор не простит, а во-вторых, римские легионеры тоже далеко не всегда были при деньгах.

Заказав обед из двенадцати сортов перца и фахитос с кетчупом,² мы незаметно приступили к прослушиванию. Увы, агент 013 на запросы не реагировал и на связь не выходил.

— Видимо, пока у него нет возможности, — задумчиво пояснил командор.

Да, на этот раз бедный наш пушистый камикадзе каждую минуту пребывания в тылу врага рискует не по-детски, а целостность шкурки для котика — священнее всего на свете! В этом смысле он переплюнет по эгоизму любого дурноста... Алекс с самым печальным выражением лица прислушивался к непрерывному мяуканью, исходившему из недр александрийских подвалов.

— Ну и что толку? Ведь кошачьего языка мы не знаем, — вздохнула я.

— А?! Почему не знаем? Прости, совсем забыл, у нас есть электронные «переводчики» с кошачьего, — хлопнул себя по лбу Алекс, поспешно роясь в сумке и доставая медальончик в форме малюсенького клыка, вероятно кошачьего.

— Премного благодарна, ты всегда вспоминаешь обо мне в самую последнюю очередь!

— Не дуйся, милая, ты же прекрасно знаешь, что я думаю о тебе постоянно, — тихо возразил командор, мягко привлекая меня к себе.

— Отпусти, неудобно же, люди кругом... ммм, обзавидуются, — мурлыкнула я, быстро тая и прижимаясь щекой к его груди.

² Это было чисто мексиканское кафе! Как видите, еще в те времена бедные мексиканские эмигранты запросто переплывали океан, едва речь заходила о возможности подработать в большом городе. Хотя лично меня к энчиладос пришлось приучать силой. И при поднесенной спичке я пыхала огнем на полметра!

Но именно в этот момент новый медальон начал действовать. Я быстренько отключила прежний микрофон — теперь в ухе у меня вместо дурного мяуканья звучала вполне разумная речь на понятном языке.

— Похоже, у них собрание, — прищурился Алекс, все еще продолжая меня прижимать. — А это, кажется, коты провозглашают лозунги!

— Точно, лозунги, — неохотно отозвалась я, столь же неохотно его отпихивая и возвращаясь на свой стул. Разумом-то я, конечно, понимала, что дело прежде всего, но на это мгновение сильно возненавидела весь кошачий род.

А лозунги действительно были занимательными...

— Вернем величие лучезарного племени египетских кошек!

— Накажем зазнавшихся людей, прежде чем милостиво позволим им вновь служить нам. Нам, самым совершенным творениям на земле!

— Слава детям величественной и неповторимой богини-матери Баст!

— Мур, мур, мур-р-мур! Мур-р-мур, мур-мур-мур-мур-р!!!

— Воистину, нет на земле фараонов, да и во всем поднебесном мире созданий более великих, чем кошки! На небесах, кстати, тоже...

— Слава кошкам и котикам, мудрейшим и прекраснейшим, пушистым и гладкошерстным...

Потом шла длинная череда аналогичных воплей, рукоплесканий (или лапоплесканий будет правильнее?), и наконец-то раздался родной, до щекотки знакомый голос:

— Всем спасибо, достаточно! Итак, свободнорожденные мои, с традиционным открытием собрания мы закончили. Пора приступить к конкретным предложениям. На повестке дня один серьезный вопрос: частное предложение Анубиса о сотрудничестве и поддержке наших революционных преобразований. Взамен древний бог надеется на то, что щадить никого из людишек мы не будем, тем самым активно способствуя пополнению рядов его подданных.

Мы с Алексом слушали эту бредовую речь, не веря своим ушам, — председателем собрания был не кто иной, как наш Мурзик! А теперь уже, наверное, «величайший и мудрейший из всех живущих Мурзиков».

— А Пушок неплохо устроился! — вытаращив глаза, не удержалась я. — Вот зуб даю, он покори́л их всех блестящим умом и глубинными познаниями в египтологии.

К счастью, с нашей стороны микрофоны были отключены и мы могли спокойно обсуждать происходящее, не боясь ненароком задеть агента 013 какими-нибудь особо критическими высказываниями на его счет.

— ...Меж тем вчера мы заручились поддержкой хранителя Бэса и покровителя вод могущественного Себека — старики еще помнят этого крокодилового прораба. Ему не нравится, что люди всюду роют каналы, строят дамбы да меняют русла, не оговаривая с ним смету, как в былые времена. А Бэс, как вы помните, в свободное от основной работы время (он числился шутком у великих богов) охранял дома простых людей, обычно больше ориентируясь на припасы. («Хе-хе-хе», — слышался смех из рядов слушающих). В общем, он тоже в обиде на черную людскую неблагодарность, поэтому будет помогать, чем сможет, исключительно на общественных началах.

— И это все? Не густо, мя-ау-у. А из великих кто, кроме Анубиса и Сета? С Осирисом не разговаривали? — высокомерным тоном мяукнул кто-то из толпы (полагаю, что из толпы).

— Не-э, он категорически отказался, узнав, что мы сотрудничаем с Сетом, — никак не может забыть то расчленение, хоть это и было тысячу лет назад. Конечно, и на жену его, Исиду, мы теперь не можем рассчитывать. Говорят, после той истории она даже в одной комнате с Сетом находиться не может — ее тошнить начинает... — Это уже был не агент 013, а какой-то пожилой кот, судя по голосу. Профессор, вероятно, всего лишь вошел в совет старейшин (хотя и это немало за одну ночь).

— Что-то мы поторопились, неправильную политику повели. И вообще, кто

договаривался с Сетом? Ведь ясно было, что это если не настроит против, то лишит нас сотрудничества всего семейства Осириса, включая и его честолюбивого сына Гора, — высказался хриплый голос.

— Ну Анубис-то тоже его родной сын, а все равно не отказывается, — слышался нерешительный голос агента 013.

Так вот кто договаривался с Сетом, втихомолку вредя планам АЕК (армии египетских кошек). Неужели за один день он приобрел такую власть среди своих собратьев? Но как ему это удалось?

— Добрый мой Хнум, ты знаешь, что благородный Великий Кот печется лишь о нашей победе и моем воцарении на египетском троне как живой ипостаси лучезарной богини-матери Баст, нашей прародительницы, — заступилась за нашего кота какая-то кошка, то есть, судя по всему, самая главная там.

— Ладно, кошка, я здесь, как и все боги, только потому, что еще надеюсь вернуть веру в себя, — ответил тот же хриплый голос. — Ведь я создал их, потратив целый трудовой день и четыре мешка глины, а они, неблагодарные, и думать об этом забыли, верят в какого-то Сераписа, смешали трех или четырех богов. Настоящий мутант получился наподобие сфинксов — ну мы и развлеклись тогда с Осирисом.

— Вот бы посмотреть на этого Хнума, насколько я помню по картинкам, у него голова барана и тело человека. А еще он сделал людей из глины, — сказал Алекс.

— Если это действительно так, он в свое время был очень важной шишкой, — заключила я.

Нашему коту довелось увидеть живого бога, надо расспросить его во всех подробностях, как только вернется. И о кошке той, наверное, даже в первую очередь поинтересуюсь. Значит, у них там самый главный предводитель не кот, а кошка, а наш Пусик, похоже, у нее в фаворитах ходит. Хороший расклад, ничего не скажешь.

— ...Конечно, моя царица. Ведь помощь от Сета будет немаленькая, он всегда был самым могущественным. Пыльные бури, дожди, град, гром небесный... Правда, в том объеме, в каком он сейчас может себе позволить. Сет сейчас не в лучшей своей форме, как и все древние египетские боги, прошу прощения (видно, это относилось к престарелому Хнуму), впрочем... — воркующе-нежным голосом отозвался наш котик, еще раз подтвердив все мои подозрения на его счет.

— Приветствую вас, иноземцы.

Рядом с нами откуда-то вдруг возник маленький кривоногий горбун с невероятно крупной головой. Из одежды кроме набедренной повязки на нем был только большой картонный воротник с орнаментом из треугольников. Бесцеремонно прыгнув на стул рядом с нами, он принялся поглощать еду из моей тарелки. От удивления, а может, потому, что была не очень голодна, а больше думала о том, где найти укромный уголок, чтобы поспать, я не успела и ахнуть. Между тем бомж (а кто же еще), в мгновение ока покончив с моим картофельным салатом, тут же собрал остатки заказанных Алексом наперченных куриных ножек и с жадностью проглотил и их, без стеснения орудуя прямо руками.

— Прошу прощения, мои благословенные, вы еще что-нибудь заказывали — стоит ли мне ждать и вознаградится ли мое ожидание? — вежливо поинтересовалось это странное существо, вытирая жирные руки о набедренную повязку не первой свежести.

— Эй, ты что, совсем наглый? Кстати, ты ошибся, мы местные, то есть я, по крайней мере. Меня папа продал в рабство этому солдату, — сказала я, указывая на Алекса.

— Да с чего ты взял, что мы иноземцы? — уязвленным голосом подхватил Алекс, заботливо оправляя свою римскую тунику.

А я не совсем понимала, почему это мы такие вежливые с этим нахалом, но ругаться что-то совсем не хотелось.

— От египетского божества мало что скроется, не узнаете? Обычно я веселый такой, шутник, просто сейчас меланхолия напала. Ну так как там, еда еще предвидится?

— Бэс? — угадала я, а когда карлик с грустной важностью кивнул, не выдержала: —

Ты что, три дня не ел? Вообще-то я думала, боги одним жертвенным дымом питаются.

— Дыма давно уже нет. И я вечно голоден, особенно в последние десятилетия, с тех пор как люди начали меня забывать. Даже амулеты перестали делать с моим изображением. Сам понимаю, особо внешностью не вышел. Но раньше-то моя нескладная фигура прекрасно годилась для того, чтобы быть изображенной на кулончиках и перстнях-печатках. Эх, тяжелые времена настали. В отличие от высших я всегда жил среди людей, вот и сейчас тут перебиваюсь. Что смотрите так жалостливо? Не похож я на бога веселья, сам вижу. Ну так что, закажите мне еще поесть, что-то вдруг снова куриных бедрышек захотелось и утки жареной, а еще маслин, да побольше, фиников корзинку да бобов вареных, а еще овсяных лепешек.

Алекс слушал, оцепенело кивая, похоже, поддался ненавязчивому божественному гипнозу, а я, с трудом сбросив наваждение, воскликнула:

— А не лопнешь, вашество? Ты прав, мы не местные и поэтому местным астральным сущностям не сострадаем, благотворительностью в пользу позабытых полубогов не занимаемся. У нас тут другая миссия.

Я встретила взглядом с пришедшим в себя Алексом и увидела у него в глазах ту же мысль. Через секунду он уже держал навязчивого Бэса за шкурку и пытался отодрать от стула.

— Другая миссия? А, знаю, знаю, спасти людей от кошек. Кошачья угроза! Звучит страшно. Ну и умора, самому смешно! — противно захихикал карлик, никак не реагируя на усилия Алекса.

— Почему бы тебе не отодрать его вместе со стулом? От пола в смысле, — нетерпеливо заметила я, наблюдая за Алексом.

— Давно бы отодрал, да его стул прилип к полу, или они их тут прибывают?

— Это видимость, просто я очень тяжелый, — с виноватым видом сообщил Бэс и, всхлипнув, добавил: — Хотя и неблагодарно забыт верующими. Ох я несчастный!

Алекс не выдержал:

— Хватит ныть, ты нас этим не удовлетворишь, — и повернулся ко мне. — Он мне надоел, пусть у других прихлебательствует и ноет.

— И поною! — с обидой подтвердил грустный бог веселья, но, увидев, что мы уходим, тут же вскочил и бросился за нами.

Алекс поспешно рассчитался с официантом, который озадаченно поинтересовался, что он делал со стулом. Как пояснил нам потом с печалью в голосе Бэс, его мало кто видел, потому что сие сомнительное удовольствие мог получить только тот, кто верил в него. А мы с командором за минуту до его появления как раз говорили о своем желании увидеть кого-нибудь из богов, из чего он заключил, что мы в них верим (наивный... но мы верим).

Как мы ни старались отделаться от пристающего инвалида, оторваться и юркнуть в первую попавшуюся дверь, затеряться в толпе, у нас ничего не получилось. Бэс всякий раз вырастал как из-под земли.

— У нас тут задание, а он мешает работать, даже подслушивать заседание кошек при нем как-то неловко, ведь он на их стороне. Но выход есть, надо его перекупить, — заявил Алекс, отведя меня в сторону, но карлик уже стоял рядом и противно улыбался.

— Но как? — в отчаянии воскликнула я.

Алекс устало мне подмигнул, дескать, доверься мне, напарник, и повернулся к маленькому прилипале.

— Знаешь, вашевысоко, переходи-ка на нашу сторону с переселением, — без предисловий начал он, доброжелательно улыбаясь насторожившемуся карлику. — Сам посуди, что тебя ждет здесь, в Египте. Ну победите вы с котами, ну поймут люди, вспомнят и вновь в тебя поверят. Но сколько времени это будет продолжаться? Пять, ну максимум десять лет, не больше. Обновляется культура в результате слияния народов, а с ней и религия, на смену вам придут другие боги, более востребованные...

— Э-э, да-да, любимый, только мне кажется, ты его сильно расстроил.

Мне почему-то этот маленький сникший полубог, покорно слушающий то, о чем, конечно, и сам прекрасно знал, становился все симпатичней, хотелось помочь ему. Да только чем?

— Так вот, у меня идея. Ты бог веселья, а у нас на Базе (о ней ты наверняка имеешь полное представление и знаешь, что это не самое худшее местечко на свете) как раз сейчас ищут конферансье и ведущего праздничных программ на внутреннем радио. Нужен такой умеющий заводить публику и обладающий чувством юмора и обаянием диджей и шоумен в одном лице. У нас ты всегда будешь при деле. Все обитатели Базы любят веселые и шумные праздники. И трехразовое питание каждый день.

— Трехразовое? А не обманешь? — сверкнул глазами божественный карлик, быстро о чем-то, сморщив лоб, поразмыслил и, приняв решение, согласно кивнул. — Думаю, даже мудрый Тот меня бы поддержал — не самый глупый поступок. Только покормите меня и можете заниматься своими делами, мешать я вам не стану, даже помогу, когда понадобится, правда, если в тот момент у меня будет настроение вам, смертным, помогать.

— Вот и отлично, договорились, — обрадовались мы.

А командор молодец, похоже, в отсутствие кота роль генератора идей он взял на себя. Эх, где теперь наш милый Пусик, что поделывает? Когда на нас в кафе налетел незнакомый горбун, наши микрофончики отключились сами собой, правда, мы не сразу это заметили. Видно, какая-то сила у Бэса еще оставалась, несмотря на его нытье. Хотя сомневаюсь, что он сможет долго веселить наших хоббитов да гномов — народ у нас изощренный, ушлый, нужно обладать большим талантом юмориста, чтобы поддерживать их внимание и не терять бдительность, а то они сами, если позволишь им хоть на минуту заскучать, выкинут такое, что мало не покажется.

Заскочив в ближайшее кафе, мы набрали еды в количестве достаточном, чтобы убить лошадь (если заставить ее все это съесть за один присест). И тут я увидела нашего котика. Он делал нам знаки, притаившись под аркой дома на противоположной стороне улицы. Нагрузив едой аж прослезившегося от счастья Бэса, мы с Алексом, старательно делая вид, что этот кот нас нисколько не интересует, последовали за ним, пока он, сильно путая следы, так что мы едва не потеряли его из виду, не привел нас в какой-то запущенный сад, окруженный каменным забором (калитка была отворена).

— Друзья мои, наконец-то! Как я скучал! — воскликнул котик, сначала обхватив лапами мою ногу, а потом счастливо потрясая в лапках Алексову руку.

Заявив, что у него в распоряжении не более получаса, агент 013 поведал нам о планах кошек. Оказалось (правда, для нас это уже не было тайной), что они рассчитывали усадить на трон одну хитрую самозванку, то есть, я хотела сказать, милую и целомудренную кошку, которая должна была стать реальным воплощением Баст на земле. Именно стать, поскольку кошка должна была войти в ее тело только после соответствующих ритуалов, кои будут совершены в одном из полузабытых храмов богини, где в Поздний период люди с особым восторгом возносили ей молитвы и приносили жертвы, а жрецы непрестанно служили ей. Это произойдет сегодня ночью. Вот слепок ключа от двери храма.

— Где именно находится этот храм, чтобы мы успели туда добраться? — быстро спросил Алекс, сняв с шеи кота шнурок с восковым слепком, который я приняла за медальон.

— Это совсем недалеко отсюда, в районе гробницы Птолемея Второго, помнишь, Алиночка, когда мы в первый день гуляли по городу, ты поинтересовалась, что это за помпезное сооружение? Ну, в любом случае карта у вас есть, дети мои, — деловито напомнил Пусик и, быстро проведя языком по шерстке на спине, добавил: — Мне наверняка уже пора.

— Что?! Ты сам сказал, что у тебя есть полчаса, а прошло не больше десяти минут, — возмутилась я. — К тому же ты не рассказал, как добился такого влияния у них при дворе, или какая там власть, ты же, по твоим словам, даже проводишь их внешнюю политику.

— Э-э... мгом... такой блистательный ум, как у меня, не мог остаться незамеченным, он

всегда будет востребован. Они прямо-таки ухватились за меня, тут нам повезло, в общем, не будем надолго прощаться, партнеры.

— Не юли, агент 013! Я никуда тебя не отпущу, пока ты все нам не выложишь.

Кот хотел юркнуть в кусты, но я быстро цапнула его за хвост.

— Это насилие! Я протестую! — по своему обыкновению завопил он, а Алекс с сожалением глядел на мучения товарища, не в силах ему помочь, ведь выбор он сделал уже давно, и, смею вас уверить, самый правильный...

— Итак, повторяю, у них неплохая охрана, — вынужден был вещать блудный кот, немного отдышавшись и мудро не делая лишних движений, — сплошь состоящая из меджаев, потомственных наемных воинов. Они будут охранять все подступы к месту совершения обряда — вам придется попотеть, чтобы проникнуть в храм.

— Жрецы? Значит, в заговоре участвуют еще и люди?! — удивилась я.

— А куда без них! Они помогают кошкам, но не беспокойтесь, в основном это жрецы самого низкого ранга, когда-то отличились как опекуны священных животных, в основном, конечно, кошек.

— Если придется драться еще и с ними, для нас особой разницы не будет, какой у них там ранг: самый высокий или самый низкий, — разозлилась я.

— Эй, драться буду я, — успокоил меня Алекс. — И нет смысла сейчас беспокоиться об их числе. Если я умру...

— Я похороню тебя в золотом гробу, — всхлипнула я, пытаюсь шуткой разрядить обстановку.

Но агент 013 зря рассчитывал, что отвлек меня от своей персоны. Я уже намеревалась вернуться к его допросу и, не ослабляя захват, продолжала держать его под мышками, стискивая ему ребра до хруста, как котик в последней надежде вернуть себе свободу весьма артистично стал выказывать живейшее беспокойство, тыча лапой в сторону.

— Меджаи! Ну конечно, мы же на частной территории. Ну и амбалы, да еще с копьями, нам не отбиться, бежим, ребята! Полундра! Мур-ряуу! — уж с очень показушным беспокойством завопил он.

— Ну-ну, старая уловка! — презрительно скривив губы, откликнулась я, медленно сжимая пальцы. Но в то же мгновение котик, отчаянно извернувшись, выпал из моих рук, мягко приземлившись на лапы.

Алекс резко дернул меня за плечо. Гневно обернувшись, я застыла, поняв, что Пусик не врал. Из глубины сада на нас надвигались четверо здоровенных полуголых загорелых типов с наплечными браслетами и метровыми мечами наперевес. Мгновенно осознав то, что мои партнеры поняли еще раньше, что в данной ситуации короткого меча Алекса не хватит, чтобы победить, я перестала сопротивляться усилию любимого, уводящего меня в сторону калитки, и первой бросилась на улицу.

Только за вторым поворотом, когда мы перевели дух и убедились, что погони нет, я подумала, что, вероятно, все-таки стоило сразиться с охранниками-меджаями: это дало бы нам хорошую практику и уверенность перед встречей с их земляками сегодня вечером.

— Именно с таким расчетом, благословенные мои, я и шепнул главному охраннику на ухо, что в сад пробрались воры, и пнул его заместителя, — неожиданно прозвучал нарочито досадливый голос. Рядом стоял Бэс, глядящий на нас насмешливым взглядом. — О великая Маат, я срываюсь с места, не доев вкусную жареную утку, и в порыве благодарности лечу к вам на помощь. Отворяю калитку, чтобы вам было где посекретничать, а узнав о предстоящем моим друзьям испытании ночью, обеспечиваю им хорошую разминку. Видеть-то меня люди не видят, но слышат, если я захочу, хорошо. Но смертные склонны к неблагодарности, и сейчас мне это предстоит испытать на себе.

— Так вот на какую твою помощь мы можем рассчитывать! — рассердился Алекс. — Слушай, помощник, постарайся сегодня ночью быть как можно дальше от храма Баст.

— Мгм, — неопределенно откликнулся Бэс и исчез.

— С кем это ты там разговариваешь, партнер? — поинтересовался агент 013, пытливо

глядя на Алекса.

Оказалось, что Профессор, посвятивший египетским богам целую томину, изучив их до основания, сам в этих богов не верил. Конечно, он понимал, что кошки сотрудничают с так называемыми богами, и с Сетом вел переговоры, и Хнума на собрании видел, но для него это были лишь астральные сущности среднего масштаба, в лучшем случае демоны высшего порядка, а в них надо было верить, как верили простые египтяне, а не кто-то вроде философов-скептиков (кстати, модных в это время в Александрии; одного скептика мы потом встретили в кафе, он долго сомневался, можно ли есть то, что ему подали, а стоило Алексу выйти на минутку, подмигивая, поинтересовался, может, я не прочь вместе разочароваться в добродетели целомудрия, дескать, вчера он уже разочаровался в познании, когда его выгнали из университета за неуспеваемость. Я ему показала кулак — с татуировкой).

Мы хотели познакомить кота с Бэсом — в чем-то они очень похожи: прежде всего, конечно, размерами и вечным чувством превосходства над теми, кто рядом. Но у агента 013 уже действительно не было времени. Недовольно сообщив, что ему давно пора и что его вполне могли засечь «собратья» по Армии Божественного Возмездия (так, оказывается, называют себя коты), он короткими перебежками, с озабоченным видом озираясь по сторонам, как то свойственно котам на улице, отправился завершать свою миссию, как он важным тоном выразился.

— Что, интересно, он задумал и почему ничего не сказал нам о своих планах? — обиделась я, к тому же раздражало то, что начавшее мучить любопытство мешало сосредоточиться на деле.

Но самое главное: ради чего кот, рискуя быть разоблаченным, отыскал нас? Только для того, чтобы передать слепок ключа от тайной двери полузаброшенного храма Баст? Насколько мы поняли, какие-то жертвоприношения там проводились, но весьма нерегулярно и с каждым годом все реже и реже, жрецам и жрицам давно не выплачивали зарплату, так что они отменили постоянные дежурства в святилище. Но сегодня в храме, кажется, будетлюдно, поэтому нам нужно было проникнуть внутрь заранее. Но что мы там будем делать, ума не приложу.

— Мы помешаем проведению ритуала. Пока ты будешь отвлекать охрану и драться со жрецами, я опрокину алтарь, или что там, и, схватив непорочную кошку... ну и умора, непорочная кошка — два совершенно несовместимых понятия... — хихикнула я, но, заметив, что Алекс не увидел тут никакого юмора и серьезно смотрит на меня, поспешила закончить: — Схватив ее, дерну к выходу. Думаю, непорочная кошка — явление уникальное, и вряд ли им удастся найти еще одну. Так мы разрушим их планы. Они не смогут вернуть Баст, во главе с которой мыслили править миром. А без нее у них нет шансов.

— Ты забыла о других богах. Интересно, в чем будет заключаться их помощь? И какого рода проблемы от них нужно ждать — с охранниками и жрецами-то все ясно, — задумчиво отозвался Алекс.

Надо было поскорей сделать ключ. И мы, порасспросив на улицах, под вывеской «Изделия из дамасской стали» нашли мастерскую по изготовлению оружия, кухонных и боевых ножей и всякой мелочевки вплоть до наконечников копий для охоты на крокодилов. Большую часть просторного, с полукруглыми каменными сводами помещения занимала кузница, и я с удовольствием понаблюдала за работой кузнеца-араба, пока точильщик, тоже араб, вытачивал нам ключ.

— Получается, что дамасская сталь была изобретена еще до нашей эры?! — округлив глаза, повернулась я к Алексу.

Тот только неопределенно покачал головой, причем очень похоже на то, как это обычно делал наш котик, поражаясь моей необразованности, так что я даже неожиданно для себя умилилась, вместо того чтобы обидеться.

Наконец ключ был готов.

Руководствуясь картой города, мы планировали сперва найти храм богини-кошки, а так

как до назначенного для ритуала часа было еще далеко (мы знали только, что это будет ночью, пару раз пытались связаться с котом для уточнения деталей, но он или отключил микрофон, или его раскрыли), то решили сначала спокойно где-нибудь подкрепиться перед боевой ночью и заодно обдумать, как будем действовать (кажется, в этом городе мы только и делали, что подкреплялись).

Мы пошли через базарную площадь — так было короче. Если бы я знала, какое приключение здесь меня подстерегает, за километр обошла бы это место.

— Бэс куда-то подевался, — задумчиво отметил Алекс, не сводя взора с разложенного на одном из прилавков оружия.

Здесь были мечи, кривые сабли, кинжалы, луки со стрелами в комплекте — короче, все, что нужно настоящему мужчине (по его собственному мнению, разумеется, только зачем? Вот глупые мужчины!).

— Пропал, жаль. А я к нему уже успела привязаться, — откликнулась я задрожавшим голосом, вдруг увидев на соседнем с оружейным прилавке огромный выбор шкатулок для драгоценностей, веера из раскрашенного папируса, страусовых перьев и пластинок сандалового дерева, а еще африканские кольца из стекляшек всех цветов радуги.

Вот что действительно важно и практично!

Алекс тщетно пытался меня от этих сокровищ оттащить, ссылаясь на то, что у нас уже нет времени. Ему это удалось только после того, как он купил мне браслет из розового жемчуга, на который я повелительно указала. Деньги-то у меня были, но, если бы купила я, удовольствия было бы гораздо меньше, ведь что сравнится с подарком от любимого?!

Не удержавшись, я кинулась довольному Алексу на шею:

— Спасибо, спасибо, любимый мой медвежонок!

— Вай, какая девушка! О храбрый воин, ответь скорей благородному аль-Рашиду, то есть мне, кто эта девушка, цветом лица напоминающая пурпурно-розовый лотос? Твоя сестра?

Рядом появился какой-то то ли знатный, то ли просто богатый араб в длинных одеждах, сопровождаемый амбалами-охранниками с мрачными рожами и кривыми ятаганами на поясе. Похоже, какой-нибудь шейх с парой нефтяных вышек.

— Э... мгм, нет... — даже растерялся от такой бесцеремонности Алекс.

— Тогда жена? — не отставал восторженный арабский шейх, не обращая внимания на один из самых суровых взглядов из моей коллекции суровых взглядов.

Куда он клонит?

— Значит, рабыня. Может, продашь?

Но тут Алекс не выдержал и... разоткровенничался:

— Я бы вам не советовал. Одно мучение с ней, я купил ее не так давно, но за это время успел потерять покой и сон. Более избалованной, вздорной и скандальной женщины просто не сыскать. Верите ли, но даже когда мы просто гуляем с ней по набережной, меня всякий раз мучает неодолимое желание бросить ее в воду. «Кинь ее, — думаю, — и конец самой большой проблеме в твоей жизни».

Я надулась и чуть не заплакала от негодования. Вот сволочь! И я еще его любила, но сейчас надо держать себя в руках, не подтверждать же его слова топаньем и возмущенными выкриками. Хотя, с другой стороны, зачем себя сдерживать? Но я не успела и рта раскрыть, как эти двое принялись оживленно торговаться.

— Даю тебе за нее десять сестерциев.

— Что? Да я сам платил двадцать, к тому же она не продается.

— Но ты же сам только сейчас говорил, как много горя она тебе доставляет. Зачем же тогда она тебе, о благородный воин? Бери тридцать сестерциев.

— О! Хорошая сделка. Да ты делец, Антоний. Вообще-то красная ей цена два-три сестерция, повезло тебе, брат.

Алекса радостно похлопывали по плечам вдруг возникшие откуда-то рядом сослуживцы.

— Сегодня с тебя пирушка, легионер! — быстро объяснилась их радость.

— Ммм... нет. Она не продается, пошли, Алина, то есть Клео. Это ее второе имя, не обращайтесь внимания.

Но за это время мы оказались окружены довольно плотной стеной любопытствующего народа, который сейчас удивленно ахнул. Все как один подозрительно уставились на нас.

— Сто сестерциев! Вай, ты очень искусен в торговых делах, воин. Твоя взяла.

— Ммм... За эти деньги можно купить сто верблюдов! Или корабль, нагруженный товаром! Или огромный дом с садом! — слышались возгласы из толпы.

Алекс окинул взглядом народ.

— Дом с садом — моя давняя мечта, — медленно произнес он и спокойно добавил: — Что ж, согласен.

Я до того обалдела, что молчала еще секунд десять, меня прорвало только после того, как один из охранников шейха начал меня легонько подталкивать в спину. Тот уже успел расплатиться и теперь величаво шествовал сквозь быстро расступавшуюся перед ним толпу зевак.

— Проклятый предатель! Стойте, не трогайте меня, на самом деле я свободная женщина. А ты, иуда, после такого можешь больше не рассчитывать на мою руку и сердце! И заberi свое поганое колечко!

«Встав в позу», я картинно сорвала с пальца подаренное им колечко и, махнувшись, хотела уже бросить его вслед удаляющемуся Алексу, но, подумав, быстро надела обратно. Потеряется еще, тут же какой-нибудь халявщик подберет.

— Ха-ха, свободная женщина, а то как же. А татуировка откуда? Может, это знак власти? Сама царица его тебе пожаловала, поставив руководить мартышками в своем дворцовом зверинце, — «остроумно» высказался один из охранников вдруг ни с того ни с сего ставшего моим хозяином (вот счастье-то мужику привалило) арабского богатея.

Звали его Ахмед али-Махмуд Шахреяр Гарун аль-Рашид (ну или примерно так, честно, я слышала его имена лишь раз и запоминать не пыталась). Хоромы у него оказались ничего себе. Белоснежный особняк вместе с садом соток на двенадцать, не меньше, окруженный высоким каменным забором. В саду фонтанчики, здесь же разгуливали леопарды в ошейниках — их появление предсказало поначалу показавшееся мне очень странным поведение моих конвоиров. Ребята вдруг затихли и, пригнувшись, постарались идти на цыпочках, их лица напряженно вытянулись и посерели.

— Эй, что, пищевое отравление? Странно, что вас всех так... одновременно скрутило.

— Тише ты!.. — испуганно зашипел ближайший ко мне охранник, парень, по виду явно страдающий ожирением и, похоже, еще и бронхиальной астмой в придачу. Он так шумно дышал рядом, что я чуть не оглохла.

Но опасную зону мы пройти, вернее, пробежать на мысочках (эх, где мои пуанты!) не успели. Два леопарда вдруг выпрыгнули из кустов, мягко приземлились рядом и, ехидно шурясь и ловко подхватывая языком стекающую слюну, направились к нам. Дико взвизгнув, я кинулась сквозь колючие заросли акации в рощу из смоковниц, затем в орешник, охранники от меня не отставали. Попад в павлиний вольер, я схватила одну особь помоложе и, как мне показалось, поаппетитней с точки зрения хищника и бросила возмущенно кричащую птицу в сторону неотстающих леопардов. «Прости меня, птичка, инстинкт самосохранения заставляет совершать страшные поступки», — покаянно думала я, торопливо перелезая через решетчатую оградку, пока меня вконец не заклевали рассерженные собратья зеленохвостой жертвы.

Выбежав к дому, я влетела в открытую дверь и оказалась на кухне. Охранники влетели следом. Толстый трясушимися руками закрывал задвижку.

— Да-а, гостеприимный дом. Надеюсь, хоть крокодилов в бассейне здесь не разводят, хи-хи, — как мне показалось, удачно пошутила я.

— Крокодилы в пруду, как раз с той стороны дома, где живут наложницы господина, — без тени насмешки ответил толстый астматик, глядя на меня при этом с

глубоким сочувствием. Я сглотнула.

Но, несмотря на первое неблагоприятное впечатление, жизнь здесь мне была уготована довольно сносная. Во-первых, очень комфортные условия для «до нашей эры». Ванные, туалеты со сливом, мозаичные полы с красивым орнаментом, стены расписаны, по всему видать, почти профессиональными художниками. Мебель из дорогих пород дерева. Это даже я разглядела, хотя красное дерево от многослойной фанеры любой отличит. Везде диванчики, кушеточки, светильнички, хоть и масляные. Кое-где на стенах драпировки, тоже, видно, ручной работы, а не фабричные.

— Жить можно! — констатировала я, оказавшись наконец там, где мне суждено было обрести свой уголок и проводить безрадостные дни, но это мы еще посмотрим.

Этот тип очень скоро увидит, как мне хорошо без него, вот прибежит меня спасать, станет прощение вымаливать, ссылаясь на то, что вынужден был так поступить, потому что в ту ночь в лагере, которую он провел без меня, успел наделать огромные карточные долги, и теперь ему угрожают смертью. А я не пойду, удивленно так его встречу: дескать, что тебе от меня нужно, мужчина? Прости, но наши пути разошлись, а здешняя жизнь уже стала моей, и я никуда уходить не хочу, тем более возвращаться к прежнему образу жизни. Куда лучше целыми днями полеживать в бассейне, наполненном молоком молодой черной ослицы, вскормленной одними персиками, сорванными в полнолуние, а потом наслаждаться массажем с ароматическими маслами и есть одни устрицы, запивая их белым вином. Одна беда — Алекс на деньги не играет. А это значит, что объяснений его предательству нет. И придет ли он когда-нибудь за мной?

Отношения в коллективе не заладились с самого начала.

— О Исида, еще одна?! Вот сволочь ненасытная, ему что, тридцати двух наложниц мало, тридцать третью взял?

— Кстати, ты там планы на сегодняшнюю ночь не строй. Думаешь, раз новенькая, значит, вне очереди, — сердито воскликнула тощая карга, потрясая каким-то свитком.

— Да больно надо, — миролюбиво ответила я. — Быть в конце списка — то, что мне нужно.

— Хорошо, запишем тебя на прием к аль-Рашиду в марте следующего года. Устроит? — довольным голосом поинтересовалась эта озабоченная тетка.

— Конечно, конечно, — елеинным голосом ответила я, глядя, как она делает запись, и в сторону добавила: — Сомневаюсь только, что этот ваш шейх сможет забыть мою ослепительную красоту.

Но услышавшая меня девица, укладывавшая себе волосы, даже не оборачиваясь, посоветовала мне не зарываться. Вообще, тут каждая была занята собой: одна брила ноги, другая выщипывала волосы на груди, кто-то клеил ресницы, две девушки в бассейне судачили о гробнице, которую строил себе аль-Рашид. Не будучи по происхождению египтянином, он уже несколько лет жил в этой стране и был поклонником египетской культуры. Поэтому, располагая деньгами, даже купил участок земли в той части Александрии, где строили себе гробницы разные Береники и Арсинои, ну и просто знатные люди, включая и почетных горожан. Например, гробница Александра Македонского, где тот покоился в золотом гробу, была всего в паре кварталов от него. Уже был готов макет будущей гробницы аль-Рашида, и на стенах ее должны были быть нарисованы разные сценки полезных знакомств. В одной аль-Рашид стоял в обнимку с крокодилоголовым Себеком, в другой здоровался за руку с самим Осирисом. С Анубисом играл в шахматы, дарил какой-то сувенир зардевшейся от радости Исиде, удивленного Тота — писца богов, одобрительно похлопывал по спине, через плечо заглядывая в его записи.

Что это — мания величия или дань традиции, меня совершенно не интересовало.

После обеда все вышли в сад — там был огромный бассейн. Судя по тому, как резво попрыгали туда девушки, крокодилы обитали в другом месте. Со скуки я уже собиралась нырнуть пару раз, как заметила очень знакомую фигуру в кустах (нет, это был не он, — вы слишком хорошего мнения об Алексее, если сразу подумали о нем, и не кот, кстати, надо

потом постараться уединиться и попытаться выйти с ним на связь). Это был Бэс, кривоногий карлик, со счастливой физиономией подглядывавший за купающимися девушками, правда, не у всех из них вид мог вызвать приятные фантазии, но Бэс явно не был эстетом.

— Эй, чем это ты там занимаешься, маленький извращенец? — незаметно подкравшись, крикнула я ему в ухо.

Понимаю, с богами так разговаривать нельзя, даже с самыми мелкими, но характер у меня неуправляемый.

— Что тебе нужно, девчонка? Сами меня прогнали, а теперь пристают, неблагодарные создания Хнума, — обиженно поджал губы карлик, отворачиваясь от меня и принимаясь вновь лицезреть купальщиц.

— Что ты несешь, никто тебя не прогонял! — возмутилась я.

— Ладно, это твой возлюбленный меня прогнал, у него сейчас убитое настроение, а я, едва он оставил тебя, кинулся к нему, с возмущением вопрошая, когда наконец будет подан обед великому богу. Тогда он и велел мне проваливать. Знаю, сейчас раскаивается в содеянном, но только поздно, — сердито добавил он, не сводя взгляда с очень пухлой наложницы, собирающейся с разбега прыгнуть в бассейн, несмотря на вопли протеста товарок.

— Тогда пока, — зевая, я повернулась, чтобы идти в дом.

— Стой, смертная, ты в дом, принеси-ка мне чего-нибудь поесть. Чем калорийнее, тем лучше: поев, я подумаю, благословенная моя, как помочь тебе сбежать. Ведь забор высокий, а калиток здесь две, одну леопарды охраняют, а другую...

— Крокодилы, знаю.

— Уже разведала.

— Догадалась, — уточнила я.

Кстати, глянув на фигурку божка, я сразу отметила, что он сильно поправился и даже подрос чуток, и это за один-то день. Хотя, сколько он ест, просто умирительно. Он нам (точнее, теперь только мне) этим кота напоминает, пока с последним я в вынужденной разлуке.

Я притащила карлику баранью ногу с кукурузной кашей на гарнир (для меня экзотика) и кувшин кислого молока. Подивилась, почему он не хочет идти в дом и пообедать в цивилизованных условиях, ведь его все равно никто не видит, но Бэс возразил, что боги никогда не станут принимать пищу в человеческом жилище, когда имеется возможность сделать это на природе, ведь многие из них и есть воплощение сил природы. И поэтому он не любит консервированного и еще слишком разваренную картошку, хотя не знаю, как это связано с единением с природой.

Поев, карлик поблагодарил и мгновенно куда-то исчез, я ждала в надежде, что он вернется выполнить обещание, ждала до темноты, но полубог так и не появился. Мои товарки удивленно поинтересовались, почему это я сижу в кустах, когда уже пора спать и через полчаса закроются все двери в доме. Стражники, охранявшие наружный вход в покои наложниц, неотрывно следили за мной, так что пришлось оставить свой пост и идти укладываться спать.

Без сна ворочаясь на довольно узкой кровати (когда вас тридцать три, не напасешься места для просторных кроватей с балдахинами на каждую), я вдруг подумала, что этот аль-Рашид действительно даже не вспомнил обо мне, даже не поинтересовался, как устроилась и все ли меня здесь устраивает. Хам. Все это было очень грустно, и, поплакав на сон грядущий, я и не заметила, как уснула.

Во сне мы с Алексом целовались на чердаке одной из башен старинного кремля в моем городе. На мне было чайно-розовое платье на бретельках, на Алексе почти того же цвета рубашка...

— Любимая, просыпайся, нужно выбираться поскорей.

— Хрюм, ммм... Мне тоже очень хорошо. Как ты это делаешь? — мурлыкая, отвечала я, думая, что это еще сон.

— Что делаю? Вставай, пора линять!

От такой встряски проснулся бы даже мертвый. Рядом на корточках сидел Алекс, с него ручьями стекала вода.

— А? Че?! Как ты сюда проник, предатель? Позову-ка я стражу.

— Некогда разговаривать, — возразил Алекс. — Кое-кто подержал крокодилов, вернее, уболтал, пока я к тебе переплывал. Твое окно довольно высоко, хорошо, взял специальный трос с крючьями. Закинул на подоконник — странно, что никто не слышал.

— Ошибаешься! Слышал. Эй, стража! Спасите ради Сераписа! К нам проник мужчина, одна Исида знает, что у него на уме! — визгливо крикнула дама в бигуди, та, что вела список очередности. Слова крикуньи подхватил целый визжащий хор ее быстро попросыпавшихся «подруг».

В комнату вбежали стражники.

— Вот дура, если бы я ушла, у тебя же конкуренток было бы меньше, — с горечью отозвалась я, пытаюсь выпихнуть упирающегося Алекса в окно.

— Там же голодные аллигаторы! — кричал он. — Я не уверен, что Бэс еще в саду, ты же знаешь его переменчивый характер!

— Ничего, их вечером кормили...

Но тут командор отбросил меня в сторону, и вовремя: стражники не зевали, и Алекс едва-едва успел отразить удар кривого меча, уже занесенного над ним. Хорошо, что их было всего двое, одного Алекс в конце концов с горем пополам одолел, во второго я швыряла табуретками из эбенового дерева. Это подействовало — он пошатнулся, схватившись за ушибленный затылок, и в этот момент Алекс, схватив меня за руку, бросился к выходу. Мне сначала показалось странным, что девушки даже не попытались нам помешать, но, увидев прочувствованные лица, я поняла, как же сильно их тронула самоотверженная любовь Алекса. Они, конечно, сразу догадались, что этот красивый мужчина в одежде римского легионера, рискуя жизнью, выручает отнюдь не партнера, даже самого дорогого — по игре в египетские шахматы.

— Э-э, вообще-то, как выйдете, так направо, там аллея из смоковниц, — начала торопливо рассказывать тощая тетка, — после десятого дерева сразу ныряйте в кусты налево. Леопарды обычно дальше дежурят, там самая короткая дорога к калитке. Главное, павлинов не разбудите, они крик поднимут. Но у калитки два стражника-нубийца, нашему ни слова не понимают и, что хуже, денег не берут. Так что придется драться.

Коротко поблагодарив девчат — на большее времени не было, — мы оставили их рыдающими от умиления и бросились бежать в нужном направлении. И минут через пять уже были недалеко от ворот, успев, правда, разбудить павлинов. Вскоре птичьи крики подхватили люди, и, как мне показалось, сюда же присоединился торжествующий рык взявших след хищников. У ворот стояли встревоженные шумом стражники, а мы затаились в орешнике, понимая, что ситуация практически безвыходная.

— Обними меня на прощание! — полушутя-полусерьезно произнесла я, чувствуя, что начинаю впадать в панику.

Алекс хмуро молчал, вперив сосредоточенный взгляд в пока еще не видящих нас нубийцев. И, похоже, собирался броситься отбивать ворота. Но тут к воротам выскочила первая кучка вооруженных людей. Среди них был и встревоженный аль-Рашид — очухался наконец.

— Ты бы все равно не успел. Они бы подоспели, пока ты сражался с нубийцами, и окружили бы вас.

Обзор нам заслонила вполне плотная (не из тумана) молодая женщина, взявшаяся неизвестно откуда.

— Я Хатор, покровительница влюбленных, и поэтому помогу вам. К тому же о вас хлопочет Бэс, он и поторопил меня. Когда-то нас связывали нежные отношения.

Мы с Алексом замороженно молчали, ожидая продолжения, от богини теперь зависело многое. Но как, интересно, она собиралась вывести нас из такого мощного окружения

вооруженных людей. Телепортация?

— Это слишком сильно. Я этим почти не занималась даже в юности, расходовать себя неохота, я ведь женщина и не хочу утратить свежесть и красоту преждевременно.

Она взмахнула руками. Темное, почти черное в ночи лицо ее озарилось, когда она подняла большие глаза к небу, кстати, густо и красиво подведенные синим, и, выдержав, как мне показалось, эффектную паузу, произнесла:

— Можете спокойно идти. Я сделала вас невидимыми... и для животных тоже. Надеюсь, дополнительная морщинка на лице после этого у меня не появилась? — кокетливо обратилась она к Алексу, приблизив к нему лицо, то есть туда, где он должен был находиться (я уже его не видела).

— Нет, вроде нет, — поспешно пробормотал Алекс, ответить ему не помешало то, что он видел ее впервые. — И спасибо за помощь.

Пока народ искал нас повсюду, активно прочесывая парк, мы уже были далеко. Пройдя мимо не видящих нас стражников, мы подошли к воротам, которые сами собой открылись прямо у нас на глазах. Спасибо богине еще раз.

— В храм к обряду успеем? Кстати, эта невидимость нам очень пригодится.

Мы торопливо шли через пустую базарную площадь, держась за руки, чтобы не потерять друг друга.

— Да, интересно только, сколько она продержится. А к ритуалу, конечно, успеем. Я ведь все рассчитал, кот связался со мной и уточнил, что дело будет происходить на рассвете, а то я уже собирался отложить твоё спасение на завтра.

— Ну спасибо! Кстати, не думай, что все уже образовалось само собой, ты ведь даже не попросил у меня прощения! — праведно возмутилась я. — Не говоря уже о том, что не объяснил своего гнусного поступка.

Но, к моему удивлению, вместо того чтобы с искренним раскаянием на челе начать просить прощения, Алекс только насупил брови.

— А-а, тебе не понравилось?! Вспомни, как ты сама предала меня тогда во Франции. Отдала этой старушке, ты не знала, как я страдал! И тогда, и потом я не мог забыть такого предательства с твоей стороны.

— О, я же не знала! Прости, — искренне покачалась я, вот уж не думала, что он еще это вспоминает.

— Ладно, просто вдруг вспомнил, не знаю даже с чего. А на самом деле ты же знаешь: у меня не было выхода. Он предложил немалую сумму! Еще мои сослуживцы подошли не вовремя, и вообще это выглядело бы крайне подозрительно, никто бы не поверил, что солдат отказывается от таких денег ради обычной рабыни. Ой, прости.

— Что?! Значит, по-твоему, какие-то жалкие сестерции дороже, чем я?!

— Конечно нет, хватит говорить глупости, — ответил Алекс тоном, прекращающим все дальнейшие споры.

А жаль, я хотела вытянуть из него побольше уверений в своей бесценности. И какая же я была дура! Причина, по которой я на время попала к богачу-арабу была столь очевидной, но все становится простым и ясным, только когда разум не затмевают эмоции.

Тут на связь с нами вышел кот и дал пару рекомендаций.

Снаружи небольшой храм действительно выглядел заброшенным, мы сразу отыскивали потайную дверь (как водится, она была покрыта паутиной). Алекс достал ключ, ржавый замок заскрипел и подался. Мы проникли внутрь, прошли каким-то коридором, в конце которого сиял свет, оттуда же доносились голоса, похоже, это и было святилище. Подкравшись поближе, мы увидели странные фигуры. Оказалось, это жрецы в костюмах богов. Поначалу мне даже подумалось: вдруг это сами боги? Кстати, интересно, в каком составе и виде они сегодня представлены?

— Святилище, здесь и будет происходить таинство, — шепнул Алекс.

— Эти глупые кошки уже порядком надоели, — недовольно проворчал один из жрецов и раскашлялся от дыма, безуспешно пытаясь разжечь курильницу.

— И не говори... «мы самые великие, неотразимые, просто совершенства». Тьфу! Хвостатые твари. Надеюсь, сегодня все наши хлопоты окупятся. — Главное, не подхватить блох во время совершения ритуала, — откликнулся второй жрец без маски. Он стоял над тазиком с водой и брился, поглядывая в зеркальце, которое держал свободной рукой. — Главное, эта кошка, нам она нужна, — судя по звездам, другой избраницы в ближайшие десять тысяч лет не предвидится.

— Ага, и тогда мы придем к власти. Пора вернуть те времена, когда цари во всем слушались жрецов. Кошки и так уже слушают нас как руководителей. После совершения обряда они нам будут не нужны. Без нашей помощи богиня не только не сможет войти в тело кошки, но и жить в нем безмятежно. Что ни говори, а о котах-жрецах еще никто не слышал. А кто кроме жрецов будет ежедневно обращаться к ней с молитвами, проводить процессии и приносить жертвоприношения, ну и по мелочи: палочки благовонные курить, религиозные песнопения устраивать...

— Одним словом, делать все то, без чего ни один бог или богиня еще не смогли обойтись, — самоуверенно подхватил жрец в костюме Анубиса. — Кстати, у тебя осталась еще жевательная соль? Дай-ка сюда. Порядок есть порядок — очистим уста.

— Неожиданный поворот. Так это уже получается заговор жрецов, а не заговор кошек! — прошептал Алекс, напряженно сжав мои пальцы.

А я в этот момент, глядя в пустое пространство на месте Алекса, думала не о новой проблеме, меня почему-то заинтересовали ощущения, какие испытываешь, когда тебя целует невидимка. И я уже собиралась обратиться к Алексу с просьбой утолить мое любопытство, как в святилище раздалось пронзительное многоголосое мяуканье. Это начали стекаться пушистики. Мне не терпелось их увидеть. Всегда любила кошек, а тут еще они предстают как маленькие бунтари, борцы за свои права. Нет, конечно, я не хочу, чтобы котики стали командовать людьми (хотя именно этим они обычно и занимаются в домашних условиях), такие коротышки, как правило, и становятся тиранами. Но они такие обаяшки — грациозные, красивые, пушистые, — что им всегда будет все сходиться с лап.

С того места, где мы до времени прятались (на всякий случай, ведь неизвестно, когда невидимость пройдет, — не удосужились уточнить у Хатор), просматривался только частокол из хвостов всех мастей и степени пушистости. Святилище ярко осветилось, к закопченному потолку поднимался дым из курильниц и прикрепленных к стенам факелов. Вдруг полилась довольно приятная музыка, хотя музыкантов видно не было.

— Где же она? Может, пора уже выходить и поискать, хотя она ведь в любом случае должна быть на виду. По-моему, даже полагается одеть ее в парадные одежды, — заметила я.

— Да вон она. Ну пошли, ты права, чем скорее, тем лучше. Назад тем же ходом.

Алекс начал медленно приоткрывать дверь, на случай, если начнет скрипеть, но мы не успели — сзади нас раздался зычный голос:

— Куда это вы, смертные? Неужели вам, презренные, мало просто присутствовать при действе, которое ни одному непосвященному лицезреть не можно, тьфу ты, не должно.

— Хватит манерничать, Себек, говори нормальным божественным языком, но я думаю, и так здесь все все поняли. Правда ведь, мои милые?

Перед нами стояли два странных существа.

— Странных существа?! Мы боги!!!

Э-э, да, кажется, и впрямь боги, только вот какие-то маленькие. Ростом не больше обычного кота, недаром кошки вели с ними диалог на равных.

— Интересно, как они собираются нам помешать? — нервно произнесла я, обращаясь к Алексу. — Этот Себек и...

Голубого цвета юноша с подведенными глазами сейчас подмигивал Алексу (для них мы были видимы), и его довольно жеманные манеры наводили на определенные мысли.

— Нефертум, дорогая, бог благовоний. Можешь звать меня просто Неф, если, конечно, это не вызывает у тебя исключительно архитектурных ассоциаций. Я здесь вместо Хнума — создатель людей не смог прийти.

— Пошли, Алина, простите, но нет времени тратить на разговоры.

Алекс резко распахнул дверь, там уже вовсю шел ритуал, несколько кошек оглянулись в нашу сторону. Я подумала о Профессоре, и тут очень сильный порыв ветра подхватил нас и, подняв в воздух, швырнул назад. Пребольно ударившись сначала спиной о заднюю стену, а потом попой о каменный пол, я поняла, что снова вижу Алекса. Нашей в какой-то степени защитной невидимости как не бывало.

— Поняли, мои милые? Сет сейчас, конечно, не в такой силе, как мы с Себеком (у которого кафе, а у меня постоянные поклонники), и вынужден обходиться без плоти, но явить себя (что у него всегда неплохо получалось) он еще может, — со спокойной улыбкой на накрашенных губах заметил Нефертум. — Сначала оживим Баст, воспользовавшись возможностью, а уж она напугает людей о позабытых богах.

— Угу, — значительно добавил Себек, хмуря зеленый лоб.

— Ты не сильно ушибся? — кинулась я к Алексу, тот уже был у дверей, и мой вопрос повис в воздухе.

Следующий порыв был не таким сильным, и, приземляясь на пол, я поняла, что еще пять-шесть пробежек до дверей, и мы сможем наконец войти в святилище, если, конечно, все эти шесть падений будут удачными.

В этот раз к дверям уже пришлось ковылять под чистый смех Нефертума (такой чистый смех может быть только у бога или ребенка, отпилившего ножки у обеденного стола).

Это только в фильмах герои со всей силы ударяются о стены, причем бесчисленное количество раз, и всякий раз вскакивают на ноги и бросаются в бой как ни в чем не бывало. Я ошиблась немного в расчетах — уже третий порыв был настолько слабым, что мы только взлетели до потолка и тут же опустились вниз (хорошо, что падать было всего сантиметров десять, спасибо строителям). Не дав богу непогоды передышки, мы ломанулись к выходу, не обращая внимания на несущиеся вслед раздосадованные окрики Нефертума и грозное мычание Себека.

— Держи, пригодится. — Алекс что-то быстро вложил мне в руку, это был «переходник». Вопросительно смотреть на Алекса не было времени.

Действо, происходящее в зале, производило впечатление. Помимо множества кошачьих теней посреди святилища на стене перед алтарем возвышалась огромная тень женщины с головой кошки, как и полагается, традиционно в профиль. На алтаре важно восседала белая кошка, действительно одетая в какое-то золотистое платье. Выглядело это очень умирительно и уморительно, тем более что у всех кошек были такие серьезные лица. Рядом стоял, подняв факел, главный жрец, другие стояли в сторонке.

Жрецы, сообразив, что к чему, быстро вышли из религиозного экстаза и поспешно бросились нам наперерез. Кошки, подняв дикий ор, тоже кинулись к нам отстаивать свободу своей предводительницы.

— Алина, хватай кошку и дуй на Базу, я их задержу! — крикнул Алекс, выхватывая меч.

— Я тебя не брошу! — в отчаянии крикнула я.

Но командор уже обернулся в сторону кучки напавших на него жрецов, вооруженных горящими факелами, но и без того производивших жуткое впечатление своими звериными головами. Жрец Гор с головой ибиса, похоже, настолько вошел в образ, что, отбросив факел, стал подпрыгивать рядом, пытаясь «клевать» Алекса куда попало. Главный жрец не прекращал ритуала (неужели не интересно поучаствовать в потасовке? Или он в трансе?). До алтаря оставалась пара шагов, когда ко мне кинулось сразу с десятков котов и кошек.

— Постойте, я пришла, чтобы сделать важное сообщение: жрецы вас обманывали, они сами хотят владеть миром, обратите же свой гнев против них, пушистые хвостатики. Ой, не могу на вас без умиления смотреть, так и хочется погладить, а если удастся, то и потискать.

— Собратья, вы слышали?! — раздался совсем рядом такой родной голос агента 013. И тут же он сам явил себя миру, быстро взбежав по ступенькам к алтарю. — Жрецы хотели нас обмануть!

— Почему мы должны ей верить, Великий Техути-эм-хеб?! — слышалось недовольное мяуканье — «переводчик» с кошачьего работал бесперебойно.

— Не почему! Алиночка, быстро включай «переходник», а я позабочусь об Анхесенпаатон.

— Анхесенпа... кто? — не сразу поняла я, думая о том, что Пусик, похоже, впервые отказался от возможности в очередной раз продемонстрировать свое красноречие.

Кот кинулся к по-прежнему спокойно восседающей на алтаре белой кошке, но не успел — вокруг кошки вдруг разлилось сияние, из глаз ее брызнул свет.

— ЭТО СЛУЧИЛОСЬ! У МЕНЯ ТЕПЕРЬ ЕСТЬ ТЕЛО! ВНЕМЛИТЕ МНЕ, ВЕЛИКОЙ ЦАРСТВЕННОЙ БАСТ, ОТНЫНЕ НА ЗЕМЛЕ ВСЕ БУДЕТ ПО-МОЕМУ! КАЖДОЙ ПОДДЕРЖИВАЮЩЕЙ МЕНЯ КОШКЕ ПО МЫШКЕ, А ДАЛЬШЕ, КРОМЕ ТОГО, МНЕ ПОНАДОБИТСЯ АРМИЯ! НЕ ПОЙМУ, ЧТО ЭТО? ЧТО-ТО НЕ ТАК! О НЕТ! ТОЛЬКО НЕ... ЭТО! ОСКВЕРНЕННЫЙ СОСУД!!! Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ В НЕМ НАХОДИТЬСЯ...

Кошку начало в прямом смысле плющить и колбасить, шерсть ее встала дыбом, и вид у нее был такой, будто ее били электрические разряды. Пушистик тут же бросился к ней. И в его глазах было столько живого участия, когда он притянул ее голову к себе, мягко обхватив лапками, что я даже не сочла себя вправе немножко поревновать. Кошка еще несколько раз дернулась, из пасти у нее вылетело маленькое темное облачко, и она затихла.

— Оскверненный сосуд? Но как? Ее же охраняли! — пробормотал главный жрец, начиная рвать на себе волосы, только что осознав, что все его планы рухнули в тартарары.

Кошки тоже сидели ошеломленные. От Алекса жрецы отстали, едва белоснежная избранница заговорила не своим голосом. Воспользовавшись этим, он встал рядом со мной. А жрецов не было видно.

— Интересно, а где меджаи? — Я вспомнила, что кот обещал непременно присутствие легендарных воинов.

— О-о, вы и не поверите, как мне было трудно удержать отряд этих мускулистых парней! — раздался знакомый нудный голос, и черный карлик, выпятив пузо, шагнул из-за алтаря. — Они так хотели исполнить свой долг, говорили о кодексе чести, рвались на помощь жрецам... Я растратил почти всю мою новообетенную силу и опять жутко голоден. Вздорная девушка, у тебя случайно нет с собой куриной ножки?

От изумления я даже забыла на него обидеться.

— Бэс?! Противный шут! Так ты посмел пойти против воли богов? — гневно и тоскливо взвыл расталкивающий кошек маленький Нефертум.

— А почему, собственно, нет? Вы вечно мной помыкали, и, вернись прежний порядок, мне снова пришлось бы состоять при вас шутом.

— Но ты и есть шут! — подросел немногословный Себек. — Таким тебя создали!

— А если мне надоело? Вот эти славные ребята предложили хороший контракт, — с чувством вытирая выступившие слезы (или кривляясь?!), Бэс кивнул на нас с Алексом. — Они первые увидели во мне целостную личность! Я — артист, а не смешной уродец, обязанный обеспечивать низкопробное веселье на очередной вечеринке у Осириса. Теперь у меня будет другой дом, достойная работа, приличная зарплата и питание, поэтому я без сожаления покидаю благодатный Египет! Тем более что уровень жизни для богов здесь сильно упал...

— Хм, ну... тогда, спасибо, — при всеобщем молчании сдержанно поблагодарил командор.

Черный карлик поклонился.

— Вообще-то я всего лишь выполнял свою работу, — проникновенно сказал он. — Одна из моих прямых обязанностей — охранять человека от бедствий. Просто кое-кто предпочел об этом намеренно забыть...

Бэс важно пристроился поближе к нам. Командор, забрав у меня «переходник», настраивал машину на увеличенное количество пассажиров.

— Кстати, поздравьте меня, теперь я видим для всех, — шепнул мне Бэс.

Но спокойно удрать мы так и не успели — именно в это время разыгрался финальный акт трагедии. Дело в том, что Профессор собирался захватить с собой этот «несостоявшийся сосуд», то есть ту самую белую кошку! Видимо, он успел к ней сильно привязаться... Не исключая, что агент 013, как джентльмен, даже готов был жениться, и я бы его поняла — избранница Баст действительно была на редкость хороша собой. Но милая кошечка, наконец-то придя в себя, необычайно ясно осознала глубину собственного падения и со всего размаха вlepилa гневную пощечину нашему ловеласу!

Я потом часто с удовлетворением вспоминала ее горящий взгляд, признавая, что котам, как и мужчинам, иногда нужно воздавать по заслугам!

Спрыгнув с алтаря, «жертва несчастной любви» кинулась прочь. Пушок очертя голову бросился за ней, но я удержала его за хвост.

— Сюда! Все сюда! Убейте этих осквернителей святилищ! Они сорвали нам ритуал! — неожиданно очнулся один из жрецов, и буквально в ту же минуту от главного входа загрохотали тяжелые шаги припозднившихся меджаев.

— Бэс, ты же сказал, что решил эту проблему! — взревела я, крепко держа кота поперек туловища. Профессор извивался и вопил, что ни за кем бежать не собирался. Но умалишенным доверять нельзя, надо только делать вид, что им веришь...

— Нет, моя благословенная, я всего лишь задержал их. И нечего ругаться на голодного инвалида, — показал мне язык карлик, предусмотрительно прячась за спину командора.

— Любимый, скорее! — возопила я, меняя тон. — Уносим ноги, пока не поздно!

— Сам знаю, и не тряси меня так за плечо, а то вместо Базы перенесемся к черту на рога! Все. Приготовились? Тогда поехали!

Брошенные копья меджаев пронзили воздух, звонко стучаясь бронзовыми наконечниками о бесполезный алтарь несостоявшейся богини...

* * *

— Ух ты, отец наш Ра, первосортная магия! — восхищенно присвистнул Бэс, озираясь кругом в просторном фойе Базы. Через минуту он уже знакомился с обступившими его хоббитами, а я только сейчас почувствовала, как устала.

— Душ, смена белья и мой полноценный сон с процентами! Почти двое суток на ногах, в гробу я видела вашу Александрию...

— Конечно, Алиночка, это разумное решение. Иди, отдыхай, а рапорт мы с напарником сдадим сами, — нарочито вежливо кивнул кот, намекая на то, чтоб я перестала его тискать. — А заодно и позаботимся о нашем новом товарище. Мы как-то до сих пор еще не представлены друг другу. Итак, простите, значит, вы...

— Бэс, тот самый, охраняющий домашний очаг, бог веселья, балагур, обжора и тэ дэ, — зевая и потягиваясь, пояснила я. — А это агент 013, Стальной Коготь, Железный Нерв, Тигр Духа, Очень Мудрый Зверек и, не побоюсь этого слова, один из ведущих специалистов нашей Базы! Все, будем дружить семьями, всем пока. Любимый, разбуди меня к обеду...

Три последующих дня, исподволь наблюдая за Профессором, я с некой долей скептицизма надеялась, что он быстренько забудет о своей египетской подружке. В конце концов, если помните, об ирландских и французских кисках наш казанов не горевал ни чуточки, а тут... Похоже, я ошиблась. Котик грустил, часто подолгу сидел в библиотеке, уставясь отрешенным взглядом на маленькую статуэтку богини Баст. А пару раз я сама слышала, как он бормотал во время послеобеденного сна: «Моя блистательная Анхесенпа!», «Моя маленькая, белая мышка...» и «Плесни-ка нам в блюдце селедочного рассолу, детка, выпьем за любовь!».

Как ему удалось обойти бдительную охрану? Я это не в смысле опередить, хотя именно тут он оказался молодцом, а в том плане, что непорочную кошку действительно строго охраняли. Хотела бы выразиться потактичней, но скажу как есть: если бы Пусику не удалось вскружить голову молоденькой кошке — операцию мы бы провалили! С другой стороны,

признайся он нам во всем вовремя, так и нечего было бы торчать в этом храме, рискуя жизнью в борьбе с богами, жрецами, меджаями и революционно настроенными кошками.

Истины он нам так и не рассказал, как, впрочем, и не указал в рапорте. Его сердечные дела остались тайной за египетскими печатями.

А Бэс у нас на Базе прижился, он и вправду стал популярным диджеем и шоуменом, приобрел многочисленных поклонников. Особенно среди гномов и хоббитов, видимо, благодаря внешнему сходству. В конце концов, вполне реально, что у них могли быть общие предки. Все свободное время карлик проводил на кухне и в столовой. Божественные замашки у него остались, но, думаю, его завышенное самомнение в большей мере связано с внутренними комплексами по поводу невзрачной внешности.

С Профессором они быстро спелись на почве изучения египтологии. Бэс консультировал агента 013, когда тот снова и снова возвращался к своей книге о влияниях религиозных культов на постройку оросительных каналов в Древнем Египте.

Тысячи котов сразу же разбежались из подвалов Александрии. Они быстренько позабыли о своих амбициях, а тем более о войне. По крайней мере, жрецов больше не слушались и в бандформированиях не участвовали. Нам с Алексом это показалось странным, но Пусик важно сказал, что до конца психологию кота может понять только кот! Именно поэтому он с самого начала знал, что «кошачья угроза» не столь существенна, и вообще, если бы не Египет, то фиг бы мы оторвали его от научной деятельности...

— Из кошек вообще нельзя сколотить армию! Мы все слишком индивидуалисты, чтобы дать кому-то командовать собой. Мурм-м, да никогда! Эта идея была обречена на провал с самого начала...

— А если бы Баст сумела воплотиться?

— Девочка моя, история не терпит сослагательных наклонений! Кстати, из-за вас я так и не попал в обещанную Александрийскую библиотеку.

— Прости, агент 013, но, если помнишь, кое из-за кого нам пришлось бежать без оглядки... Зато мы быстро справились с заданием и получили хорошую премию, — заметил Алекс, не спеша беря в руки вторую чашку яблочного киселя. (Вещь, конечно, вкусная, но я немного скучала по своему любимому вишневому компоту.)

Кот вытер усы салфеткой, немного помолчал и плавно перевел тему:

— Ты прав, напарник, зачем переживать по поводу того, чего не вернуть. Сейчас меня гораздо больше интересует наше следующее задание. Вот оно-то будет явно потруднее египетского.

— Действительно, шеф спихнул нам почти провальное дело.

— Впрочем, как и всегда... — безмятежно вставила я, всеми силами стараясь не прыгать от радости.

Мы едем в Англию! В настоящую викторианскую Англию, в Лондон времен самого Чарльза Диккенса! Хотя, по совести говоря, «Дело Джека Попрыгунчика» и вправду относилось к разряду неразрешимых. Его уже не раз пытались раскрыть другие спецгруппы нашей Базы, но ничего не вышло. Как, впрочем, и у тогдашнего Скотленд-Ярда...

Алекс тоже был рад, но больше его радовал энтузиазм, с которым котик взялся за разработку первичного плана действий. Тот обложился книгами, не отходил от компьютера и уже давно не заикался о возвращении в Харьков, чтобы дописывать там «труд всей своей жизни». Тем паче что Бэс охотно пообещал консультировать его во всех затруднительных вопросах в любое время. Значит, оросительные каналы Египта подождут, и сам Профессор, просто лучился энергией!

Расположившись в одном из кабинетов библиотеки, мы первым делом ознакомились с отчетами двух других групп.

— Если ничего стоящего не почерпнем, то хотя бы узнаем, по какому пути идти не следует, — важно изрек котик, держа в лапах бумаги и глядя на нас с Алексом поверх нацепленных на нос очков. Они были ему чуть великоваты и абсолютно не нужны, поэтому вид у него делался солидный и потешный.

— А-а, кстати, я не посмотрела, какое там у нас время года? — вдруг перебила я, смутно предчувствуя, что это будет не теплый июль и даже не мягкий сентябрь, но надежда умирает последней. Все, умерла...

Одним философским вздохом наш умник процитировал все романы Диккенса об обездоленных мальчиках, оставшихся без хлеба и крова, замерзающих в лондонских трущобах. Тех самых детей, что засыпали прямо на снегу в подворотнях, а «снег покрывался твердой ледяной коркой... и только сугробы по закоулкам наметал резкий воющий ветер»! Брр-рр... Я теснее прижалась к любимому и выслушала приговор кота с чисто английским достоинством.

— Декабрь, моя девочка. Так что одевайся потеплей, я сам помогу тебе выбрать самую толстую шерстяную пелеринку. Ведь ты, как всегда, выкопаешь что-нибудь позлегантнее, в кружевах и рюшечках! А в твоём положении нельзя отодвигать на последнее место теплоизоляционные качества.

— Вэк?! — хором сказали мы с Алексом, удивленно вытаращившись друг на друга.

Тут надо заметить, что с некоторого времени кот уже не ревновал меня к Алексу. Ну, по крайней мере, так отчаянно, как раньше. В душе там, может, что и было, но внешне оно никак не проявлялось. Наши с ним отношения вышли на новый, достаточно рассудочный, уровень. Но такие намеки...

Агент 013 в ответ на мой многозначительный взгляд лишь с нежностью улыбнулся нам обоим. Он снял очки, спрыгнул со стула, обошел стол и, нагло втиснувшись посередине, обнял нас за плечи. Я едва не шарахнулась в сторону от такой отеческой ласки...

— Эх, молодежь, я тоже был таким же самонадеянным в вашем возрасте! И тоже думал, что обойдусь без всякого руководства, считая, что лучше всех знаю, как мне распорядиться очередным личным счастьем... мрм... — сентиментально мурлыкнул он. — Но годы, но опыт, но жизненная среда, диктующая свои неумолимые законы...

— Позволь заметить, напарник, что и я, и Алина несколько тебя старше, — корректно напомнил командор, пытаясь ненавязчиво убрать лапу кота с моего плеча, но тот, похоже, этого даже не почувствовал.

— По годам! Исключительно по человеческим годам, и только! Но у котов другой срок жизни, так что практически я много старше вас и мудрее. Я не хочу, чтобы вы повторяли мои ошибки, чтобы ваше счастье было столь же кратковременным, как все романы в моей жизни.

— Что за... бред?!

— О, я всего лишь не отходил от кодекса правил поведения холостого кота! Полигамией нужно переболеть вовремя...

Так, а котик, видимо, недоболел или съел что-то вредное. Я собиралась заткнуть уши и бежать за доктором, но не успела — Профессор повернулся ко мне и многозначительно изрек:

— Алиночка, знаешь ли ты, как много тебе предстоит изучить, прежде чем стать матерью и женой...

— Может, сначала все-таки женой? — осторожно уточнила я.

— Отлично, и тут ты всегда можешь полагаться на мои советы!

Алекс проявил недюжинную выдержку, пытаясь перевести тему и вернуться в рабочий режим.

— Давай-ка лучше займемся Англией. Агент 013, ты что-то начал про отчеты предыдущих команд...

— Нет, нет, минутку! Я лишь хочу сказать, что вы не цените настоящего счастья, не понимаете, сколько вам дано. Надо ловить момент, дорожить друг другом, ибо все так скоротечно!

— Но ты-то какого...

— А я всегда буду рядом, друзья мои, и прослежу, чтобы вы не натворили роковых ошибок!

Оу-у-у... похоже, котику тоже пора жениться, а то ведь сдержит слово и примется

опекать нашу «молодую семью», вечно вступая там, где не нужно. Как я уже говорила, свадьбы на Базе не поощряются, но нам шеф обещал дать неделю в конце квартала...

— Мы ценим, ценим друг друга, — нервно обнял меня Алекс, и я в подтверждение погладила его по руке. Мы оба влюбленно улыбались, чтобы уж наверняка отвести все подозрения...

Но агент 013 лишь умудренно фыркнул в усы, как бы говоря, что его так легко не проведешь, и, надев очки, вновь углубился в отчеты. Слава богу, на этот раз, кажется, пронесло...

Однако давно пора бы сказать несколько слов о нашем новом объекте — Джеке Попрыгунчике. До сих пор неизвестно, к представителям каких существ он относится. Все это время шли споры. Уфологи хотели видеть в нем гостя из иных цивилизаций. Специалисты по духам утверждали, что это новая разновидность духа-прыгуна, крайне редкого в англо-кельтской мифологии. Полиция подозревала экстравагантного богача, желательного приближенного к королевскому дому. А простые лондонцы вообще были убеждены, что это сумасшедший иностранец, наверняка немец.

Но Джек ухитрялся успешно хранить свою тайну. На протяжении многих лет он терроризировал Англию, и в частности Лондон, жителей которого, как и столичных жителей, наверно, любой страны, было трудно чем-либо поразить, заинтересовать и уж тем более напугать. Что Попрыгунчику, этому бесцеремонному коротышке с выпученными глазками, питавшему явную слабость к театральщине, удалось вполне!

Он выскакивал из темных переулков огромными прыжками, криком пугая народ. Кстати, ни одному акробату так и не удалось повторить его кульбиты, хотя пробовали многие. Объектом нападения, как правило, были одинокие девушки. В начале карьеры он просто прыгал вокруг них, потом перешел к более активным действиям — рвал одежду, царапался, сталкивал несчастных в воду... Короче, развлекался по полной, успевая удрать до прихода полиции.

И вот с таким мерзопакостным объектом (спасибо шефу!) нам и предстояло иметь дело. Хотя, знаете ли, всегда можно ожидать абсолютно любого поворота событий. «Прыгающий ужас викторианской Англии» вполне может оказаться безобидным клерком, примерным отцом четверых детей, трудягой, оклеветанным молвой. Нонсенс, но с нашими монстрами такое случается сплошь и рядом.

В общем, примерно через час, оставив кота штудировать материалы (что он любил делать основательно), мы с любимым пошли в гардеробную. Исторические костюмы всегда стоит заказывать заранее, а то подsunут что-нибудь пыльное, мягкое, не по фасону и в нафталине. Завтра с утра, сразу после завтрака, нужно отправляться на задание.

— Что же выбрать? Со вкусом, модненько и по погоде... — бормотала я, без энтузиазма разглядывая костюмы, которые носились в Англии в первой половине девятнадцатого века.

— В Лондоне у нашей Базы есть явочная квартира, — откликнулся командор, примеряя цилиндр, — расположенная в довольно приличном районе, на Бейкер-стрит, 220а. Если что, подыщешь что-нибудь там...

— Что?! Бейкер-стрит, 220а! Да это же почти окна в окна с 221б, будущей штаб-квартирой Шерлока Холмса!

— Э-э, что-то такое припоминаю, вроде бы он был знаменитым стоматологом, — неуверенно протянул Алекс, выуживая трость из целого арсенала палок, прикрепленных к стене.

— Бери вон ту, с массивным набалдашником, именно с такой трости и начиналась история о собаке Баскервиль. Трость доктора Мортимера! О, и даже серебряная пластинка в наличии, дай-ка, дай-ка, я хочу посмотреть надпись. Вэк... Здесь на английском, а я учила немецкий. Переведешь?

— «Доктору Джекилу от мистера Хайда в день похорон»!

— Спасибо... Это такой тонкий английский юмор?

— Не знаю... Вещица из музея Почета Базы, главные достижения сотрудников, самые интересные дела, видно, музей переполнен. Правда, того парня, что отобрал у владельца эту трость, уже нет в живых.

— Ха! Тоже мне достижение — отобрать трость у безобидного доктора. Попробовал бы у мистера Хайда! Ладно, не будем разбрасываться раритетами, возьми другую.

— Тогда эту! Так вот, я хотел сказать, что район, где мы будем жить, не элитный, но довольно респектабельный, так что будет уместен костюм среднего класса.

Я не успела определиться со средним классом, выбирая между платьем герцогини, живущей в провинции, и придворным платьем главной посудомойки королевы, а тут еще прибежал критически настроенный кот и, несмотря на мое возмущение, заставил меня облачиться в какие-то серо-коричневые одежды «жены среднего лондонского адвоката». Правда, шляпку я выбрала сама, хотела взять еще красивую кашемировую шаль как раз под цвет шляпки, но агент 013 отобрал ее у меня, взамен всучив невзрачную толстенную пелерину на меху.

Потом мы вместе взялись помогать Алексу — он всегда советовался со мной, а я под его нежным и благодарным взглядом неумело завязывала ему галстук или шейный платок. Бакенбарды он отрастит завтра ускоренным методом. Профессор настоятельно рекомендовал другу серо-голубой шерстяной костюм, белую рубашку со стоячим воротничком, жилет, пальто, перчатки, узконосые ботинки и утвердил трость как оружие джентльмена. Командор выглядел настоящим лондонским денди!

Когда направлялись на ужин, столкнулись с пробегающей мимо стайкой хоббитов. Я заметила среди них своих приятелей Боббера и Федора. Последний, довольно инфантильный тип, просто навязал мне свою «дружбу», после того как я получила обручальное кольцо. Он, видите ли, считает, что кольцо по праву принадлежит ему, но до поры это тщательно скрывает... Причем так, что вся База в курсе! В руках хоббитов были огромные стопки печатных листов. Я окликнула Боббера, но тот пробежал мимо с безумным видом.

— Странно, время ужина, а они бегут в сторону, противоположную столовой?! — мимоходом заметил Пушок, почесав нос лапкой. — Я бы еще понял, если бы в их алчных пальцах были зажаты ворованные олады или прижаты к груди выловленные из борща мозговые кости. Синелиций, на свою беду, любит готовить обед заранее, и они у него частенько лезут по кастрюлям...

— Может, у нас тут какие-то неправильные хоббиты, а? Толкиен описывает их совершенно иначе.

— Профессор был большой романтик и даже собственную жену совершенно искренне считал эльфийкой! — пожал плечами кот. — А нам приходится сосуществовать с тем, что есть... Хоть бы ноги мыли почаще!

Но хоббиты его не услышали, а больше ни вечером, ни утром ничего интересного не случилось. Синелиций расщедрился на двойную порцию мясного пирога, а революционные новости мы узнали только по возвращении. Перенос во времени прошел идеально...

Глава 2

В Лондоне тоже было утро, в воздухе потрескивал легкий морозец, а под ногами хрустел свежавыпавший снег. Вокруг не было видно бездомных детей в дырявых башмаках, нищих бродяг, народ улыбался друг другу, город готовился к празднику. Вся атмосфера казалась настолько умиротворяющей, предрождественской и светлой, что я едва не потеряла бдительность.

Но чу! Дремать не время! Где-то тут, в страшных трущобах, затаилось прыгающее зло, и люди могли надеяться только на нас — безвестных героев невидимого фронта! Как профессиональный оборотень, охотник на монстров и всю остальную нечисть, я твердо решила сделать все, чтобы освободить лондонских жителей от гадкого Попрыгунчика. Пусть у других это не вышло... Но я не одна — со мной любимый мужчина и озабоченный кот,

преступнику от нас не уйти!

— А знаешь, мне тут нравится, — на ходу отметил Алекс. Он время от времени поднимал глаза от карты, любуясь довольно мрачными, однотипной постройки домами по обеим сторонам улицы. Все они как один были из неоштукатуренного потемневшего кирпича, с ковриками у входа и одинаково белыми наличниками окон.

Котик аккуратно обходил прохожих, снимающих перед ним шляпу. Где еще, как не в центре Лондона, кошки могут пользоваться такими привилегиями? Лично меня больше всего интересовали наряды английских девушек, хотелось выглядеть не на уровне, а чуточку выше. Потом на перекрестке возник рыжий полисмен, у которого я тут же спросила, как пройти на Бейкер-стрит. Командор недовольно вздохнул, но ведь это такая классная традиция — вечно что-нибудь спрашивать у полисмена, даже если сам прекрасно знаешь дорогу, просто так положено, на всякий случай.

— Сейчас направо, мисс, потом налево и два квартала прямо. Вы не заблудитесь. Счастливого пути, мисс, — подчеркнуто вежливо ответил бобби, глядя поверх меня.

Я внимала ему, едва не млея от сентиментального восторга. Полисмены, о которых я читала в книжках, говорили точно так же, то же самое и даже с тем же выражением лица.

— Спасибо, сэр! О, благодарю вас! Вы не представляете, как я вам благодарна...

Алекс молча оттащил меня от стража порядка, который лишь чуть кивнул, поправляя съехавший на глаза явно великоватый шлем.

В общем, примерно минут через пятнадцать мы вышли на нужную улицу. Явочная квартира на втором этаже двухэтажного домика оказалась довольно просторной, в четыре комнаты, но пыльная и запущенная страшно! Генеральную уборку делать я не собиралась, но так и быть, приберусь в одной комнате. Командор непривередлив, а котам потакать тем более не рекомендуется...

— Алиночка, если ты подметешь пол и протрешь пыль, а мой напарник затопит камин, эта гостиная станет очень уютной! — приказным тоном объявил Профессор, быстренько оценив обстановку. После чего по-хозяйски взгромоздился на диван и, подперев лапкой подбородок, стал ждать исполнения вышесказанного.

Специально, что ли, убраться как можно хуже? Нет, не могу... Любимого жалко, он может подхватить аллергию на пыль. Будет чихать и сопливиться, а при карьере спецагента это верная гибель! Коту опять повезло: выметать мусор придется на совесть...

— А обед закажем прямо сюда, из таверны напротив, — примиряюще предложил Алекс, заполняя камин углем, выгребаемым совочком из ящика.

Я пахала на них не разгибаясь целый час! Полы подмела, пыль вытерла, кровати застелила, мусор выбросила — прямо Золушка какая-то...

Пока Алекс бегал насчет обеда, я смотрела в окно. Казалось, время здесь течет размеренно и неспешно. Тихо падал мелкий снег. Улица жила своей жизнью, напоминающей черно-белые фотографии из старинных журналов. Трактир, незатейливо украшенный к Рождеству венками из остролиста, люди, спешащие по делам, за покупками и просто гуляющие, кебы, важно раскатывающие под окнами, дети, играющие в снежки...

Нам досталась горячая курица, холодная телятина, свежие бисквиты, масло, сметана и полпинты сидра. Это алкогольный напиток, но не очень крепкий. Я бы предпочла глинтвейн или пунш, но сидр тоже ничего. Весело трещал камин, комната быстро наполнялась теплом, а за чаем мы приступили к обсуждению плана действий. Это уже наша, командная традиция, мы еще ни разу не вышли на задание с готовым планом! Все как-то решается и утрясается по ходу дела...

Первым взял слово, разумеется, наш дорогой и всеми уважаемый Профессор. Он поспешно облизнул капли сметаны с усов и начал речь:

— Теоретически положить конец бесчинствам Попрыгунчика мы имеем возможность лишь в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, в знаменитых казармах Алдершота. Раньше никак не получится, никто не имеет права столь вольно нарушать ход истории. Хотя, знаете ли... как-то в Эвертоне мелькнула одна газетная заметка. Вечерняя «Ньюс оф уорлд»

от двадцать пятого сентября тысяча девятьсот четвертого года утверждала, что он явился вновь и якобы бесцельно прыгал по улицам. Да так высоко и разнообразно, что складывалось впечатление, будто бы преступник тренирует ножные мышцы. Конечно же не соблазниться было нельзя — народ бросился его ловить! Кто-то кричал, что Попрыгунчика заспиртуют и поместят в Британский музей, остальные надеялись на солидную премию от Скотленд-Ярда. Вероятно, услышав это, Джек сообразил, что променада пора кончать, перепрыгнул на соседнюю улицу и исчез.

— Утка?!

— Разумеется, девочка моя... Уже через пару недель выяснилось, что редактор собственноручно накропал эту заметку и еще с десятков подобных «сенсационных» статей в последней надежде спасти газету от полного банкротства.

— Да, но зачем тогда мы приехали в тридцать восьмой год? — зевнув, поинтересовалась я. — Неужели вопреки всему на этот раз у нас есть план?!

Мы расположились кружком у камина, котик сидел на пуфике между мной и Алексом и, несмотря на то что был ниже всех, благодаря важности и самодостаточности выглядел настоящим гигантом мысли! К тому же он старательно вытягивал шею, стараясь казаться повыше ростом.

— Потому что это время его первого появления и наиболее бурной деятельности, — ответил Алекс. — Те, кто был до нас, отправлялись сразу в казармы и пытались все решить на месте. Агент 013 предложил поступить иначе...

— Да, в первую очередь стоит попытаться выяснить его природу. Нам надо понять, кто он, откуда появился, чего боится, зачем нападает на людей, почему выбирает именно девушек? И вот только когда мы получим эту информацию, стоит отправляться в тысяча восемьсот семьдесят седьмой год на достойное завершение операции!

— Какой ты скучный, Пушок... Я-то надеялась, что мы встретим здесь Рождество, покатаемся на коньках, примем участие в народных гуляньях, заглянем в Тауэр, посмотрим на королеву...

— Милочка, не забывай — мы на задании и дело прежде всего! — сурово выговорил мне котик, фыркнул и сполз с пуфика. Задрал хвост, потянулся, отставив заднюю лапку, и, не извинившись, отправился по своим кошачьим делам.

Я было воспользовалась моментом и приткнулась к любимому, но командор лишь сурово посмотрел на часы:

— Нам пора, нельзя терять ни минуты, если не хотим пропустить представление. По проверенным данным, Джек Попрыгунчик сегодня в пятнадцать тридцать ненадолго появится на одной из улиц в Хакни.

Пришлось взять себя в руки и идти одеваться. Но я в принципе ничего не прогадала: Алекс взял настоящий кеб и мы поехали кататься. Крепко вцепившись в рукав любимого, я глядела в окно, жадно впитывая увиденное: улочки, соборы, старинные здания, газовые фонари, площади с фонтанами... Профессор, заметив мой живой интерес, не упускал случая просветить меня в стилях архитектуры, присущих Лондону этого времени. Честно говоря, в памяти не отложилось ни слова, но усы котика приятно щекотали ухо...

— Этот район тянется до самого озера, так куда прикажете, сэр? — громко поинтересовался извозчик.

— Э-э... вот что, почтеннейший, мы выйдем здесь, — решил Алекс и, подав руку, помог мне выйти из кеба.

Расплатившись с извозчиком, мы остались стоять у какой-то неоготической церкви, с одной стороны к ней примыкал парк, а с другой — маленькая площадь, с яркими красочными палатками.

— Рождественская ярмарка, — констатировал кот, как будто мы сами не могли догадаться.

— Думаю, у нас есть около часа на потолкаться в толпе! — безапелляционно заявила я. — Если появится Попрыгунчик, попросите его подождать. В противном случае я очень

обижусь, а обиженная я... сами знаете!

Мои напарники со вздохом переглянулись, но спорить не стали. Да ладно, я же добрая и смешливая, ласковая и заботливая, скромная и хозяйственная. Почему же не пойти навстречу такой милашке?! Вот все и пошли...

В одной палатке торговали игрушками — фарфоровые и деревянные куклы, паровозики, игрушечные домики, лошадки, зайцы с барабанами и оловянные гвардейцы в высоких шапках. Рядом продавались горячие пироги, фигурки из марципана, сахарные ангелы, конфеты в виде звезд и полумесяцев. Алекс купил мне местный аналог деда-мороза в шубе-шотландке с раскрашенным лицом, вышитыми рукавичками и настоящими бубенцами на мешке с подарками. Пока довольная продавщица упаковывала игрушку, ко мне пристал какой-то еврей с рулоном бумаги под мышкой.

— Ой, что я вижу! Этот лик мадонны, глаза Магдалины и улыбка царицы Савской, молчу про все остальное! Мисс, вы даже не подозреваете, чем одарила вас природа, причем совершенно бесплатно! — начал заливать этот долговязый тип, пользуясь тем, что командор, расплатившись, отошел купить коту шарфик.

Попрыгунчик мог появиться в любую минуту и где угодно, так что вполне можно ожидать его и здесь, у прилавка. Мы же опытные агенты, нам за преступниками бегать несолидно, все равно никуда не денутся...

— Так вот именно вы мне идеально подходите! Просто лучшего образа не сыскать во всем Лондоне! Ой, ну не будьте так жестоки...

— А в чем, собственно, дело? — хмуро поинтересовалась я у восторженного еврея.

Тот, кряхтя, переложил довольно громоздкий рулон под другую руку и, снова вперившись в меня полубезумным взглядом, продолжил свое:

— Вы созданы, чтобы вдохновлять! Ваша незримая красота...

— Какая?! — вытаращилась я. — Это скрытый комплимент или явный наезд?

— Нет, нет, мисс, я не оговорился! Вы решительно не подходите под классический стандарт красоты, но для моего проекта — вы идеальны!

Я «вкнула» про себя и попыталась его обойти. Не удалось, дяденька оказался прилипчивым. Можно, конечно, дать коленом и отвязаться, но кто знает, как смотрят на такие вещи в Англии? Вдруг меня же и потащат к полисмену...

— Сэр, я благородная леди и не могу позволить себе с вами разговаривать — мы не представлены друг другу! Вот как представитесь, тогда я скажу вам свое твердое «нет» на все ваши происки! Кстати, напомните, что это вы там предлагали?

— Что же, как не гешефт! У меня к вам имеется редкое и весьма перспективное предложение. Ой, ну вы со своим восточным лицом и фигурой идеально подходите для моих планов. Короче говоря, я бедный художник, рисую комиксы для газет, но у меня уже есть мысль! Пусть Англия спит в своем консерватизме, а мы с вами таки начнем работать над первыми в Европе эротическими комиксами!

— Какими-какими-какими комиксами?! — не поверив своим ушам, развернулась я. — Сейчас вы это повторите, и я убью вас собственноручно. Любой суд присяжных оправдает меня и в полном составе явится плюнуть на вашу могилу!

— Но ваш типаж, мисс...

— Отвянь, маньяк! Два раза повторять не буду, хотя вижу, что с крышей у вас проблемы с детства...

— Ой, да, право, не будьте же столь жестокосердны! Это деловое предложение, мисс, вы заработаете себе свободных денег. Я хочу создать целый цикл под названием «Японская подружка Джека Попрыгунчика», с вас нарисуеться отличная гейша! А Джек уже несет мне славу и доходы, надо лишь расширить дело. Ну как, вы согласны? Два шиллинга за час довольно выгодное предложение.

— Увы, я практически замужем... — И тут вдруг до меня дошло, о чем идет речь. — Что вам известно про Попрыгунчика?

— Какого Попрыгунчика, мисс?! Ви, верно, меня не так поняли. — У художника

забегали глазки. Это хороший признак, значит, он и вправду что-то знает.

— Хм... ну если вы познакомите меня с самим Джеком, то, пожалуй... Черт бы с ним, с замужеством, ради искусства я готова на все!

— Ой, да на что же вы меня толкаете? Я всего лишь безвестный рисовальщик комиксов, мисс, и ни о каком Попрыгунчике даже не слышала! Но если вы согласны на два шиллинга, то вот по этому адресу вы можете найти весьма бедное жилище художника Рейнольдсона.

Тип воровато огляделся и быстро исчез в толпе. У меня остался клочок серой бумаги с координатами моего нового знакомого. Конечно, я могла бы его схватить, заломить руку за спину и держать до подхода наших. Потом втроем допросить его как следует, с применением угроз, подкупа и шантажа, выяснив все, что требуется. Но, увы, никто мне этого не позволит... Как говорит шеф, «это не наши методы»!

Я стояла и размышляла, как бы мне теперь отлучиться на пару часиков, придумав причину поубедительней. Так, чтобы мои любимые агенты даже не заподозрили, что на самом деле я отправилась позировать к какому-то сомнительному малознакомому художнику, рисующему эротические комиксы и Джека Попрыгунчика. Нет, сидеть перед ним в голом виде мне абсолютно не улыбается. Но пока я «раздеваюсь» за ширмой, господин Рейнольдсон наверняка выболтает стоящие сведения. Чует мое сердце, этот иудей и вправду как-то связан с нашим объектом. То, что он нес, не было хвастливым бредом...

Мои размышления прервала криком ближайшая тетка-продавщица, следом завизжали другие женщины, и, обернувшись, я увидела его! Спутать просто невозможно, до того невероятным казалось происходящее. Джек пронесся прямо передо мной — коротышка в костюме фонарика с огромным носом и клоунски раскрашенным лицом.

Он шел на руках, а фонарную лестницу держал ногами, и все это так быстро и ловко, словно занимался хождением вниз головой всю жизнь! Вроде вполне безобидное занятие, но испуг женщин я поняла — лицо Попрыгунчика, раскрашенное белым и красным, поражало нескрываемой жестокостью и злобой! Народ сыпанул в стороны, меня едва не сбили с ног...

Напарники подбежали почти сразу, по охотничьему азарту в их глазах я поняла, что они тоже его видели. Вот и отлично, вперед! Алекс почему-то удержал меня за плечи...

— Эй, чего мы застряли? Ведь упустим же!

Кот нахмурился и опустил взгляд:

— Алина, просто... обстоятельства изменились. С нами только что связался шеф и дал дополнительные распоряжения — ни в коем случае не приближаться к объекту!

— Он что, еще и заразный?! — ужаснулась я, окончательно уверившись, что Попрыгунчик — настоящая гангрена на теле общества.

— Не в том смысле, — прокашлявшись, пояснил командор. — Дело в том, что он охраняется.

— Как это охраняется, кем?! Работниками Лондонского королевского зоопарка? Ничего не понимаю...

— Алиночка, помнишь, когда мы были в Америке у братьев-ирокезов, там нам встретился мистер Лонгфелло, который был отправлен назад во времени с целью систематизации и обработки индейского фольклора, — вновь начал кот, отводя меня в сторону. — Ты еще закатила там скандал, требуя с него проценты этому храброму малому с двумя перьями, как его?

— Храброму Москиту! Ну и что? — Я нетерпеливо топнула ногой.

— Ну вот мы и пытаемся объяснить тебе, деточка, так чтобы ты поняла. — Осторожный Профессор отодвинулся под прикрытие угла прилавка. — Я еще говорил тогда, что Лонгфелло отправлен организацией, подобной нашей. Вообще-то официальными временными перемещениями занимается несколько ведомств, все они работают параллельно, стараясь друг с другом не сталкиваться. Но иногда бывают накладки... Так получилось, что одна из них охраняет Джека Попрыгунчика как единственный в своем роде редкий экземпляр, неизученный вид монстра!

— Ученые действительно не знают, кто он есть. Они прилагают все усилия, пытаюсь

разгадать эту тайну... Хотя, может статься, просто не хотят делиться информацией, — поддержал Профессора Алекс.

— Первое правило из кодекса сосуществования: не мешать работе друг друга, — суровым тоном закончил агент 013, с отстраненным видом почесал за ухом и тихо добавил: — Значит, нам придется действовать так, чтобы это правило обойти.

— Но как? — поинтересовалась я, крепко прижимая к груди деда-мороза, так что через бумажную упаковку послышался мелодичный звон бубенцов. Я с благодарной улыбкой поглядела на Алекса, он тоже улыбнулся мне в ответ. Тема Джека плавно ушла куда-то вбок как левая и неважная...

— Коллеги, вы меня слушаете? — возвысил тон неумолимый Пусик. — У нас осталось не так много времени, в пятнадцать пятьдесят он должен совершить нападение на девушку в районе Сосновой улицы. Бедняжка наивно откроет дверь, и... в газетах ее отметят как повторную жертву! После нападения Попрыгунчик быстро юркнет на соседнюю Остролистовую улицу и проскачет по ней мимо нас.

— Верхом на лошади?!

— На своих двоих!

— А-а... так это ты образно. — Я сделала умное лицо, стараясь не встречаться с котом взглядом. Не подумайте, что я чего-то боюсь, просто в его круглых глазах наверняка написано все, что он обо мне думает...

Командор молча взял меня под руку и куда-то повел. Профессор, ворча, плелся сзади. Народ на ярмарке вовсю обсуждал явление прыгающего уродца, двое полисменов брали показания у свидетелей и очевидцев. Мы поспешно выбрались с ярмарки, свернули за церковь и, дойдя до перекрестка, притаились за углом той самой Остролистовой.

Судя по тому, как котик заглядывал за угол, было ясно, откуда нужно ждать появления Попрыгунчика. Алекс смотрел на часы, отсчитывая секунды, видимо, сейчас оно все и начнется. Вдруг тишину безлюдной улицы пронзил истошный девичий визг! Я дернулась вперед на помощь, но меня опять удержали, нежно поймав за шкирку.

— Эй, вы опять? Что еще за непонятное задание такое — спокойно игнорировать злодеяния нашего же объекта?! Зачем мы вообще тогда сюда приперлись? Наблюдать, как он убивает? — гневно вопила я, дергаясь в объятиях любимого.

— Успокойся, не такие уж мы и сволочи, — чуть обиженно пробурчал он. — Никто никого не убивает! Девушка оказалась не робкого десятка и уже огрела его пару раз каминными щипцами... то есть сейчас огреет!

Командор переглянулся с котом и достал из-за пазухи длинный пневматический пистолет.

— Ух ты... А мне не показывал, дашь стрельнуть?

— Нет, извини, но стрелять буду я сам. — Алекс ловко сунул в ствол тонкую зеленую ампулу.

— Хочешь травануть объект навскидку? Но ведь нам его трогать нельзя, сам говорил.

— Если действовать быстро — никто не узнает. Это снотворное обладает почти мгновенным эффектом и бесследно растворяется в крови.

— За те десять минут, пока Джек будет в отключке, мы попробуем хотя бы осмотреть его... — пустился объяснять кот, но не успел. Вновь раздался ужасающий вопль, а точнее, серия воплей, но отнюдь не девичьих.

— Вот он!

В нашу сторону огромными прыжками несло то самое существо с раскрашенным лицом. На сей раз у него не было лестницы, а на плечах развевался черный плащ. Увидев нас, оно резко метнулось в подворотню, но выстрел Алекса был безупречен! Попрыгунчик хрипло застонал и рухнул навзничь...

Мы бросились к нему наперегонки, каждому не терпелось близко увидеть монстра, но Пусик оказался первым. Котик только-только повернул на бок распростертого на заснеженной мостовой Попрыгунчика, как...

— Уважаемые сэры, вы нарушаете конвенцию! Этот объект наш! Мы проводим научное исследование, и ваше вмешательство просто возмутительно.

За нашими спинами откуда ни возьмись возникли два крупных типа в очках, с тросточками, одетые в одинаковые клетчатые пальто и вроде бы даже с одинаковыми лицами.

— Вэк! — гневно развернулась я, не находя слов, потому что это и были представители той самой организации, о которой говорил Пусик. Недолюбливаю ученых, но правда на их стороне... Понадеялась, что мой испепеляющий высокомерный взгляд возымеет действие и наглецы тут же отвалят, но они даже не вздрогнули. Напрасно... Не стоит делать из меня врага, временами я очень грозная!

— Это всего лишь снотворное, никакого вреда для неокрепшего организма вашего подопечного нет, — с чуть напряженной иронией в голосе сказал командор. — Не думаю, что взятие капли крови (если она у него есть) для анализа может классифицироваться как нарушение конвенционных договоренностей.

— Вы не имеете права даже подходить к нему!

— Тогда, может, вы сами поделитесь информацией о Попрыгунчике? В конце концов, мы можем сотрудничать...

Это клетчатым почему-то совершенно не понравилось. Дружно покраснев от нашей наглости, они пригрозили, что нажалуются нашему начальству и в самое ближайшее время нас ждет строжайшее наказание вплоть до отстранения от дела или даже увольнение.

Я уже фактически уперла руки в бока и сделала братоубийственное лицо, намереваясь высказать им все! Общеизвестно, что ученые не имеют понятия о морали, им наплевать, что Попрыгунчик периодически убивает или доводит людей до психушки. Одна, две, три девушки — разумеется, мелочь на пути исследования столь необычного и познавательного объекта! Дай таким типам волю, они бы сами поставляли жертвы преступникам только ради того, чтобы достойно завершить очередной доклад по психологии. Все, не держите меня, натерпелись, хватит!

И тут котик вышел вперед, вежливо, но твердо отодвинул меня, встав на задние лапы и уперев передние мне в живот.

— Никаких проблем, господа, мы уже уходим. Прошу простить нас за это маленькое недоразумение, — промурлыкал он, повернувшись к нашим оппонентам.

— Ваши предшественники тоже называли это «недоразумениями», и теперь мы просто вынуждены организовать вооруженную охрану Джека! — прошипели нам вслед.

Два противных типа в клетчатом подняли сонного Попрыгунчика и потащили в подворотню. Наверняка отпаивать валерьянкой и приводить в чувство...

Опустив головы, мы поплелись вдоль по улице, остановили проходящий кеб. И только внутри экипажа, закрыв дверцу, котик гордо продемонстрировал нам с Алексом маленький шприц с кровью, успешно добытой у бесчувственного Джека. После чего самодовольно позволил мне от души расцеловать себя в пушистые серые бачки!

— Отправим на Базу, на анализ в лабораторию к гоблинам. А эти невежи пусть утрутся...

Алекс попросил остановиться на площади собора Святого Павла. Мы гуляли, смеялись, кормили голубей у памятника королеве Анне, как пояснил Профессор, именно в ее правление закончили постройку собора. Здесь голуби были везде, они забронировали лучшие места под куполом и на крыше, кружились в воздухе, сновали под ногами... Парочке я все-таки отдала хвосты! Нашего кота чуть не заклевали, причем просто так, на всякий случай, для профилактики, как своего естественного врага. Обиженный Пусик ругался на птиц полатыни, укрывшись под тележкой торговца горячим глинтвейном.

Обедали в трактире «У короля Георга», а потом прошли по Сити. Как ни странно, там было очень мало народу, а легкий морозец скорее располагал к прогулке, чем торопил домой на Бейкер-стрит. Тем не менее агент 013 настоял, чтобы мы взяли кеб и возвращались.

Обратную дорогу я продремала на плече у Алекса, временами просыпаясь и смутно

слыша, как кот жарким шепотом спорит с командором, разрабатывая план действий против монстра, благодаря которому я попала в Лондон и провела сегодня один из лучших вечеров в моей жизни! Ум-м, мм, хрр, хрр...

* * *

Наутро я, как лапушка, встала раньше всех, наделала бутербродов, сварила кофе, быстро разбудила любимого нежными поцелуями, а кота трепкой за уши и щекоткой. Оба пытались попритворяться, один продлевая удовольствие, а другой в надежде, что от него отстанут... Однако я проявила завидное упорство, тем паче что у меня были собственные, тайные намерения. Вы не забыли про подозрительного художника-извращенца? Он точно что-то знает!

— Итак, что мы предпринимаем сегодня? — с энтузиазмом начала я, подсовывая коту «матроскинский» бутерброд колбасой вниз и полное блюдечко сметаны.

— Во-первых, нам нужно переместиться во времени. — Алекс, отхлебнув кофе, протянул руку за досье, перелистнул и ткнул пальцем. — Вот, начнем с тысяча восемьсот сорок третьего года, когда Джек два раза появлялся в разных областях Англии «в облике самого дьявола, с рогами и горящими глазами»!

— Ух ты! Неужели он кого-то забодал?

— Нет, конечно... Так, мелкие пакости. Но для отчета необходимо проверить все его появления, это не займет много времени — ну день, от силы два. Нам нужно выяснить, где и когда появлялся сам объект, а где просто шутники и плагиаторы его популярного образа.

— Неужели наши предшественники не сделали даже этого? Чем же они вообще тогда занимались? — возмутилась я.

— Тем же, чем и мы вчера, Алиночка, — успокаивающе хмыкнул агент 013. — Большую часть времени гуляли — согласись, тут есть на что посмотреть. Потом кутили в кабачках, играли в гольф, посещали оперу и скачки, в общем, отдыхали по полной программе, зная о безвыходности ситуации. Ведь все понимали, что на «Деле Джека Попрыгунчика» легко устроить себе неформальный отпуск...

— Конвенция о невмешательстве! — сразу догадалась я.

Действительно, зачем портить себе кровь и нервы, когда объект все равно запрещено трогать. Гораздо проще уйти в загул, строя при этом из себя мучеников, полностью связанных по рукам и ногам, на плечи которых легло «непосильное бремя выбора»... К тому же из-за нарушения конвенции может выйти сильный скандал и твоему начальству будет некуда отступать — так и с работы недолго вылететь. А кому это надо?

— Хм, но тогда зачем отправили нас? Ведь шеф сам дал «добро» на арест Попрыгунчика!

— Он всегда дает добро, ему это не трудно. Его-то ведь тоже заваливают требованиями прекратить террор мирного населения Лондона, он обязан как-то реагировать... — пожал плечами командор, а кот, боясь, что его опять перебьют, вновь захватил инициативу:

— Но в мудрости и логике ему не откажешь, и потом, сколько можно отправлять сотрудников в незаслуженный и, по сути, оплачиваемый отпуск? Потому дело и поручили самому лучшему спецотряду, ведь наш уровень неудач ноль целых одна тысячная процента. Если бы не первое «Дело о жеводанском оборотне» (где кое-кто кое-что утаил от боевых товарищей!), так он вообще был бы нулевым!

— Значит, шеф собственноручно направил нас под объединенный удар и Попрыгунчика и его «научно-исследовательской» крыши?!

— Вэк... — ахнул Пусик, наверняка такая простая мысль в его пушистую голову не забредала.

— А может, он хочет от нас избавиться? — нагнетая обстановку, грозно сощурилась я. — Вдруг он боится твоего возрастающего авторитета, агент 013? Ведь твоя популярность на Базе непомерно растет с каждым днем, временами перекрывая авторитет шефа! А

вышестоящие чины всегда отслеживают такие моменты, и может наступить время, когда они решат, что ты для них опасен. Ибо всем и всякому ясно, что для более эффективной работы организации ее должен возглавлять только такой образованный и успешный кот, как ты!

Алекс покосился на меня с нездоровым интересом, но ничего не сказал. А я продолжала поход заливными лугами. Лепить Пусику в подобном роде — легкое и всегда благодарное дело, к тому же срабатывает безотказно.

— Мур-рм, ты, конечно, права, Алиночка, деточка, — абсолютно серьезно согласился Профессор, — хотя лично меня моя популярность ничуть не удивляет. Я обладаю редкой харизмой, плюс образование, а если к ним еще прибавить профессиональное чутье и жизненный опыт, то... сплав получится уникальный!

— Значит, я права?!

— Э-э... я бы сказал, что для тебя это редкая логичная мысль! Но, увы, на самом деле шеф послал нас, чтобы раз и навсегда покончить с проблемой Джека Попрыгунчика. Несмотря на любые конвенции, мы не можем игнорировать свои прямые обязанности и не имеем права спокойно наблюдать за «шалостями» монстра, которые можно назвать невинными лишь с большой натяжкой. Уф... кажется, я заболтался, в дорогу, друзья мои!

— Но-о... возможно, нам было бы лучше разделиться? Я провожу вас до крыльца, помашу с порога и подожду здесь, в Лондоне. Кстати, могу съездить на Остролистовую улицу, опросить ту девушку, на которую вчера напал Попрыгунчик. Как ее зовут? — деловито щебетала я, быстро убирая со стола.

— Джейн Аслоп, но с ней разговаривали уже многократно. Она ничего толком не помнит и всякий раз рассказывает эту историю по-новому, все «интервью» с ней подшиты к делу, считаешь на досуге, — почему-то забеспокоился Алекс. — Не хочется оставлять тебя одну в Лондоне. Конечно, это не древняя Александрия, но уровень бандитизма здесь не намного меньше.

— Дело для меня превыше всего! Вы же знаете, я у кого угодно сумею выведать нечто такое, о чем еще никому не известно. У меня свои методы...

— Гестаповские?! — хихикнув, подколот агент 013, но согласился. — Только учти, девица так талантливо врет, что еще ни разу не повторилась во время допросов.

В конце концов я успешно настояла на своем, сделала ребятам ручкой, взяв слово с моего заботливого жениха слишком не волноваться. Нет, чуть-чуть можно, но я все-таки уже год как профессиональный борец с монстрами! В нашей работе это серьезный срок. На всякий пожарный кот перенастроил мой медальон «переводчик» на дополнительные функции межвременной связи, пообещав справляться.

Едва они перенеслись прямо из комнаты, я вытащила припрятанную визитку Рейнольдсона. Он человек творческий, тонкий, значит, действовать придется осторожно, чтобы не спугнуть. Так и быть, притворюсь, что страстно желаю быть увековечена как «Японская подружка Джека Попрыгунчика». Но сначала в Хакни, честно пообщаюсь с девушкой.

Выйдя на крыльцо, я тут же получила снежком по плечу, резко обернулась и увидела мальчишку, который ухмылялся, утирая грязный нос. Я быстро присела, слепила снежок и пульнула ему на сдачу, но он профессионально увернулся, а мне достались еще два в спину. Оказывается, целая ватага уличных бесенят, раскрасневшихся на морозе, одетых в рванье, радостно взялись за дело... Я с честью приняла игру (или битву?), отважно вспомнив молодость.

Потери были с обеих сторон, пока часть банды не отвлеклась на очередного прохожего, молодого франтоватого мужчину в белой шляпе и модном пальто. Закидав оставшуюся малышню, я выиграла время и успела подбежать к стоявшему у обочины кебу. Итак, сначала Джейн, это много времени не займет, а вот у художника, возможно, придется задержаться.

— В Хакни? Это будет двадцать шиллингов, мисс. За меньшее не поеду, дороги там ужасные, только колеса сбивать.

— Вчера было десять! — праведно возмутилась я.

— Предрождественская инфляция, — пожал плечами пожилой извозчик, делая вид, что собирается трогать.

— Ладно, ладно, все равно на казенные езжу, — буркнула я, вскочив в кеб, и захлопнула дверцу. Но в нее в тот же момент постучали, это оказался тот самый молодой человек, который остался на «расстрел» воинствующей детворе.

— Прошу прощения, мисс, но я слышал, что вы сказали: в Хакни?! Мне тоже очень туда нужно. А на Бейкер-стрит сейчас ни одного кеба — утренние часы пик. Не согласитесь ли вы разделить со мной это путешествие, иначе эти дьяволята закидают меня насмерть...

Я смерила его нарочито хмурым взглядом, но вид облепленного снежками молодого джентльмена никак не ассоциировался с криминальными фильмами о Джеке Потрошителе. Вполне симпатичный парень с приятным лицом и темными волнистыми волосами. Взгляд открытый, глаза умные, черт с ним — пусть едет...

— Пожалуйста, сэр, вы мне нисколько не мешаете, — в меру чопорно согласилась я, подбирая юбку, чтобы он смог пройти.

— Восхитительный сегодня день, не находите? Такое количество снега — редкость для Лондона, тем более в канун Рождества. Но последние лет пять зимы все морознее. Как вы это находите, мисс?

— Мне глубоко фиолетово, — через силу улыбнулась я.

Кеб тронулся, молодой человек ничего не понял, но не обиделся и продолжил:

— Держу пари, вы не местная! Наверное, временно остановились у богатой родственницы и подыскиваете место гувернантки. А может быть, покойная бабушка оставила вам небольшое наследство — маленький домик в центре или, напротив, большое поместье в пригороде! Но тогда что вы делаете здесь, на Бейкер-стрит? Ага! Снимаете квартиру, пока ваш адвокат оформляет бумаги на владение недвижимостью и ведет тяжбы с обиженными племянниками по материнской линии! Я прав?

— Вы пустопорожний болтун, сэр!

— Я писатель, мисс, потому иногда позволяю себе разыгрывать с людьми те или иные сценки, — полушутливо пожал плечами мой попутчик, но, видя мое недовольство, добавил: — Тысячу раз простите, если это показалось вам неучтивым, но это лишь оттого, что вы произвели на меня очень яркое впечатление.

— Да, я умница и красавица, это с первого взгляда бросается в глаза! Старая история, мужские методы знакомства во все времена однообразны до икоты... — разочарованно вздохнула я, отворачиваясь к окну. Как обидно, что придется так долго трястись по ухабам. Романтичная старина умиляет только до той поры, когда вдруг вспоминаешь, как удобно обычное маршрутное такси — я доехала бы до этой дыры, Хакни, за пятнадцать минут, а тут бултыхайся два с половиной часа...

— Позвольте представиться, хотя имя мое не столь известно, я только за последний год снискал популярность в некоторых кругах. Вряд ли вы читали мои «Посмертные записки Пиквикского клуба» или... Боже, что с вами?

Я так резко подскочила, что ударилась головой о крышу и уставилась круглыми глазами на этого легкомысленного типа в легком модном пальто с цветным платком на шее. Рот раскрылся сам собой, и, чтобы сдержать восхищенный визг, я зажала его обеими руками.

— Вы Чарльз Диккенс?!

Писатель осторожно кивнул, судя по выражению лица, он принял меня за припадочную и уже жалел, что не дождался другого кеба. Но когда сообразил, что я попросту являюсь его поклонницей, снова заулыбался:

— Так вы читали? Какая честь, мисс...

— Бросьте, да это для меня честь — ехать в кебе с самим Чарльзом Диккенсом! Профессор застрелится от зависти!

— Э... простите, какой профессор?

— Ну, Пусик или Пушок! А, вы его все равно не знаете... Настоящий Чарльз Диккенс, кто бы мог подумать! Ой, а меня зовут Элен Тернан, я ваша давняя поклонница. Уже,

наверное, лет десять, и даже больше!

— Правда? Но я издаюсь всего два года, мисс Тернан, — несколько смутился он, перестав улыбаться, видно, подозрения вернулись.

— Вэк... простите, это я вас с Филдингом перепутала. Мне очень нравятся все ваши романы! Особенно про... э-э... это вы еще не написали. Но, как говорится, какие ваши годы! — Я почувствовала, что завралась.

К счастью, он сам поменял тему, заведя разговор о страшных железнодорожных авариях, о новых пьесах, которые сейчас ставятся в лондонских театрах, о проблемах богоборчества в стихах Байрона и Шелли. Пару раз я попыталась задать ему вопросы насчет Попрыгунчика. Но Диккенс лишь повторил то, что знал по слухам, которые уже были записаны и подшиты в личное дело Джека.

Два с лишним часа пролетели незаметно. Мы вышли из кеба, продолжая непринужденную болтовню. Я успешно выщиганила у будущего классика автограф для кота.

— Можете обращаться ко мне на «ты», у нас не такая большая разница в возрасте, — искренне предложила я, благодарно пожав ему руку. Мои слова и этот жест, казалось, сильно его смутили, но одновременно и обрадовали.

— Вы странная... в хорошем смысле, — с задумчивой улыбкой отметил писатель, осторожно освобождая слегка задрожавшую ладонь. — Позвольте проводить вас, у меня встреча с издателем, но я приехал раньше и был бы счастлив, если бы вы согласились...

Кажется, это и называется «духовной изменой»... «Прости, Алекс! Но ведь это не всерьез, я же не целоваться с ним собираюсь, а так... Пусть проводит, жалко, что ли?» — подумала я и, чуть помедлив, счастливо взяла молодого человека под руку. Класс! Гуляю с самим Диккенсом, кто бы поверил?!

И тут в моем ухе раздался требовательный голос Профессора:

— Что это за мужской голос слышится рядом с тобой, с кем это ты все время разговариваешь, деточка? Я, как лучший друг агента Орлова, не могу закрывать глаза на твой флирт неизвестно с кем, в то время как Алекс, рискуя здоровьем, пропадает на опасной службе с ненормированным рабочим днем!

— Вэк...

— Какой вэк?! Ты уж извини, Алиночка, но я просто поражен твоим легкомыслием. Не ожидал, никак не ожидал от тебя такого... Я не позволю тебе оступить и разрушить ваши отношения из-за пустой ветрености. Сейчас же дай микрофон этому донжуану!

— Дурак, это же Диккенс! — не сдержавшись, рявкнула я.

Начинающий гений английской литературы вздрогнул, но меня с руки не стряхнул. Одарив его нежным взглядом, я с напускной радостью поспешно объяснила:

— Это у меня новое достижение техники... самое передовое после телефона.

— Те-ле-фо-на?!

— Ой, простите... А что, у вас его еще нет? Пора бы уже изобрести, — проворчала я. — В общем, не пугайтесь, скоро будет. А я... э-э... привезла такую вот штучку из Америки. Полезнейшая вещь — общение и подслушивание на расстоянии!

У Диккенса тут же загорелись глаза, просияв, он воскликнул:

— Оу, Америка, индустриальная страна! Обязательно как-нибудь туда съезжу. Очень интересно, а как эта ваша вещичка функционирует...

— Алиночка, хватит трепаться! Сию же минуту дай мне этого похитителя чужих невест, этого казанову, лжеца и прохиндея. Не заставляй меня повышать голос. И мне наплевать, как его зовут-ут!!!

В такое необузданное состояние выдержанный Пушок впадает крайне редко, не подчиниться — значит довести его до инфаркта. Когда-нибудь он действительно займет место шефа — у него для этого все начальственные задатки. Я поспешно вытащила из уха микрофон-горошину и протянула Чарльзу, показав, как его нужно использовать.

Через минуту крайне ошарашенный мистер Диккенс вернул мне микрофон. Я поспешно выключила технику, даже не попрощавшись с котом. Вот он, оказывается, какой,

маленький поборник нравственности! Прямо мавританская ревность, Отелло с полосатым хвостиком! Да мне Алекс таких сцен не устраивал...

Бледный, но с красными пятнами на щеках молодой человек некоторое время пребывал в ступоре.

— Это, наверное, был ваш папа. Он обещал отгрызть мне уши... — медленно произнес он, кажется, все еще не до конца переварив услышанное.

— Верю, это он запросто, — скромно согласилась я.

— Пожалуй, я пойду.

Я понимающе кивнула, с сожалением подумав, что на этом и закончится наше интересное, но такое короткое знакомство. Однако на прощание, поколебавшись, он спросил, не соглашусь ли я пойти с ним сегодня вечером в «Ковент-Гарден» на пьесу про пиратов?

Я, разумеется, ответила согласием, спросив, в свою очередь, не против ли он, если меня будут сопровождать мой двоюродный брат и любимый кот (совесть-то и у меня есть). Конечно, он был не против, на том мы и расстались, договорившись встретиться у театра в семь.

Так, теперь лишь бы эта Джейн Аслоп была дома. Я твердо решила, что обязательно выжму из нее что-нибудь стоящее, хотя бы только ради того, чтобы доказать коту и Алексу, что я не «легкомысленная особа» и «надрываюсь» на службе не меньше их.

Дом был старый, с потрескавшейся штукатуркой, но стекла сверкали чистотой, и бронзовый дверной молоток блестел на зимнем солнышке. Мне открыли сразу же, в дверях стояли аж три девушки, воинственно настроенные, с суровыми лицами. Каждая была вооружена чем-то из кухонной утвари — сковородкой или скалкой.

— Многообещающая встреча, — пробормотала я, но отступить было некуда. — Привет, девчонки! Мне нужна Джейн Аслоп, говорят, что она всякое болтает про Попрыгунчика, и большей частью полную нелепицу!

— Чего?! Это я болтаю нелепицу?! Да я с ним встречалась лично! Не сойти мне с этого места! — крикнула самая маленькая красотка с веснушчатым носиком. — Кому, как не мне, знать его, ведь он нападал на меня целых два раза и, не дай бог, явится снова. Вот мы с сестрами и приготовились к встрече — уж примем с большими почестями!

Действительно, по «Делу Попрыгунчика» я знала, что Джейн единственная, на кого было совершено два нападения с разницей в неделю. Мы приехали вчера, в день второго покушения. Кажется, девушка даже гордилась нападениями на нее, ведь Джек — знаменитость, восходящая звезда преступного мира, таинственный «маньяк на ходулях»! У нее брали интервью для газеты, приглашали на опознание в Скотленд-Ярд и вообще едва ли не сделали из Джейн национальную героиню... Еще бы, девушка, дважды давшая отпор монстру!

— Точно, моя сестра видела Прыгуна своими глазами, — вступила в разговор толстая девица со сковородкой в руках. — А вот ты что за птица?

— Я? Да так... просто знала Джека, ходили в один детский сад. Какой это был славный мальчуган... Мы росли по соседству — послушный, добрый, ласковый, душка, и только, — протянула я самым сентиментальным тоном и, пропихнувшись внутрь, плотно прикрыла за собой дверь. — У него были такие румяные щечки и пухлые губки. Он искренне рыдал при виде птички, повредившей крылышко и с жалким видом убегавшей от соседской кошки. Правда, птичку он сам подбил камушком и кошку привел, шалунишка... Но в кого он потом превратился?! И главное, так неожиданно для тех, кто его любил...

В глазах у сестер заблестели слезы. Я тоже всхлипнула, достав огромный носовой платок Алекса и смущенно и громко высмаркиваясь.

— Ага, очень интересно, ну и что же дальше? — с издевкой фыркнула Джейн Аслоп. Чем-то я ей не угодила, но прочие были явно увлечены моим проникновенным рассказом.

— Вот так толстопузый мальчуган стал высоким худощавым мужчиной спортивного вида, с правильным греческим профилем. А не длинноносый коротышкой, как ты утверждала во вчерашней «Таймс», милочка! К чему эта пустая ложь? К тому же нет у него

никакого шрама на пупке!

Вчерашней «Таймс» я не читала, подобной статьи в газете точно не было, я несла суший бред. Но стоило пойти ва-банк, наверняка эта девица наплела всем с три короба и, конечно, сама не помнит кому что.

— Чушь! Да более мелкого паскудника, чем Попрыгунчик, я еще не встречала, хотя при моей работе уборщицей в мужском клубе «Старьевщиков-стриптизеров» всяких джентльменов навидалась. Он мне и до шеи не дотянулся, пытался в отместку расцарапать грудь огромными когтями! — гордо вскинув голову, вспыхнула Джейн. — У него были длинные желтые когти, у нормальных людей такие не растут. Я еще подумала: чем он их, интересно, укрепляет? Противные такие, но крепкие, не слоятся...

— Хм, важная подробность, мужчины не поймут... А он что-нибудь говорил? Журналисты врут, что милый Джек приставал к тебе с непристойностями...

— Но он и вправду приставал! Не хочется повторять такие мерзости, при мужчине никогда бы не произнесла такого, но вам, леди, так и быть, повторю: «Будь моей гейшей, крошка!»

— Кем, кем?! — не поверила я, а в голове разом всплыло название нового проекта художника комиксов.

— Гейшей! — вытаращив глаза, повторила Джейн. — А ведь это, как известно, самые падшие женщины где-то на Востоке. За такое оскорбление убить его мало!

— Действительно, как он смел сделать вам столь неприличное предложение? Тем более что вас друг другу даже не представили! — участливо вздохнула я, достав блокнотик и делая первую запись.

Лица сестер озарились радостным пониманием.

— Так вы из газеты! Что же вы сразу не сказали, мисс?! Наверное, вы первая женщина-корреспондент, это такая редкость!

— Ха, более того, я сама владелица новой лондонской газеты! Первое издание, исключительно для женщин, называется «Крылатые новости Олвис-Таймс». Мы публикуем истинную историю девушек, пострадавших от мужского шовинизма Джека. Ну и воспоминания их ближайших родственников...

Результат не заставил себя ждать. Все трое наперебой кинулись заваливать меня целым потоком самых секретных и никому не рассказанных сведений. Был быстренько накрыт стол, закипел кофейник, я только-только успевала записывать. То есть слушала всех, а записывала, естественно, одну Джейн.

— У него родинка на шее слева! Противная и волосатая...

— А еще такой странный запах изо рта, словно он казеинового клея напился.

— И пуговицы, такие запоминающиеся медные пуговицы с выгравированной змейкой!

Я успела выпить пару чашек кофе, съесть пару булочек и пирожок. Это школа котика, ведь день длинный, а удастся ли перекусить у Рейнольдсона, неизвестно...

Сестрички, ахая, возмущались, как можно любить такое чудовище, интересовались, где мы с Попрыгунчиком росли вместе и не намерена ли я выйти за него замуж, дабы наставить на путь истинный. Я добродушно отвечала, что детская любовь давно прошла, росли мы в Австралии, там он и научился прыгать, а о замужестве речи быть не может, так как я помолвлена с другим.

Меня отпустили сытую, в приподнятом настроении, вполне довольную собой и обществом. На прощание я посоветовала девчонкам не утруждаться, так как, по сведениям полиции, сегодня утром Попрыгунчик сел в Восточный экспресс и, не взяв обратного билета, поехал отмечать Рождество к морю, в кругу родственников.

Опять поймала кеб, указала адрес, что гораздо удобнее, чем бродить с картой. Так, значит, наш объект называл мисс Джейн Аслоп гейшей? А один небезызвестный мне тип очень хотел рисовать с меня именно «японскую подружку» Джека? А дело-то становится все теплее и теплее...

По дороге думала о предстоящей встрече с прославленным в веках писателем. Чувства

были сумбурные и противоречивые, это пугало... Неужели я снова влюбилась? А как же тогда Алекс? Я дорожу им, боюсь его потерять, но люблю ли той самой настоящей любовью, о которой мечтают все девчонки? Совсем недавно я была стопроцентно в этом уверена, а сейчас... Господи, чем забита моя голова? У нас ведь скоро свадьба, шеф дал добро, осталось только подождать, пока дела немного схлынут.

Работать, как всегда, некому, а мы уже побывали во внеочередном отпуске, о чем наше начальство никак забыть не может. Вот и гоняет без продыху: монстрам-то все равно, кто их будет ликвидировать, а у нас аврал за авралом. Но что-то я отвлеклась...

Что бы подумал об этом Алекс: простил бы, понял, начал ругаться, удушился бы от ревности? Неизвестность мучила больше всего. Наверное, утренняя встреча с молодым красавцем Чарльзом Диккенсом действительно что-то во мне изменила... Профессор это сразу определил, он тонкий психолог (перечислять все его достоинства — еще на три книги хватит!), вот и закатил истерику, явно что-то почувствовав по голосу.

...Квартира-студия Рейнольдсона находилась на четвертом этаже многоквартирного дома. Хозяин встретил меня с искренним удивлением:

— О! Ви все-таки пришли! Признаться, это весьма неожиданно. Сколько девушек обещалось, но... Не будем медлить, мисс, я вижу, что вам так нужны деньги! Ну, раздевайтесь же и к делу, — тараторил художник, нетерпеливо потирая руки.

Он быстро провел меня в большую запыленную комнату, в центре которой стоял мольберт с подрамником и холстом. Нарисованный силуэт показался мне знакомым, комиксист быстро накрыл картину драпировкой и убрал ее подальше, засунув в кучу прислоненных лицом к стене других полотен.

— Что ви так уставились? Это всего лишь портрет моего умалишенного дяди, написанный по заказу Королевской медицинской коллегии как учебное пособие для студентов, — цинично заявил он. — Прискорбное зрелище, мисс... Вот ширма, пожалуйста, раздевайтесь побыстрее, — добавил он, как-то странно облизывая губы, но в тот момент я не обратила на это внимания.

Черт, видимо, придется все-таки позировать... Ладно, в конце концов, все это ради искусства и нашего задания! Я неторопливо разделась (топлесс, думаю, с него хватит!), завернулась в предложенную простыню. А выйдя из-за ширмы, увидела, что лежанка в углу уже застелена, фрукты на маленьком столике разложены, а сам Рейнольдсон дрожащими от нетерпения руками разливает по бокалам вино! Встретившись с сальным взглядом этого мерзкого типа, я наконец сообразила, какие планы помимо творчества были у него на уме.

Я-то, дура, думала, попозирую, хоть и без особого энтузиазма, но ради дела, и в процессе рисования вытяну нужные сведения. Но после такого притворяться не имело смысла... И фиг с ним, пусть я испорчу все!

— Ви так побелели, что случилось? — невинно поинтересовался озабоченный тип. Он не знал, что бледнею я исключительно от ярости, и тогда... Ух, кому-то крупно не повезет!

— Руки вверх, мерзавец! Сейчас ты у меня побелеешь, покраснееешь, пожелтеешь, позеленеешь, посинеешь, почернееешь и так далее в соответствии с собственной палитрой, извращенец крашенный!

— Это такие шутки? Ви сделали мне смешно! — попробовал криво ухмыльнуться Рейнольдсон, протягивая мне вино. Я тоже ему улыбнулась, резко вскинув правую ногу в классическом ударе — бокал разлетелся вдребезги!

Комиксист икнул и осел на пол, меланхолично вытирая капли алкоголя со лба. Уж не знаю, что его так впечатлило: мой коричневый пояс по карате или моя стройная ножка?

— А сейчас наступит страшное. — Я крепче стянула узел простыни на груди и, резко подхватив бутылку, ахнула ею по краешку стола. Обрызгалась, разумеется, как хрюня, но зато теперь в моих руках грозно сверкала кабацкая «розочка»!

— Ви сошли с ума такое делать?! Я буду звать полицию!

— Отлично! Я скажу, что ты, злобный мазилка, гнусно ко мне приставал, причем всего за два шиллинга! Глядя на мою красоту, полисмены посадят тебя только за скупердяйство...

А еще они наверняка захотят поближе взглянуть вот на это.

— На что вы тычете пальцем?

— Да на портрет вашего «больного» дяди... Джека Поппрыгунчика! — хрипло добила я. — Попишу, порежу, покоцаю, век воли не видать!

Оторопевший Рейнольдсон пятился в угол, не сводя глаз с опасного бутылочного горлышка. Держу пари, столь активная натурщица ему попалась впервые. Впредь дяденька предпочтет рисовать свои похабные картинки исключительно по воображению или как-то приспособится куколок в нужные позы ставить...

— Колись на месте, фраер сионский! Я тайный агент тайной полиции тайного клана таинственного Тайваня!

— Ай-яй, какая модная экзотика! А можно выслушать такую историю поподробнее? — Художник быстро изобразил искренний интерес, протянул руку к блокноту и... вдруг одним махом швырнул его в камин.

Пока я, распахнув ротик, соображала, почему он так поступил, коварный еврей на четвереньках побежал в угол, схватил прикрытую оберточной бумагой картину и вновь развернулся к дверям. О аллах, да он же просто сбегает с уликами!

— Дай сюда! Посмотреть дай, кому говорю?! — В длинном прыжке, едва не потеряв простыню, мне удалось перехватить его на полдороге.

— Это мое! — Комиксист упорствовал, как голодный лев, у которого отбирают вкусного дрессировщика.

Мы рвали друг у друга непонятную картину, с которой мне никак не удавалось сорвать покров.

— Неудачный вариант? Ничего, здесь все свои... Уф! Дай же глянуть, я не раскритикую!

— Да вы прямо больная! Оставьте меня в покое, я таки дам вам лишний шиллинг!

— Предлагаю два шиллинга, и мы не заглядываем в «черный ящик», — схитрила я.

Рейнольдсон на мгновение отвлекся, прикидывая, в чем прикол и где подвох, вот тут-то мне и удалось тяпнуть его за руку.

Рука была волосатая, невкусная и пахла скипидаром, но чего не сделаешь ради задания... По-девчоночьи взвизгнув, он выпустил полотно и принялся дуть на рану. Ой, можно подумать, я его до крови прокусила или у меня слюна ядовитая, мужчины — такие неженки...

Но главное, вот он — результат! Под тонкой оберточной бумагой оказалась такая «явка с повинной», что художника не отмазал бы ни один адвокатишка. Моему изумленному взору предстал довольно тщательно прорисованный Джек! Кисть автора изобразила его в момент прыжка зависшим в тумане над мостовой. Ниже были схематично показаны столичные обыватели, неестественно широко разинувшие рты, ужасающиеся этому викторианскому чуду. А чудо, судя по самодовольному выражению носатого лица, явно наслаждалось производимым эффектом...

Рейнольдсон так и сидел на полу, тоскливо глядя, как бесцеремонно я разглядываю его творение. Наверное, по моим глазам он понял все... Если бы я на его месте, как профессиональный художник, рисовала так же топорно, то прятала бы свои полотна от мира еще старательнее.

Опечаленный творец комиксов уже не пытался препятствовать удовлетворению моего любопытства, на прочих картинах и графических листах тоже был Поппрыгунчик. Вот здесь он за столом пьет чай вприкуску, а тут в шелковом халате полеживает на оттоманке, куря кальян, там музицирует за роялем в черном фраке, но везде одно и то же нагловатое лицо с выражением крайнего самомнения.

— Хм, твоя работа?

— Э-э, да, мисс... Но где вы видите преступление в том, чтобы рисовать популярную в народе личность? Я творческий человек, вот и буквально рисую комиксы о жизни Джека. Почему вы меня заранее осуждаете?!

— Да просто кое-где в деталях ты так дотошен, словно он тут лично позировал. Вот, например, эти пуговицы на жилетке... Откуда ты знаешь, что они медные с зеленоватым налетом и тонкими змейками? Или вот эта маленькая родинка слева на шее... тоже интересный момент. Как можно заметить такие детали, если ты даже не был свидетелем его появлений?!

— Ви так говорите, словно сами знаете его лично! — с каким-то суеверным ужасом вздрогнул Рейнольдсон.

— Я видела его вблизи, когда он в бессознательном состоянии валялся на мостовой.

Разом побледневший еврей схватился за сердце и обмяк! Вэк... кто же знал, что он такой впечатлительный? (На самом деле «конкуренты» держали нас на пятиметровом расстоянии, а кота о деталях я расспросить не успела.) Пришлось поставить очередной шедевр на место и, пошныряв по дому, вылить на припадочного автора полчашки холодного кофе. Он быстро пришел в себя...

— О боже! Как это произошло, мой Джек был без сознания? Когда, не сегодня, надеюсь?

— Мм... нет, вчера...

— Как это случилось? Его подстрелили, сбили в полете, подло подставили подножку в момент прыжка? Говорите же, ви мучаете мою печень! — Крайне взволнованный художник схватил меня за руку.

— Да ничего такого, поскользнулся, упал... — вырвавшись, начала я и примолкла. В глазах Рейнольдсона дрожало такое живое сопереживание, такое страдание и страх за жизнь этого мерзкого существа, что мне стало не по себе.

— Я догадываюсь, что ви имели к этому отношение. Как только я впервые увидел вас, то должен был сразу понять, какая от вас исходит аура...

— Какая... нормальная, — чуть смутилась я, поправляя распахнувшуюся простынку.

— Аура опасности, риска и авантюризма! Ви похожи на японскую гадюку, прекрасную и смертоносную одновременно... Это комплимент! — тонко взвыл он, когда у меня сузились зрачки. На секунду я забыла, что у людей искусства своеобразная манера речи.

— Итак, мы начали разговор о Джеке...

По движению моего указующего перста художник переместился на стул и медитативно уставился в потолок, рассматривая трещину над отваливающейся штукатуркой. Объект готов, сейчас начнет откровенничать, и вовремя, а то терпения у меня — кот наплакал!

— Никак не замажу, в рисунке этих трещин есть нечто притягательное...

— Опять двадцать пять?! Про Попрыгунчика давай!

— Да-да, я понимаю... Может быть, мои откровения покажутся вам необычными, даже дикими, но все это чистая правда. Я создал Джека Попрыгунчика!

Вэк?!

— Создал?

— Да, мисс, вот этими руками... Я придумал его образ, вдохнул в него жизнь, даже выпустил его в мир, но это произошло помимо моей воли. Рисуя маленького монстра, главного героя для очередной серии комиксов-ужастиков, которые нынче так популярны среди юных лондонцев, я даже не подозревал, что творю нечто гораздо большее, чем просто детскую страшилку...

— Тьфу, черт, так это еще и для детей рисовалось?!

— Ну вообще-то мои комиксы предназначены для лиц всех возрастов и сословий! У этого жанра искусства большое будущее, мисс, поверьте слову специалиста...

— Спасибо, я в курсе, давайте по порядку. Как именно вы его сотворили?

Уже не испытывая неприязни к этому усталому и странному человеку, я присела рядом, сочувственно глядя ему в глаза. Все-таки настоящие художники чем-то сродни больным, их жалеешь... Но его многословие могло утомить кого угодно, это тоже факт!

— Как сотворил? Просто нарисовал его! Правда, это был не совсем обычный случай — раньше я использовал уже известных персонажей: вампиров, обнаглевших оборотней, в

голодный год в поисках пищи забредающих в густонаселенный Лондон. Самому смешно, но в этом однообразии есть некие законы жанра. Действие непременно должно происходить в Лондоне, изобиловать острыми и жуткими моментами, быть предельно реалистичным, и чтобы виноват всегда был кто-то из королевской семьи. Джек родился прямо у меня в голове, без поисков и набросков, существ, похожих на него, нет. Я проверял по справочникам.

— Мы тоже, — вздохнула я.

В этом-то и проблема — никто не знает, как с ним бороться. Но если его можно усыпить, значит, можно и как-то придушить во сне? Хотя, конечно, кощунственно думать такое при страдающем отце-создателе...

— Может быть, все дело в красках? Вы случайно не замешивали их на кладбищенской пыли? А толченный прах висельника не добавляли?

— Нет, что ви... Ой, мое больное сердце! Обычные масляные краски «Лондонская палитра», в коробочке, два шиллинга три пенса. Правда, большинство цветов в лессировке дают мрачные серо-коричневые оттенки, но мне именно это и было надо.

Как оказалось, Рейнольдсон действительно не знал, каким образом этот персонаж ожил. Помнил лишь то, что почему-то решил взять размер холста гораздо больший, чем обычно, нарисовал непонятно кого в полный рост и лишь последним штрихом лиловой краски закрасил ему нос, как в дверь постучали, пришел издатель. Когда они вместе вернулись в студию, полотно было практически пустым, на сумрачном фоне оставался только нестрогий силуэт...

— Вот, держу ее отдельно. — Художник даже показал мне эту картину, принеся из другой комнаты.

Действительно, зрелище было жутковатое, но впечатляющее. Узкие плечи и громадный нос, короткая шея, крючковатые пальцы. Силуэт, проступивший на сером холсте, был как живой, казалось, он просто вырвался из плоскости картины, стянув с собой даже грунтовку.

— А как же он одевается, кто ему теперь костюмы подрисовывает? Ведь он всегда в новом, а один раз даже с рогами появлялся... Откуда у него все это? Где он живет, чем питается, сколько спит, когда ходит в баню? — начала я, но Рейнольдсон с печальным вздохом унес картину обратно.

— Ви не верите мне... У нас с ним нет никаких связей, а о его парадоксальных способностях даже мне мало что известно. Вероятно, кто-то управлял моей талантливой рукой, вел мою кисть. Такое часто бывает с гениями! Я был использован неведомыми высшими силами, которым почему-то непременно нужно было пустить это чудовище в наш мир! Возможно, он наделен умением менять внешность по своему усмотрению, не пользуясь ничьими услугами. И он дьявольски разумен, клянусь вам!

— Да уж, классический сюжет второго Франкенштейна, — вздохнула я. Сострадание моя вторая натура, что делать — грешу сентиментальностью...

За разговором я как-то даже забыла одеться, не делая лишних движений, чтобы не сбить Рейнольдсона с мысли. И вот в тот момент, когда мне взбрело в голову наконец-то вернуться за ширму, в окне мелькнул чей-то силуэт.

— Ой, там кто-то есть!

— Кто там может быть, мисс. — Художник смахнул непрошеную слезу, а я снова увидела мелькнувшую в окне знакомую личность.

— Вэк... Но это же он!

За окном прыгал Джек Попрыгунчик, старательно пытаюсь разглядеть меня сквозь мутноватое стекло.

— Никаких связей, значит?! — Я гневно ткнула пальцем в хамоватую ухмылку монстра. Тот откровенно разглядывал меня, разочарованный, что не застал обнаженной, как наверняка рассчитывал. Комиксист вжался спиной в стену, изо всех сил демонстрируя, что он здесь ни при чем! Эх, сейчас бы хороший бластер или по крайней мере приличный револьвер — и я бы сняла Попрыгунчика на взлете... Но ничего подходящего под рукой не

оказалось, а Джек исчез так же неожиданно, как и появился.

Я бросилась к окну, буквально в ту же секунду раздался родной голос с улицы:

— Алина, держись! Мы рядом, а Рейнольдсон пусть не пытается бежать, все выходы перекрыты!

Через полминуты мои агенты были уже наверху, бедная дверь слетела с петель, будто ее вышибли македонским тараном. Грозный котик с яростным Алексом ворвались внутрь.

— Я невиновен! — на всякий случай возопил запаниковавший еврей.

Должна признать, что вид моих напарников вызывал спазмы и непреодолимое желание сию же секунду писать завещание. Причем отчисляя все имущество не кому-нибудь, а на богоугодные цели...

— Как вы тут оказались, ребята? — Я нервно поправила сползающую простыню, изо всех сил стараясь не краснеть.

Командор переводил горящий взгляд с меня на художника, словно бы решая, что стоит сделать в первую очередь — задушить его или выслушать меня? Агент 013 с видом крутого профессионала уже совершал обыск, бесцеремонно орудуя всеми четырьмя лапами. Эскизы, наброски и незаконченные холсты небрежно отметались в сторону...

— Мы шли за Попрыгунчиком. Удивительное дело — он еще и во времени перемещается. А этот... Надеюсь, он не успел... оскорбить тебя словом или действием... — В глазах Алекса читался неумолимый приговор.

— Что ты, любимый, конечно же нет! — Я быстро прикрыла художника спиной. Рейнольдсон испуганно закивал, денек у него выдался — не позавидуешь... — Во-первых, даже не собирался, а во-вторых, неужели ты думаешь, что я бы позволила?

— Конечно нет, — устало выдохнул командор. — И все-таки, может быть, тебе лучше одеться, а то он на тебя смотрит.

— Что ви, что ви, и в мыслях не было! Это просто мое врожденное косоглазие, — без тени насмешки в голосе искренне соврал комиксист.

— Ребята, я все выяснила. Он действительно сотворил Попрыгунчика, нарисовав его вон на том холсте, но ответственности за его поступки не несет.

Профессор громко хмыкнул, дескать, еще бы, кто захочет нести ответственность.

— Нет, правда, он не знает, как им управлять.

Я быстро рассказала ребятам все, что узнала за последние полчаса, проиллюстрировав рассказ картиной с пустым силуэтом Джека. Рейнольдсон только усердно кивал, как будто вместо шеи у него была дергающаяся пружина. Он, как мог, демонстрировал искреннее желание сотрудничать с «властями», не знаю, за кого он нас принимает, но разубедить, видимо, не стоит. В смысле пока...

Уж не знаю, кого и в чем я убедила, но Алекс на протяжении всего рассказа сохранял суровое выражение лица.

— Понятно. Ты молодец. Вроде бы все по делу, но... при чем здесь Диккенс?

Угу... Итак, Пусик выдал меня с потрохами! Вот только мелочной ревности мне здесь еще и не хватало. Стоило Алексу удостовериться, что со мной не случилось ничего страшного, как он тут же впал в неуправляемые подозрения. Ну неужели сразу не видно, что я всегда чиста, как английская фарфоровая чашка?!

— А почему он должен быть при чем-то, — отчаянно краснея, зевнула я, мужественно сохраняя невинность в голосе. — Так, случайное, ни к чему не обязывающее знакомство... Кстати, сегодня мы идем в «Ковент-Гарден».

— Мы?!

— Ой, ну ты, я, кот и он! Мы — это все мы, возражения не принимаются. Нельзя побывать в Лондоне и не сходить на спектакль в «Ковент-Гардене»! В конце концов, вы целый день мотались по временным отрезкам и имеете право по-человечески отдохнуть.

— Я тоже так думал, хотя и предполагал несколько другой отдых. А теперь придется на ночь глядя ехать в театр, с умным лицом смотреть всякую муру плюс поддерживать вежливые разговоры с этим Диккенсом?!

— С тем самым Чарльзом Диккенсом!

— Ах, с тем самым...

— Можешь не говорить, молчи. Главное, не забывай, что ты... мой брат... двоюродный, — через силу добавила я, стараясь не столкнуться с Алексом взглядом.

— Мур-мур-лямур! — многозначительно пропел агент 013, вихля бедрами. Прибила бы мерзавца, но крыть нечем... Если бы Алекс признался, что гуляет под ручку с молоденькой Сарой Бернар и это просто такая милая дружба, я бы тоже не поверила.

Профессор укоризненно покосился на меня и надул щеки. При Рейнольдсоне он особо болтать не мог, соблюдая конспирацию, но любой дурак с ходу догадается, что этот кот не так прост и за плечами у него два университетских образования!

— Хм, пожалуй, мне пора переодеться. — Я поспешно нырнула за ширму, подальше от осуждающих взглядов моих мужчин. И ведь не в первый раз они против меня объединяются! Может, это где-то в чем-то справедливо?

Ученые защитнички Джека сильно припозднились, мы встретились с ними уже на пороге. Похоже, сегодня у бедного комиксиста получился «день открытых дверей против доброй воли». Он еще не успел отойти от нашего визита, как два идентичных джентльмена начали новые разборки.

— Мы ведь вас предупредили... — Один из «близнецов» презрительно скривил губы.

— Я заплачу за разбитую посуду, — честно покаялась я, но ученые смотрели только на командора.

— Разумеется, господин Орлов понимает, что следующего предупреждения не будет.

Алекс демонстративно, с хрустом размял пальцы, а котик, загородив пушистой спинкой меня, выразительно поднял вверх средний коготь!

— Таки ви все из тайной полиции Тайваня?! — Художник, видимо, окончательно рехнулся, но переубеждать его не стали.

Я поспешно всех вытолкала за дверь. Сначала любимого, нежно подпихивая в спину, потом упирающегося кота за хвост, следом обоих «секьюрити». Надеюсь, запереться Рейнольдсон догадается сам...

— Хватит, хватит, чего вы к нам прицепились? — Притворно причитая, я переводила назревающий конфликт в самую мягкую фазу. — Никакого Джека мы не ищем, конвенция превыше всего! Меня пригласили попозировать искусства ради, а эти два ревнивца... Короче, дело личное, интимное, внутрисемейное, сами разберемся.

Сопровождаемые недоверчивыми взглядами, мы вышли на улицу, изображая святую невинность... Как только можно было заподозрить, будто мы рискуем нарушить соглашение наших ведомств? Что вы, господа-товарищи-братцы?! Все понимаем, прощения просим, сами под начальством ходим, но надо как-то зарплату оправдывать, вот и создаем видимость работы!

Позволив навязчиво проводить себя полквартиры, мы пошли обедать. У входа в кафе ученые отстали, но, думаю, «пасти» нас теперь будут практически постоянно. Интерьер кафе имитировал роскошь. Лепнина на потолке, картины в золоченых рамах, трехрожковые канделябры, кресла с золочеными ножками, свежие скатерти. Правда, на бархате они сэкономили, заменив его плюшем, которым здесь были обиты стены, кресла и перегородки отдельных кабинок.

Едва мы уселись и сделали заказ, Пусик, внимательным взглядом проводив официанта, торжественно стукнул лапкой по столу:

— Итак, дамы и господа! Наконец-то мы можем обсудить сложившуюся ситуацию.

— Случилось что-то страшное, а мне не сказали? — всполошилась я. Уж слишком серьезным тоном начал котик.

— Нет, деточка, пока нет... Но вполне может случиться, если ты не прекратишь самовольничать, организовывая собственное расследование и строя собственные планы, скрывая их от товарищей!

Я хотела возразить, что за один час узнала столько, сколько они без меня за месяц бы

не выяснили. Но ведь этот самодовольный хвостатый тиран и слова не даст вставить! Скажи я им, что иду на встречу с Рейнольдсоном только потому, что он художник, а художники склонны поболтать с натурщицами, они бы меня ни за что не отпустили! Алекс из ревности, Профессор — из зависти... Так какой смысл откровенничать?

— Ладно, милочка, сделай себе пометку на будущее, — видя мое «раскаяние», уже на полтона мягче резюмировал кот. — Мы ведь по-прежнему несем за тебя ответственность, хоть ты и здорово выросла в плане профессионализма. Но ситуации бывают разными, иногда они выходят из-под контроля. Джек Попрыгунчик был совсем рядом, а чего от него можно ожидать? Я очень хочу, чтобы ты дожила хотя бы до пенсии...

Алекс тихо погладил меня по голове, я мурлыкнула и разомлела. Оказывается, за день мои напарники тоже успели сделать очень многое. Проверили все появления объекта по порядку, от первого до последнего.

В Нортхемптоншире 1843 года Джек «веселил» почтовых извозчиков, перепрыгивая через кареты, пока не свалился в глубокий овраг, которого не заметил. В Восточной части Лондона два года спустя успешно действовал один из пародистов-двойников Лондонского Кошмара, цирковой акробат на пенсии. Его взяли с поличным...

Проверили 1846, 1872, 1877, 1887 и 1905 годы, нашли немало интересного. Но все это было бы ничего, если б не 1846 год, когда Джек впервые пошел на убийство и утопил молоденькую девушку в одном из лондонских каналов. Этого мы уже не могли простить, особенно я...

Два последующих свидетельства о появлении Попрыгунчика были признаны ложными. Здесь кот особо выделил случай, когда девиц из пансиона разогнал сбежавший накануне из клиники псих. Маньяк удрал, прихватив черный маскарадный костюм главврача. Тот приготовил его для приближающегося Хэллоуина и держал у себя в кабинете. Смешливый шизоид облачился в развевающийся черный плащ, надел колпак с ушами летучей мыши и напугал до белого каления экзальтированных пансионеров во время воскресной мессы! Ох уж мне эта викторианская эпоха...

— Несмотря на его умение как-то переходить через межвременное пространство, мы можем остановить монстра именно в его последнее по хронологии появление — в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, там он несколько раз появлялся в казармах Алдершота и...

— Почему именно там?

— Потому что именно там мы с Алексом встретим тебя. Кстати, на тебе будет платье королевы, а то все время жалуешься, что приходится одеваться попроще... — таинственно усмехнулся в усы Пушок.

— Вэк, как интересно-о...

Я была заинтригована. Что же за план созрел в его усатой, пушистой, мудрой кошачьей голове? В этот момент нам принесли устриц — студенистые, слизистые комочки в колючих грязных раковинах, и я отвлеклась, пораженная и обиженная. О небо, так эти мерзкие существа являются излюбленным лакомством англичан?! Я даже не знала, в ком больше разочарована — в устрицах или англичанах.

Алекс ел с аппетитом и удивлялся, что я предпочла устрицам холодную овсянку, оставшуюся от комплексного завтрака. Пушку досталась мясная нарезка, он поджентльменски пытался поменяться со мной на овсянку, но и у меня совесть есть. Коты все-таки хищники, им без мяса долго не продержаться без ущерба для объемов пуза.

Я чуть не забыла рассказать ребятам о сестрах Аслоп, не забыв упомянуть, что деталями своего визита я уже результативно воспользовалась, поймав Рейнольдсона с поличным. Значит, Джейн на этот раз не наврала, что особенно льстило. Но мужчины-напарники никогда не признают ваших заслуг, для них успех женщины — лишь стечение обстоятельств, но никак не результат ее профессионализма и деловых качеств. Поэтому похвалы были, как всегда, скупыми. Командор одобрительно погладил меня по плечу и приступил ко второй порции устриц, а кот только важно кивнул, намывая морду после

блюдечка со сливками.

Вечером мы отправились в «Ковент-Гарден», в знаменитый театр, расположенный в богатом квартале с дорогими магазинами, салонами и типографиями. В кебе агент 013 всю дорогу ворчал, зачем нам этот Диккенс, но видно было, что все-таки очень хочет попасть в театр, иначе бы ехать отказался. Алекс предложил ему на это время последить за Попрыгунчиком или начать писать отчет (иногда с нас требуют подробные отчеты о каждом дне операции), но я заступилась за котика. Что же ему, увянуть на корню без культурной программы?!

За окошком мелькали расцвеченные лампами и украшенные венками и гирляндами из остролиста и омелы витрины магазинов. В самых дорогих стояли роскошные рождественские елки. Беспечно вертя головой, я радостно любовалась праздничным Лондоном.

— Не теряй возможности, Алиночка, высунься по пояс, больше увидишь, — незлобиво шутил Профессор.

— Ой, смотрите! Смотрите, там же... Стойте! — завопила я и стукнула в стенку извозчику, чтобы он остановился.

— Уже почти доехали, мисс, — недовольно проворчал извозчик, натягивая поводья.

— Нет, нет! Мы непременно изволим прогуляться пешком, — настаивала я на своем.

Алекс вышел следом, озираясь по сторонам и не понимая, что же меня привлекло. Я уверенно взяла его под руку. Кот был очень недоволен:

— Деточка, ради чего нам стоит идти по грязи? Утренний снег кое-где подтаял, особенно под колесами карет. Я и так сегодня целый день на лапах, а ведь годы берут свое. Солидному коту моей комплекции и звания не пристало бегать, когда есть общественный транспорт. Так что там у тебя?

Хм, раньше он на годы никогда не жаловался, тем более что лет ему не так много по кошачьим меркам. Но я была стопроцентно уверена, что когда он узнает, «что у меня там», то сразу все простит! Ради него же стараюсь, блин...

— Вот, смотрите, «Лондонский королевский зоомагазин мистера Снайпса», — торжественно выпалила я, указывая на противоположную сторону улицы.

— Что-то нет у меня настроения на черепашек любоваться, — презрительно фыркнул Профессор, выглядывая на брусчатке дорожку почище.

— Нет, читайте ниже: «Выставка кошек самых редких и благородных пород»! Агент 013, это же твои сородичи и притом не разбойники из подворотни, а коты-аристократы с идеальными манерами. Уверена, что ты получишь истинное удовольствие от такого общения.

Я сама очень хотела посмотреть на хвостатых пушистиков с умильными мордочками, даже если там будут одни британские голубые. До семи было еще почти час, и все согласились. Алекс, как всегда при переходе через дорогу, крепко взял меня за руку, я-то никогда не смотрю на транспорт, считая, что останавливаться должен он. Периодически любимый успевает выхватить меня из-под колес очередной кареты, боевой колесницы, паровой машины, автомобиля или танка.

Выставка была большая, даже глаза разбегались. В огромном зале с арками и лепниной под потолком по периметру на покрытых бархатом столах стояли золоченые клетки с кошками. Правда, их загораживал снующий в большом количестве народ, преимущественно женщины всех возрастов, восторженно сюсюкающие и тыкающие пальцами.

В центре зала уныло бродили несколько позабытых детей. Я поспешно взяла Профессора на руки. Мой боевой товарищ не возражал, понимая, что от этого зависела сохранность его бесценной шкурки. Оголтелые дамочки от избытка нежности могли задушить или затормозить несчастное создание, оказавшееся вне спасительной клетки.

У агента 013, несмотря на обилие прекрасных кошек — экзотических, персидских, даже лысых египетских сфинксов, настроение не поднималось, скорее еще больше упало. Глядя на строящую ему глазки персидскую кокетку с крошечным носиком и

выразительными пушистыми усами, он вообще чуть не расплакался.

— Да-а, моя Анхесенпаатон совсем другая, таких здесь нет. Зачем ты привела меня сюда, деточка? Неужели я обязан смотреть на весь этот позор?! Мои свободолюбивые братья и сестры сидят по клеткам на каких-то расшитых парчовых подушечках с кисточками! С заколками, медальками и бантиками за ушами! Не думал, что доживу до того, чтобы воочию увидеть такое унижение моих сородичей, — тоскливо вопил он. Хорошо, мы встали в стороне, если что, пусть думают, что это Алекс о кошках сокрушается.

— Ты что, никогда не был на кошачьих выставках? — поразился командор.

— Нет, черт побери! И сохрани меня Создатель еще раз попасть! Мать моя порядочная кошка, какое унижение... Вы только поглядите, что там написано! «Котик готов к вязке»! Вязка! Вот как называют это люди... И ведь ни слова о любви! — Профессор буквально побурел от стыда, не в силах такое терпеть. Резко оттолкнувшись от моей груди лапами, он спрыгнул на пол и, распахивая повизгивающих посетительниц, бросился к выходу.

Ладно, каюсь, была не права... Откормленный кошар под табличкой с убийственным для агента 013 объявлением повернул голову в нашу сторону. Он лежал на подушке в позе султана и глядел на меня сквозь полуприкрытые веки взглядом, значение которого, будь я кошкой, не вызвало бы у меня никаких сомнений.

На улице обычно добрый и отходчивый Профессор никак не мог успокоиться. Он мрачно шел впереди, не оборачиваясь и не желая обсуждать произошедшее. Хвост у него стоял ершиком, шерсть дыбом, казалось, по мостовой катится серо-полосатый шар, время от времени пускающий пар из ноздрей.

— Он задет в своих лучших чувствах, — скорбно поделилась я с Алексом. — А ты знаешь, похоже, он никак не может забыть ту кошку. Анхесенна... ну ту... из храма богини Баст.

— Анхесенпаатон? Да, пожалуй, очень на то похоже.

— Но ведь у котов нет института брака! Все их увлечения, как принято считать, не оставляют глубокого следа в сердце.

— Так принято считать, но ведь бывают разные случаи... Мы знаем друг друга не один год, многое пережили вместе, и поверь, я никогда не видел его таким. Агент 013 всегда был слишком рассудочен для безоглядной любви.

— Ха! А когда он бегал за мной, высунув язык, подарки дарил, в человека превращался?

— Видимо, это другое... Он должен сам во всем разобраться и принять решение, нам лучше пока оставить его в покое.

Я с удивлением покосилась на Алекса. Значит, периодически кот делился с ним своими сердечными тайнами, а я даже не знала, что они у него есть. Хотя, с другой стороны, если Профессор проявлял в мой адрес противоречивые, но несомненно любовные чувства, то почему он не способен испытывать такую же, а может, и гораздо большую привязанность и любовь к нормальной кошке? Это в смысле, что я — кошка ненормальная... То есть вообще не кошка, а значит... Тьфу, совсем запуталась!

Театр впечатлял уже на расстоянии. Величественный, прекрасный, с великолепными барельефами. Сотня карет стояла на площади — наверно, сегодня аншлаг, или в таком театре аншлаг должен быть всегда? Я застыла на месте, раскрыв рот и, кажется, даже не дыша. Пока любимый не тронул меня за плечо и не указал вправо:

— «Ковент-Гарден» вон там. А это здание вокзала! Согласен, монументально и впечатляет, но нам не сюда.

Покраснев, я развернулась к театру, опустив голову и глядя себе под ноги. Тут тоже были кареты и кебы, на лестнице демократично толпились люди всех сословий, от богатых господ до юнцов в рабочих робах. Уже у входа царила праздничная атмосфера, возбуждение, предвкушение чего-то яркого. Народ смеялся, кое-где приторговывали лишними билетами, и даже два невозмутимых полисмена не выглядели такими уж неприступными.

— Мисс Элен, мисс Элен! Еле до вас докричался! Вы ведь бежите не останавливаясь, я

боялся потерять вас в толпе. — Передо мной возник раскрасневшийся от холода Диккенс с растрепанными кудрями, а в груди у меня снова проснулось какое-то неопределенное щемящее чувство.

Великий писатель встретился с каменным взглядом стоящего у меня за спиной Алекса.

— А, позвольте вас представить, это мой брат... э-э... двоюродный, Джефри. Джефри, это мистер Диккенс!

— Очень рад, сэр. — Диккенс с искренней симпатией сжал руку командора.

Я увидела, что писатель ниже Алекса на целую голову, а еще, какие они оба разные... Диккенс — живой, энергичный, лицо светится творчеством и верой в человечество. Алекс — спокойный, надежный, серьезный и... какой-то удивительно беззащитный в сравнении с прогрессирующей знаменитостью.

— А это наш кот, просто маленький серый Кардинал. Мы его любим и балуем, вот даже в театр взяли.

Профессор фыркнул и полез к напарнику на руки. Похоже, все еще дуется после выставки, надеюсь, спектакль его развеселит.

— Ого! Не такой уж он и маленький, приятный толстяк, попробуем пройти вместе с ним. Хорошо, когда билетер знакомый.

Театр был огромный (три с половиной тысячи мест) и новенький, недавно отстроенный после пожара. Пушок сначала уселся на коленях у Алекса, вытягивая шею, чтобы хоть что-то увидеть, но, не выдержав, перелез на спинку кресла. Оттуда обзор был получше, хотя задние ряды несколько поворчали...

— Какой любознательный у вас кот. У него такая интеллектуальная мордочка, словно на спектакли он ходит с детства, — восхищенно отметил Диккенс.

Агент 013 смерил его холодным взглядом и выгнул бровь...

— Господи, он меня понимает! — пораженно воскликнул писатель.

Командор с шумом выдохнул, но от комментариев воздержался. Похоже, сэр Чарльз порядком раздражал обоих моих ребят.

— Конечно, понимает! Все животные отлично понимают человека, поэтому при нем мы не позволяем себе вольно его обсуждать. Кардинал этого не любит, — шепотом сообщила я. Диккенс ахнул, но свет погас, и действие началось.

Пьеса была классической, про пиратов. Дочь их капитана неосторожно влюбилась в пленного герцога, за которого папаша ожидал получить приличный выкуп. Так эта дура помогла заложнику бежать. Тот, едва добравшись до своих, быстренько собрал целую эскадру судов и, с помпой вернувшись, в трудном бою одолел и сжег пиратское гнездо. Но капитан пиратов в последний момент добрался-таки до герцога и смертельно ранил его в живот. Сам, кстати, тоже не выжил, получив кинжалом в спину от дочки, которая опять захотела спасти возлюбленного. Герцог перед смертью признается ей в безумной любви, и дочь пирата, не выдержав потрясений дня, заодно закалывает и себя саму!

Апофеоз, занавес, слезы, комок в горле, особенно от понимания непреходящей человеческой глупости... Зал потрясенно молчит еще несколько секунд, после чего разражается бурной овацией.

— Потрясающе! Действительно, потрясающе! Как вам пьеса? Я ее смотрю уже в пятый раз и по-прежнему не могу сдержать восторга! — кричал Диккенс, яростно аплодируя. Алекс вяло хлопал чисто из вежливости, котик скорчил такую рожу, что лучше вообще не смотреть, я предпочла поддержать возлюбленного.

Нет, вообще-то спектакль неплохой, если не особенно придирааться. Хотя, с другой стороны, что скрывать — большего бреда я еще не смотрела! Эпоха романтизма, оказывается, дарила нам всякое, и это всякое в свое время вполне сходило если не за высокое искусство, то за вполне приличную пьесу.

Потом мы все вместе ужинали в «Заплесневелом сыре» (официальное название «Старый чеширский сыр»), популярное и достаточно неплохое кафе. Диккенс увязался с нами, как-никак он покупал билеты в театр, надо было «откупиться», в смысле тоже сделать

человеку приятное. Заказали предрождественский пудинг, традиционный сыр, бисквиты и глинтвейн.

Пусик, поманив меня взглядом, потыкал лапой в меню, требуя говяжий ростбиф, курицу в грибном соусе и отбивную по-ирландски. На секунду он задумался и шепнул:

— А еще, пожалуйста, булочку и маленькую чашечку сметаны, я на диете, к тому же потрясения отбивают аппетит...

Пришлось согласиться на все — его напоминания о выставке у меня уже в кишках. Поздний ужин прошел в крайне дружеской, но не доверительной атмосфере. Командор ревновал, кот набивал брюшко, писатель распускал хвост, а я, как всегда, была крайней. Потом мужчины вдвоем ушли в туалет, и английский классик вернулся оттуда с такими круглыми глазами, что мне хоть сквозь землю провались! Черт, что же такого Алекс ему пообещал, если весь остаток ужина сэра Чарльз обеими руками держался за свой стул...

Часов в одиннадцать мы сердечно распрощались с Диккенсом, к этому времени я уже точно знала, что Алекс мне по-прежнему во много крат дороже, чем кто бы то ни было.

Я даже всерьез задумалась об искушениях нашей работы, которая частенько предполагает встречи с известными личностями. То есть действительно с великими людьми, потрясшими века своими картинами, романами, сражениями и прочим, прочим, прочим... Как устоять и не познакомиться поближе? Именно такой интерес был у меня к Чарльзу Диккенсу, и он это сам, кажется, уже понял. А если нет, то мой любимый ему все популярно объяснил. По крайней мере, в мою сторону будущий классик теперь старался не смотреть...

На квартиру добрались уже за полночь, засыпая, я прикидывала, что подарить напарникам на Рождество. Деда-мороза, подарок Алекса, я поставила на столик рядом с камином так, чтобы любоваться на него сквозь прикрытые веки, пока не усну. Сон опять подкрался незаметно...

Рано утром, проснувшись, я встала и осторожно поцеловала крепко спящего Алекса, поневоле залюбовавшись — какой же он все-таки красивый! Потом быстро умылась, привела себя в порядок, накинула теплую пелерину и отправилась в булочную. Накупила к завтраку свежей выпечки, а в соседней мясной лавке заказала на вечер жареного гуся. Седоусый хозяин в опрятном белом фартуке записал меня в конец длиннющего списка.

— Счастливого Рождества, мисс, — улыбнулся он мне.

— И вам того же, — сердечно пожелала я.

— Купите у моего соседа в бакалее сладостей, кажись, уже эти сорванцы у вашего дома собрались петь гимны, не терпится им...

Я обернулась и увидела из окна магазина сквозь листья и ягоды остролиста вчерашних сорванцов, пытавшихся закидать меня снежками. Вэк, с этими типами лучше не ссориться, откупимся конфетами... Когда я выходила из бакалейной лавки, мальчишки все как один приняли чинный и благообразный вид, затянув на разные голоса рождественский гимн:

Пусть придет к вам Рождество,
Принесет в ваш дом веселье...
Счастьем Бог вас наградит,
От несчастий оградит!

Вот она, благовоспитанная Британия! Вчера — снежком в спину, сегодня — богоугодные пения. Конфеты я раздавала с чувством глубокого удовлетворения.

Пока раздевалась в прихожей, вдыхала аромат свежесваренного кофе. Высунувшийся из кухни Алекс, улыбаясь, сообщил, что они с агентом 013 успели обеспокоиться, что я опять сбежала продвигать операцию самостоятельно. Но Пусик первым делом прыгнул на окно и зорким оком высмотрел, как я выхожу из булочной. Волнения сразу отпали, сменившись искренней благодарностью за мою заботу...

— Ну, му-урм, что у нас там на завтрак? — поинтересовался котик, с головой нырнув в корзину с продуктами.

— Я накупила еще на вечер, потому что... — Я выразительно стала пристраивать еловый венок над камином.

— Без потому что! Вечером, я надеюсь, мы будем уже на Базе, — твердо отвечивал Профессор, обнимая бутылку с простоквашей.

— Но почему? — сразу огорчилась я. — А настоящее английское Рождество в викторианском стиле?!

— Деточка, ты вечно путаешь работу и развлечение! Мы прибыли сюда с вполне конкретной миссией, ни затягивать операцию, ни задерживаться после нее нам никто не позволит. Расслабляться будем в столовой у Синелицкого...

— Ты жлоб, скупердяй и зануда!

— Нет, я милый, добрый и ответственный, — спокойно кивнул котик, и Алекс его поддержал:

— После завтрака мы отправляемся в Алдершот — постоянный военный лагерь англичан в Гентсе тысяча восемьсот семьдесят седьмого года. Неужели агент 013 не рассказал тебе вчера, как мы натолкнулись там на самих себя?

— Естественно, нет! — с фальшивыми слезами в голосе пожаловалась я. — Он мне никогда ничего толком не рассказывает, так, упомянул вроде...

Этого Мурзик уже не выдержал. Он отодвинул от себя булочку с колбасой и блюдечко простокваши, раздраженно обернулся и упер лапки в бока.

— Последнее из нападений так называемого пэкхемского привидения (он же Джек Попрыгунчик, он же Лондонский Кошмар, он же Ужас Сити и еще с десятков прозвищ) произошло именно там, хотя данная хронология событий интереса для нас не представляет. Мы действительно отправляемся туда только потому, что видели себя там. А это значит, что мы там уже были, то есть сегодня будем, или будем сегодня там, потому что были вчера, а значит, ранее по времени... Ты хоть что-то поняла?

— Вэк...

— Что и требовалось доказать! — победно заключил наглый Профессор.

Я автоматически протянула руку к его хвосту, но под укоризненным взглядом командора со вздохом отвернулась к столу...

— Агент 013 говорит, что дело закончится сегодня, — утешил любимый, подавая мне чашку кофе. — Более того, я готов его поддержать, так как мы оба совершенно уверены в успехе.

— Тогда колись: что мы будем делать в этом Алдершоте?! Появимся перед самым появлением Попрыгунчика, набросимся и свяжем, невзирая на протест удивленных военных? Я уж не говорю об этих вездесущих ученых... Мы же не сможем объект даже пальцем тронуть!

— На территорию лагеря они так легко не пройдут, все-таки воинская часть. У нас будет очень мало времени, но при соответствующей конспирации и маскировке...

— Шанс есть? Давайте переоденемся в солдат! Я уже была гейшей, француженкой среднего сословия, рабыней-таджикой, шотландкой, ирландкой, индейской скво, египтянкой... Моему искусству перевоплощения можно только позавидовать! Я надену мундир шотландцев с такой классной юбочкой в клетку и приклею рыжие усы... Будет прикольно! — Я приподнялась на стуле, живо представляя картинку в красках. А потом вспомнила вчерашние слова кота. Как я могла забыть...

— Агент 013 говорил, что вы видели меня в платье королевы, но ведь это нелепо. С чего это вдруг мне переодеваться королевой?! Ведь если узнают, то Тауэра не миновать, а мне он интересен исключительно как музей...

— Ну, это не так уж и нелепо. При непосредственном взгляде вполне может оказаться, что и сработает... Просто как фактор неожиданности! — откликнулся командор. — В роли солдат мы много не сделаем, разве что поднимем панику, но смысл? Требуется четко организовать все подразделение на арест Попрыгунчика! Ты будешь королевой Викторией, я, к примеру, графом или премьер-министром.

— На Базе тебя... э-э... немного состарят, — подхватил кот, на всякий случай отодвигаясь в сторону. — Театральный грим, опытные визажисты плюс мои бесплатные консультации — и ты будешь выглядеть совсем как престарелая королева Англии! У нас на Базе есть специалисты, которые полностью меняют облик агента, делая его максимально похожим на нужное историческое лицо.

— Но... э... у... а... — с трудом отдышалась я, ибо перспектива выглядеть рядом с любимым мужчиной набриолиненной старухой не прельщала ни на йоту. — Во-первых, я не согласна! Во-вторых, кто поверит в королеву без свиты? В-третьих, шеф никогда на это не пойдет, чтобы не нарушать конвенцию! В-четвертых, вы оба женоненавистники и покажите мне пальцем, чья это была идея?! В-пятых...

— А это будет незапланированный и страшно секретный визит, какая там свита?! Королева прибыла инкогнито! Для убедительности наденешь черный плащ с капюшоном и будешь говорить в нос, — пятясь задом, засуетился агент 013.

Вот, значит, кому я обязана «идеей»...

— Согласно легенде ты приехала совершенно секретно именно потому, что получила от своих секретных служб сверхсекретную информацию! — включился Алекс, но я так на него посмотрела, что он заткнулся. А котик вытянулся в струнку, по-гвардейски отдал честь и гнусаво затянул гимн «Боже, храни королеву!».

— Хватит надо мной издеваться! Видеть не могу ваши самодовольные физиономии, — без подзавода взорвалась я. — И так все дни на нервах, а вам лишь бы выставить меня полной дурой! Да еще и старой уродиной в придачу...

— Я только хотел разрядить накалившуюся атмосферу, — мгновенно надулся Пусик. — И будь добра, если не хочешь завалить всю операцию, впредь никогда не говори при мне о королеве Виктории в ТАКОМ тоне!!!

Алекс разнимал нас минут двадцать. Потом плюнул и отошел в сторону, дав нам обоим долгожданную возможность выпустить пар! Мы катались по ковру в партерной борьбе и бились, визжа, как психованные кролики. Я наконец-то от души оттрепала серого нахала за уши, а он расцарапал мне локоть и набоксировал мягкими лапками в живот. Ничего, пресс у меня тренированный, думаю, ему все равно досталось больше...

— Выход на Базу через две минуты, — напомнил командор, когда мы выдохлись. — Рекомендую прекратить междусобицу, привести себя в порядок и вернуться к делу.

— Хорошо, но обещайте, что, когда мы повяжем Джека, снова вернемся сюда, — устало взмолилась я. — Сегодня ведь Сочельник! Я всего накупила для вечернего застолья и даже традиционного гуся в мясной лавке заказала. Разве вы не чувствуете дух праздника? Как можно уехать из старой Англии в преддверии волшебства...

— Вроде бы ничего особенного не чувствую... — Алекс виновато развел руками. Хотя что с него возьмешь? Он же у нас «инкубаторский», откуда ему знать, что называют предпраздничной атмосферой. А вот я дома на Новый год... На глаза навернулись слезы...

Ребята посмотрели на меня, переглянулись и кивнули.

— Точно остаемся? — недоверчиво всхлипнула я.

— Конечно-конечно, какие сомнения, будем только рады! — единодушно и как-то подозрительно поспешно согласились они. Я улыбнулась и обняла обоих сразу, душа у меня отходчивая, правда?

Мы перенеслись в гардеробную на Базе, там, в отдельном кабинете меня обрабатывали не менее часа. Профессор расхаживал взад-вперед, давая гримерам и костюмерам ценные указания, а в перерывах вводя меня в курс разработанного им плана. Выходило, что раз я королева, то могу высокомерно помалкивать, а распоряжаться и давать указания будет глава палаты лордов граф Россель Кроу Гладстон-Дербский.

Нам подготовили королевский указ о задержании Джека Попрыгунчика, который мы зачитаем наивным военным. В назначенный час якобы совершенно случайно объект появится рядом с офицерами главного штаба. Он нападет со спины на часового, жестоко его изранит стальными пятнадцатисантиметровыми когтями и попытается уйти, перепрыгнув

через крышу штаба. Все это свидетельства очевидцев, возможно и преувеличенные, хотя проверить можно только на месте. Итак, королева приехала, чтобы лично проследить за тем, как злодей будет окружен и пойман...

— Придется действовать чужими руками, — не моргнув глазом, заявил Профессор. После драки мы вновь стали друзьями не разлей вода!

— Конечно, эти типы с научно-исследовательской Базы тоже не дураки, но я надеюсь, когда они заявятся, будет уже поздно. В любом случае им ничего не удастся исправить. В Алдершоте расквартировано около шести тысяч солдат, не знающих, чем себя занять, и каждый из них в лепешку расшибется, лишь бы выполнить личный приказ королевы. Тем более зная, что его за это наградят орденом, произведут в «сэры» и наверняка присвоят маршала!

Я придирчиво рассматривала себя в зеркало. До возраста королевы Виктории, сколько ей было в 1877 году, меня состарить, конечно, не сумели (слишком юная я), что немного успокаивало. Ходить в образе старухи, пусть даже венценосной, как-то не грело, успеется, знаете ли...

Агент 013 в гриме не нуждался — изобразить любимого котика коронованной особы он сумеет, даже не морща носа. Единственно ему торжественно повесили на шею синюю ленту с золотым медальоном в виде английского герба. Профессор носил его с чисто собачьей гордостью, как какой-нибудь призовой бульдог!

Из Алекса (тоже слегка состаренного) вышел очень представительный лорд Россель Кроу граф Гладстон-Дербский. Пэр Англии, правая рука королевы, он носил генеральский мундир, поскольку участвовал в Крымской кампании. А мой любимый просто рожден, чтобы носить военную форму! Она так классно на нем сидит, что я не устаю это повторять...

В назначенное время мы перенеслись в городок рядом с солдатским лагерем, их разделяла лишь железная дорога и площадь. Не узнанные (хотя кто нас тут знает?!), мы наняли карету попрезентабельнее, сунули Пусика в ноги и покатали.

Должна признать, что Алдершот внушал должное уважение и многое говорил об английской армии. То, что обеспечивается она по высшему разряду и денег в нее вбухивают немерено, было ясно даже при взгляде через забор. Потом я узнала, что помимо казарм, госпиталей, спортивных комплексов и отдельной столовой огромных размеров в лагере имелось несколько театров, библиотеки-читальни и даже собственный ипподром.

Ворота нам открыли без проволочек. Один из стоявших на страже солдат развязно заглянул в окно нашей кареты. Его ухмылка тут же исчезла, едва он увидел наши лица. Особенно высокомерную физиономию агента 013, демонстративно поигрывающего медальончиком. Я поджала губки, свела бровки, показывая, что ждать не привыкла, а вот отправить на эшафот могу с превеликим удовольствием!

— Солдат, если ты не поторопишься, то ее величество опоздает, — доверительно сообщил ему Алекс. — И предупреди старшего офицера, что мы прибыли инкогнито.

Тот, едва не уронив ружье, выпучил глаза, поспешно отдал честь и бросился к своим товарищам, которые торопливо открыли высокие кованые ворота. Один побежал перед нами, показывая дорогу, прочие замерли по стойке «смирно». Что ж, начало положено, будем доигрывать комедию до победного конца...

Комендант, заметно взволнованный нашим неожиданным приездом, выбежал встречать меня у главного штаба. Я вышла из кареты, тяжело опираясь на его руку, изображая грузность и артрит ног. Алекс подхватил под пузо напарника, важно двинувшись следом. Нас сразу сопроводили в кабинет начальника штаба, предложили чай с молоком и тосты, чувствовалось, что королева Виктория все-таки пользуется авторитетом в военной среде.

Когда меня усадили в кресло, я с показным удовольствием вытянула ноги и бесцеремонно начала:

— Мы приехали к вам, комендант, с очень важным поручением. Это срочное дело потребует мобилизации ваших лучших солдат, покажет степень вашего патриотизма и готовности служить Британской короне! Лорд Кроу, прошу вас, изложите сами суть дела, в

последнее время у меня что-то путаются мысли. Поэтому я пока подремлю... Мням, мм... Хр-пр...

Этому я научилась у кота, он способен отвалиться спать в любое время суток, сопя, как невинное дитя. Профессор вальяжно вполз ко мне на колени, обозревая кабинет изучающим взглядом. Комендант лагеря неуверенно обернулся, но Алекс развернул его за эполет.

— Совсем сдает матушка императрица, то есть ее величество, — миролюбиво проворчал он, отводя в сторону беспокойно озирающегося коменданта. Судя по напряженному взгляду дяденьки, тому наверняка казалось, что котик за ним следит. И это не паранойя, Пусик действительно следил...

— А теперь попрошу внимания, генерал, дело нешуточное. Через полчаса в ваш лагерь проникнет незамеченным, пройдя через все блокпосты и охрану, Джек Попрыгунчик!

— Но, сэр, этого не может быть! — подпрыгнул удивленный комендант. (Что-то слишком он нервный и подвижный для военного, может, такой же липовый, как и мы с Алексом?) — Не может быть, потому что я лично проверяю караулы не реже двух раз в неделю!

Вэк, всего два раза в неделю?! Судя по всему, генерал настоящий...

Тем временем в кабинет набилась куча народу, все штабное начальство, свободные от службы офицеры, адъютанты, повара и на всякий случай два врача. Кое-кого пришлось вытаскивать из разных зланных заведений...

Гвардейцы, гордость и честь британских вооруженных сил, до сих пор сжимали в руках билеты на скачки, размахивали боксерскими перчатками, доедали сандвичи на ходу, спешно оттирали губную помаду, и от всех поголовно за километр разило амброй ближайшего трактира! Отдавая должное королеве, они из всех сил старались держаться прямо, а когда это им не удавалось, в целях подстраховки висли друг на друге.

Но трезвые головы среди вояк все-таки были, и суперагент изложил свой план окружения и пленения Попрыгунчика, обращая преимущественно к ним. К концу пламенной речи лорда Кроу один офицер-игрок, которого жестоко вытащили прямо со скачек, покачнулся, но удержался на ногах, а затем, забыв о субординации, многозначительным шепотом и отчаянно заикаясь спросил:

— На к-к-кого п-п-поставите, сэр? С-со-советую н-на-а П-по-опрыгунчика, — и закивал, сияя улыбкой.

Мое уважение к военным рухнуло окончательно! Если бы я знала, с кем придется работать, то своими руками пристрелила бы нашего монстрика, подкараулив его после успешного нападения на очередную девушку. Но командор знал свое дело и умел разговаривать с настоящими мужчинами...

На крыше штаба заняли позицию человек десять с ружьями, вокруг были усилены блокпосты и растянуты сети. Лица у всех были суровые, глаза горящие, пальцы дрожали на спусковых крючках, и весь лагерь жаждал крови!

— Мы что, собираемся его убить? Просто так — без суда и следствия?! — Я далеко не сразу осознала весь ужас происходящего. Обычно мы пытаемся сначала выяснить причины криминального поведения подследственного, помочь ему ступить на праведную дорожку, договориться, в конце концов. По-моему, Джек выглядел как-то поцивилизованней рокурокуби-гоблинов.

— Именно, детка! И надеюсь, нам это удастся. Сегодня уже третий день операции, пора с Прыгуном завязывать, — еле слышно, но решительно заявил кот, лежа у меня на руках. Тяжелы-ы-й...

Мы стояли на ступеньках штаба, до появления Лондонского Кошмара оставалось несколько минут. Я только открыла рот для ответа, как встретила с любопытным взглядом какого-то майора и, тут же сделав постное лицо, дурашливо произнесла:

Где ты была сегодня, киска?
У королевы у английской!

Майор опустил глаза и зашептал стоявшему рядом лейтенанту, что королева совсем того, разговаривает с домашними животными, а кота, ведь это же явно кот, называет киской.

— Ее величеству лучше знать, как обращаться к своему любимцу, — с нажимом в голосе заметил Алекс, поспешивший прийти мне на выручку. — Но вы наблюдательный малый, поэтому поручаю вам, майор, следить за появлением Попрыгунчика вон с той дозорной вышки. Как только увидите, трубите в трубу, стреляйте из пушки и зажигайте сигнальные костры. Главное, на дровах не экономьте!

Бедняга, покраснев, как омар, торопливо бросился выполнять приказ. Я, нежно улыбнувшись, послала командору воздушный поцелуй! Присутствующие офицеры смущенно отвернулись, ну и правильно...

Наконец томительное ожидание сменилось появлением объекта. Он действительно выпрыгнул из-за здания штаба, хотя там должны были караулить два десятка вооруженных людей. Те, кто был на крыше, от удивления и неожиданности не успели вовремя среагировать. Несколько выстрелов раздалось уже после того, как Попрыгунчик преспокойно перемахнул через их головы, удачно плюнув кому-то на фуражку.

Монстр приземлился рядом с нами, озарив меня злобным взглядом. Алекс прикрыл меня грудью, а Профессор у моих ног занял боевую левостороннюю стойку. Нельзя сказать, что все бездействовали, народ был подготовлен, но слегка подрастерялся...

— Окружить! Поймать! Не упустить! — тонко возопил комендант, выхватывая саблю так, что все шарахнулись в стороны. — Не стрелять, взять живьем!

Но Джек тоже быстренько сообразил, что к чему, и рванул низкими длинными прыжками сквозь гущу солдат, которые, толкаясь и мешая друг другу, никак не могли его схватить. Нет, я понимаю, что у них нет практики, что гвардию отродясь не готовили для поимки монстров, но уж такими-то неуклюжими тоже нельзя быть! Хуже российской сборной по футболу, ей-богу... Давно пора королевским указом прикрыть все кабаки на территории Алдершота, включая кофейню-бар при библиотеке, столь необходимую в деле популяризации чтения.

Разумеется, стрелять навскидку по своим же товарищам никто не посмел, снайперы на крышах заключали пари, уйдет Попрыгунчик или его все-таки задавят количеством.

— Расступись! — Командор отобрал у кого-то ружье, прицелился, но объект быстро нырнул туда, где еще оставалась толча.

— Любимый, тебя же уволят! — в отчаянии завопила я, но он даже ухом не повел. Кот же выразительно пихнул меня лапой под колено и покрутил когтем у виска.

Гвардия, с ревом и проклятиями, гоняла Попрыгунчика, но без толку. Неужели он действительно неуловим?

Время от времени из толпы доносились вопли:

— Он полоснул меня когтями!

— Урод, этот капрал был мне за старшего брата!

— Помоги, Джордж, я истекаю кровью...

— Пахнет, как виски.

— Тащите офицера в госпиталь!

— Он тяжелый. Мы лучше отомстим за него... потом.

— Тогда хотя бы позовите священника!

— Вперед, молодцы! Смерть на глазах королевы Британии почетнее любого ордена!

— Господи, ну куда мы денемся...

Крики типа «ай, ой, мамочка!» и нецензурные эпитеты, которыми пострадавшие награждали Попрыгунчика, я приводить не стану. Скажу только, что каждый второй считал своим долгом пожаловаться мне на любую царапину неугомонного монстра, хотя тот всего лишь защищался. Мне его было даже немножко жаль... Успокаивало одно: Попрыгунчик заявился сюда сам, и на уме у него наверняка были одни пакости.

Ба-бах!!! Выстрел гроыхнул над самым моим ухом. Алекс улучил момент, когда

монстр прыгнул в его сторону. Промаяхнуться с такого расстояния было невозможно... На груди Джека проступило черное пятно, он посмотрел на Алекса, потом чуть вбок и улыбнулся. Мне стало жутко, потому что улыбался он мне. Охотник за девушками...

Взвизгнув, я прижалась к спине возлюбленного, но со следующим прыжком злодей оказался рядом, схватил меня за плащ и занес когти для удара! Я обомлела на месте, даже не помышляя о сопротивлении...

Его лицо, неживое, мертвенно-бледное, внушало безотчетный ужас, а глаза были невыносимо пустые. В них не было ни злобы, ни ненависти, ни боли, не было души! Рейнольдсон — не Господь Бог, он мог вложить в свое творение жизнь, но не душу...

— Реальный подонок, — хладнокровно заявил Алекс, в упор разряжая в него армейский револьвер. Шесть выстрелов швырнули Попрыгунчика наземь...

— Его нельзя убить.

Все те же двое близнецов-ботаников, возникнув из ниоткуда, заботливо поставили монстра на ноги. Действительно, пулевые отверстия на груди ему нисколько не мешали, взгляд был по-прежнему угрожающим, а ухмылка наглой. Хотя... наверное, он слегка посерел, точнее полинял, или мне показалось?

— Из него же черная краска льется! — осенило меня, но ученые опять подняли крик:

— Вы нарушили все мыслимые параграфы конвенции о невмешательстве в дела параллельных организаций, а потому...

— Во-первых, заткнитесь! — прямолинейно рявкнула я. — А во-вторых, вы на кого, вообще, повышаете голос?! Я — королева Виктория! Солдаты, что вы стоите, как неверноподданные? Меня тут оскорбляют всякие штафирки... Взять их!

— Кто допустил на территорию военного лагеря штатских?! — послушно взвыл комендант.

Солдаты и офицеры кучей бросились на «оскорбителей ее Величества» и, естественно, завалили хлопцев, но Джек... Невероятным образом вывернувшись, он свечкой сиганул вверх и растворился в воздухе.

— За ним! — крикнул вынырнувший из толпы Профессор, вспрыгивая мне на руки.

— Ты говорил, все закончится здесь!

— Я говорил только, что все закончится сегодня! — парировал агент 013, а командор, не таясь, настраивал «переходник».

— Кот! Он обладает даром речи. Я был прав — она с ним разговаривала, — торжествующе выпалил майор, которого мы отправили жечь костры на вышке.

— Любопытство не доведет вас до добра, — печально вздохнула я. — Напишите объяснительную обо всем, что видели, и загляните ко мне в Букингемский дворец... Мм... допустим на следующей неделе в среду. Я вас охотно выслушаю...

Этот идиот радостно отдал честь. Значит, в среду он будет доказывать настоящей королеве тот неоспоримый «факт», что она (королева!) разговаривает с котами и коты ей отвечают. А там короткий диалог, вызов врача и первым же кебом с зашторенными окнами до ближайшей психушки на принудительное лечение...

— Вас уже ждут приказы об увольнении! — тоскливо кричали уносимые в карцер ученые типы.

— Комендант!

— Да, ваше величество! — вытянулся взопревший генерал.

— Примите мою искреннюю благодарность! — милостиво улыбнулась я. — Алдершот доказал свое право считаться элитными частями вооруженных сил Великобритании, я горда вами! А этих двоих — в гарнизонный госпиталь и непременно под клизму...

— Боже, храни королеву! — воодушевленно взревели гвардейцы, так что эхо донеслось до меня даже сквозь межвременное пространство.

Алекс наконец набрал нужную комбинацию кнопок. Чуть закололо в висках, и мы перенеслись в квартиру бедного еврейского художника Рейнольдсона. Ну, может, не такой уж он и бедный, но так как-то красивее звучит. Творческие люди должны быть чуточку

голодными...

Мы стояли в той самой комнате, где я расхаживала в одной простыне. Сосредоточенный художник с кистью в одной руке и с палитрой в другой замазывал что-то на картине. Черной краской!

— Какого черта?! — обернувшись, остолбенел он. — Ва-ваше величество?

— Простите, если оторвали от работы, — вежливо извинился котик. После чего, не снимая улыбки, с разбегу прыгнул комиксисту на грудь, повалив его на пол. Профессор не только тяжелый, он этот прием не один год отрабатывал. Поверьте, редко кому из подозреваемых или мешающих нашей работе индивидуумов удавалось устоять на ногах...

— Что... что происходит?! Я же таки ни в чем не виноват!

Алекс молча снял с мольберта холст и положил его в камин. Пламя недоверчиво лизнуло картину...

— О нет! Прошу вас, ваше величество! Это же есть мое творение! — Рейнольдсон вскочил на ноги и бросился вперед с висящим на груди котом. Командор одним движением вернул его в прежнее состояние...

— Вэк... от меня опять скрыли самое важное? — Я бросила взгляд на полыхающую картину и все поняла. Это оказалась та самая работа, где от Джека остался один силуэт. Так вот сейчас он был там — весь!

Трехмерный, не плоский, при плаще и рогах, в сегодняшнем костюме. Его лицо, искаженное яростью, казалось подвижным, он явно терпел сильные муки. От злости его тело на рисунке ходило волнами (или это оптический обман?), просто холст скорее не горел, а плавился. Тем не менее Джек Попрыгунчик медленно исчезал в очистительном пламени камина!

Что ж, Рейнольдсон нас вчера надул... То есть, конечно, не всех нас, а меня. Ребята, получается, все поняли, но традиционно не поставили боевую подругу в известность. Наверное, это их маленькая месть за мое самоуправство... Хотя что уж такого недозволенного я сделала? Подумаешь!

— Накануне мы получили результаты анализа жидкости, взятой у Попрыгунчика. То, что давало ему подобие жизни, якобы было его кровью, — на деле всего лишь черная краска. Почему именно черная, а не красная, не голубая? Оказалось, что художник, нарисовавший Попрыгунчика, замешивал ее по-особому, и именно в ней весь секрет, — терпеливо начал объяснять Алекс, глядя на комиксиста так, что тот уже не пытался подняться. Кажется, он уже понял, что мы те, кто приходил вчера, и это пугало его куда больше, чем визит самой королевы...

— Нужно было сделать так, чтобы объект вернулся в портрет, истекая кровью, то есть краской, и теряя силы. Эксперимент удался. Он прибежал подлатать раны, чем и занялся создавший его тип! — добавил Пусик, грозно топорща усы.

Рейнольдсон обреченно покосился на кота, не сказав ни слова.

— Значит, его бессмертность была мифом? Ну если бы мы палили в него минут двадцать из пулемета, он бы умер сам, истекая краской?

— Скорее всего, да. Но он не стал бы ждать, а телепортировался бы в картину, как сегодня. Поэтому никто и не мог с ним сладить: в него стреляли в упор, но он не падал, а уходил прыжками, и автор замазывал ему раны. И люди верили в неуязвимость монстра, — продолжил командор.

— А эти его телохранители-ученые, они что, ничего не знали?

— У них «переходник» устаревшей модели, на поиск объекта уходит минут пятнадцать, потому мы всегда опережали их на один ход. И потом, они были спокойны, искренне считая, что Джек неуязвим. Видимо, не до конца его исследовали.

— И уже не доисследуют... — важно заключила я. — Мы встали на пути научного прогресса! Наверное, нам должно быть стыдно...

Держать художника на полу больше смысла не имело — холст прогорел. Кот предложил на всякий случай сжечь и остальные портреты Попрыгунчика, мы не возражали.

— Ой, ви жестокие люди, оставьте мне хотя бы память! — взмолился Рейнольдсон. — Джек таки не ведал, что творил, он был всего лишь шаловливое дитя... Может, я один ответственен за все его преступления!

— Это точно, но боюсь, вряд ли кто в Скотленд-Ярде примет твою явку с повинной, — вздохнула я, с сочувствием глядя на художника. Кофе, что ли, ему сварить и дать выпить чашечку, пусть человек хоть немного успокоится. Но ведь лень, да и не королевское это дело, так что кофе он не получил...

— Я был вынужден нарисовать его таким монстром! Что вы хотите?! Этот проклятый жанр ужасиков требовал от меня крови и зрелищ! Я работал по контракту, из-под моей кисти вышло с десятков таких чудовищ...

— Но никто из них не ожил и не совершал нападения в реальной жизни, — вставила я. — Так почему именно он?

— Потому что... таки я не знаю почему! Ви говорили о черной краске... Да, из ранений текла черная краска, но что я мог? Заявить сам на себя в полицию?! Я закрашивал дырки на его теле, подправлял его лапсердак. Джек разговаривал со мной, просил помощи, требовал рисовать ему разные костюмы. Он был франтом, мой бедный жуткий шедевр...

— Так вот, насчет краски. На чем вы ее замешивали? — спросил Алекс.

— На саже. Ой, да сейчас все так делают. — Творец спокойно пожал плечами.

— Но на какой! Она от сгоревшего человека.

Я ахнула. Но Рейнольдсон нисколько не смутился:

— А что не так? Где тут преступление?! В тот год я попал в больницу Святого Марка. Было много свободного времени, когда я таки пошел на поправку, поставил в саду при больнице мольберт и начал рисовать. Как-то у меня кончилась черная краска, я стал искать, где тут можно достать сажу.

— А купить в магазине?

— Откуда деньги у бедного еврея, мисс?! — укоризненно сощурился Рейнольдсон. — В кармане ни пенса, а рядом старый крематорий... Один мой коллега когда-то говорил, что зола из крематория дает более насыщенный оттенок черного. Я человек без предрассудков и даже обрадовался возможности самому проверить, так ли это.

— Значит, краской, замешенной на саже сгоревших тел, вы нарисовали Джека Попрыгунчика?..

— Да, и он ожил у меня на глазах! О, шоб я такого не смотрел и во сне! Он же отнял у меня полздоровья! После него я не рисовал никого, все идеи в моей голове были связаны только с ним, одна из них — его «японские подружки». Жаль, ви таки не успели мне попозировать. — На губах комиксиста появилась блуждающая улыбка, а в глазах — знакомый сальный блеск. И этого аморального типа я еще жалела!

— Психокинетическая энергия с сильным отрицательным зарядом осталась в золе от многочисленных грехов умерших людей, чей пепел вы брали. В этом весь секрет, — резюмировал агент 013. — Ну что, на Базу?

Командор отрицательно покачал головой, кивая в мою сторону. Котик вспомнил об обещании и вовремя спохватился:

— Ах да, деточка, забыл, мы же с Алексом обещали, что до завтра никуда не двинемся. Тогда домой?

Я мрачно подмигнула ребятам, отводя их в сторону:

— А что будем делать с Рейнольдсоном? Он же может наплодить еще кучу монстров, тем более зная секрет их производства. Нет, не из-за маниакальных наклонностей, а единственно чтобы восполнить потерю! Только гляньте, как он убивается...

Несчастный художник, утирая слезы, насторожил уши.

— Процент вероятности ничтожен, — уверенно заявил агент 013. — К тому же нас посылали обезвредить Джека Попрыгунчика, а не ликвидировать саму возможность появления таких монстров в будущем.

— О, а ведь это мысль — истребить всех монстров еще до их рождения!

— Управимся годика за два, а потом мы же и останемся без работы, — логично возразил Профессор. Обычная отговорка моих агентов...

Я ему популярно пояснила, что мыслить таким образом — аморально, искоренять зло надо основательно, с корнями и лучше сидеть без работы, но с чувством выполненного долга! Выслушав мою тираду, напарники пошушукались и согласились на всякий случай отобрать у художника всю черную краску вместе с остатками золы, если она есть.

— Ой, да ее не осталось! Я же сразу намешал большую банку, вот, возьмите бесплатно, но оставьте картины! Прошу вас, они нарисованы без добавления этой адской сажи. И... можно я не пойду в тюрьму?

Ну мы тоже не звери... Сажать его не в нашей компетенции, а картинку пусть оставит, но только после того, как все холсты пройдут экспертизу у нас на Базе. Рейнольдсон до сих пор был уверен, что мы из тайной полиции, во всемогущество коей он верил настолько сильно, что спокойно принимал за факт, что в консультанты они берут англоязычных котов. Более того, он собственноручно упаковал нам все свои работы, проводил до дверей и слезно просил вернуть ему их хотя бы после Рождества.

Командор отправил нас с Пушком на Базу, навав, что ему еще нужно кое-что доделать по заданию. С меня наконец-то смыли весь старушечий грим, вновь выдали платье средней буржуа, и мы дунули обратно в Англию. Дескать, кое-что доработать надо, черт с ней, с премией, служба превыше всего, приедем завтра утром, тогда же и рапорт сдадим. Поверили...

Как чудесно пройтись по Лондону девятнадцатого века накануне Рождества! Алекс ждал нас в Кенсингтонском парке в центре города, там, где проходят народные гулянья. Знаменитый памятник Питеру Пэну еще не установили, но там и без того было на что посмотреть.

Весь парк был расцвечен огнями, на центральной площади были установлены театральные подмостки, актеры разыгрывали традиционные сценки, связанные с рождением Христа. Толпа радостно возбужденных прохожих, шум, смех, музыка, взрывы хлопушек, крики лоточников. Хлопушки были разные, мы взяли по хлопушке-крекеру, так их называли. Длинная, в виде конфеты, внутри сюрприз. Мурзику досталась выпиленная из дерева и раскрашенная мышка.

— Это и есть твое рождественское чудо? — скептически произнес он, держа ее за толстый хвост в вытянутой лапе.

— А разве не чудо, что эта хлопушка ждала, когда ее купишь именно ты?

— Почему я?

— Потому что кому еще на фиг нужна такая мышь?!

Агент 013 на минуту задумался и согласился, сюрпризную мышку он сунул под мышку (каламбур!), втихую поглаживая ее по голове.

Потом начался фейерверк: огненные колеса, змеи, вертушки, сыплющие искрами во все стороны. На дорожках парка я увидела женщину со вздернутым носом в синем пальто и шляпке, катящую перед собой коляску. Рядом с ней шли мальчик с девочкой, о чем-то жарко споря. Женщина была так похожа на Мэри Поппинс, что если бы я заглянула в ее коляску, то наверняка обнаружила бы там близнецов.

Ну вот, уже можно считать, два чуда за вечер есть, какое же будет третье? В том, что оно будет, я ни капли не сомневалась. Кот по-детски радовался сверкающим огням фейерверка, всякий раз подпрыгивая и тыча свободной лапкой в сторону очередного огненного колеса с особенно ярким снопом искр! Мы с Алексом даже чуточку забеспокоились, припомнив его прошлогоднее помешательство колпаком. Тогда он вел себя точно так же...

Хорошо, что зимой рано темнеет, сейчас было еще только шесть вечера. Мы поехали на явочную квартиру, спокойно занялись рождественским ужином и нарядили елку, купленную недалеко от парка.

Подвыпившие прохожие хриплыми голосами, но во всю мочь горланили гимны, точь-в-

точь как возвращающиеся с матча футбольные фанаты. Я вспомнила наш городок и футбольную команду «Судостроитель». Надо будет Алекса как-нибудь между заданиями вытащить на игру с «Кавказкабелем» — «переходник» всегда при нас, и котик вряд ли откажется. Конечно, футбол как таковой ему мало интересен, но поорать и погрызть сухой рыбки с пивом он любит...

Пусик сам повесил свою деревянную мышку на елку. Благо деревце было небольшое, а встав на табуретку, он даже смог надеть звезду на ее верхушку. Алекс ушел за заказанным гусем, я наvertела дырок в готовом пудинге, распределив там кольцо, монетку и кулон в форме рыбьего скелетика. Надеюсь, попадется коту, я такой не надену...

Мурзик уселся к столу первым, с любопытством поглядывая, как я выкладываю в вазочку засахаренные фрукты, но я отправила его дежурить у плиты. Глинтвейн мог выкипеть, пусть помешивает половником.

— Алиночка, ты знаешь, что у англичан принято готовить рождественский пудинг за год вперед — традиция! Хорошая хозяйка не покупает его в бакалейной лавке, а целый год...

— Месит тесто на кухне ногами? — не поверила я.

— Вроде того, деточка, а в результате блюдо приобретает более глубокий цвет и утонченный аромат, — кивнул Профессор и вдруг взвился: — А твой магазинный пахнет так активно, что уже в животе урчит! Мы же с утра ничего не ели!

— Ты за глинтвейном давай смотри, убежит. Слушай, а точно горячий чай туда вливают? Или его вливать в чай? А, ладно, все равно выпьем...

— Домомучительница... — не хуже Карлсона надулся котик, но в этот момент вошел Алекс с гусем, и агент 013 радостно сообщил, что сам его порежет! Гуся, естественно...

У нас получился настоящий рождественский ужин в лучших английских традициях викторианского века. Я была счастлива, глядя, как ребята уплетают мою стряпню. Ну, хорошо, хорошо, магазинную, но на стол-то ее ставила я!

Кот, набив пузо гусем, бесчеловечно выковыривал из пудинга изюм, выковыряв-таки и кулон «скелет рыбки», и монетку китайскую, и колечко с эльфийскими письменами (оно изначально предназначалось командору).

— О! Это все мне? Как приятно, девочка моя, угодила старому другу! Пожалуй, я буду носить именно колечко, повешу на цепочке на шею.

К кулону с рыбкой он остался равнодушен, тут же передарив его Алексу. Я виновато улыбнулась любимому — прости, ничего не поделаешь — случай... Он тоже улыбнулся в ответ — пустяки, бывает.

И тут... вдруг подул резкий ветер, и это в отапливаемой комнате с двойными рамами, заклеенными на зиму! Свечи погасли, что-то загремело на кухне, потолок пошел трещинами, и замогильный голос возвестил:

— Опомнитесь, смертные, пока не поздно! Иначе, клянусь преисподней, вы все умрете к следующему Рождеству!

— Приятно слышать, спасибо, что зашли, и вам того же, — первой откликнулась я, изо всех сил пытаясь разглядеть: кто же это испортил нам все веселье? Алекс осторожно развернул меня за плечо, указывая в сторону прихожей. У дверей застыла расплывчатая, слабо мерцающая фигура, похожая на привидение.

Я хотела снова зажечь свечи, но едва не подпрыгнула от вопля:

— Нет! Все равно я их задую. Комфортней чувствую себя в темноте, знайте! — пафосно изрекло существо.

— Ты случайно не призрак Попрыгунчика? — озарило меня. — Явился отомстить? Зря, это большой грех, тем паче в такой праздник... Давай на следующей неделе?

— Нет, Алиночка, это же...

— Я дух нынешнего Рождества, — поспешно перебило кота привидение, то есть дух, стараясь при этом сохранить значительный тон. — И внимайте мне, смертные, не перебивая своими нечестивыми языками, ибо спастись вы можете, только встав на верный путь.

— Хм, если можно, чуть конкретнее, — попросил командор. У всех нас есть свой опыт

разговоров с привидениями, так что особенно никто не испугался.

— Отрекитесь от заблуждений и зла! — прогрохотал дух интонациями фанатичного миссионера в Африке.

— Что это он нам проповедь читает? — возмутилась я. — Сегодня не воскресенье! Какие заблуждения, какое зло? Я лично и так самая добрая!

Однако Пушок внимал ему так внимательно, что у меня зародилась мысль: неужели у кота за душой не все чисто, а на совести грешки прошлого? А ведь на вид такой чинный, с безукоризненной репутацией, кто бы подумал...

Вот командор даже головы не повернул, значит, чист и невинен, как дитя. Видя наше отношение, дух совсем взбеленился, возмущенно загрохотал невесть откуда появившимися цепями и завопил:

— Злодеи, нечестивцы, отступники! Вы хотите потушить мой божественный свет, который я несу людям...

— А в чем проблема, что вы к нам пристали? — Я вновь взяла беседу в свои руки, тем паче что мои ребята ничего предпринимать не собирались. Профессор спокойно вернулся к своему куску гусятины, а Алекс чего-то искал в пудинге, на всякий случай... Вдруг я туда еще какой-нибудь сюрприз засунула типа железного болта или пригоршни гаек?

— Проблема в вас! О отпетые грешники, самим существованием оскорбляющие небеса, я верну вас в лоно истины и правопорядка! Я вам... — на мгновение он остановился и как-то сбавил тон: — Вы что, не банда Лысого Фенимана?

— Впервые слышим, — честно переглянулись мы.

— Как? Так разве не вы пустили под откос два поезда, ограбив инкассаторские вагоны, обворовали кассу профсоюза жестянщиков и забрали пожертвования церкви Святого Викентия? — произнес дух уже другим, немного испуганным голосом, сверившись с бумажкой. — Это ведь дом 1126 по улице Шейкер-стрит?

— Это Бейкер-стрит, 220а!!!

— Счастливого Рождества... — поспешно извинилось привидение, резво разворачиваясь к дверям. — Но отсюда же туда лететь черт-те сколько... Держу пари, вы тоже не совсем чисты, так, может, я тут отработаю?!

— Мы просто тихие овечки и никому не позволим испортить себе праздник! — встала я, взвешивая в руке крышку от гусятницы, но запустить ее не успела — дух поспешно ретировался. Значит, соображает, что к чему...

Да-а, пожалуй, лучше бы этого последнего чуда не было, а ведь я его так ждала. Алекс молча протянул мне кружку глинтвейна — праздник продолжается! Уже далеко за полночь мы разошлись спать, и сны мои были легки и приятны...

Утром, едва открыв глаза, я увидела кота: задрав пушистый хвост, он заглядывал под елку в поисках подарка. Колечка ему мало, жадный толстун! Но оказалось, он прятал подарок для меня.

— Прости, Алиночка, не успел... хотелось сюрпризом, — извиняющимся тоном пробормотал он, оборачиваясь. — Возьми так, надеюсь, пригодится... вам обоим.

Мне было очень приятно и немножко стыдно. Приняв перевязанный ленточкой сверток, я нежно почесала Пушка за ухом. Он мгновенно разомлел и замурлыкал, что при своем звании и регалиях позволял себе крайне редко. В умилении я схватила его в охапку и, прижав к груди, потискала от всего сердца...

— Это-о... было лучшее... ой, Рождество-о в моей жизни, — искренне прохрипел он, выпучив глаза и упираясь всеми лапами. Я чмокнула его еще раз и кинулась разворачивать бумагу.

Внутри оказалась небольшая, с золотым тиснением книжечка. С картинками... Минимум текста... Камасутра!

Алекс проснулся от воплей кота, которого я гоняла веником по всей квартире...

Пока привели себя в порядок, пока позавтракали, убрали явочную квартиру... в общем, на Базе мы были часа через три. Приняв с дороги душ и одевшись по форме, пошли сдавать отчет, тщательно написанный ответственным и щепетильным агентом 013 вчерашней ночью, когда мы с Алексом видели десятые сны. Профессор никогда не перестанет меня удивлять, хотя он, в отличие от нас, сворачивается клубком и спокойно дрыхнет в любое время дня, досыпая свое независимо от задания. Типа котам это по легенде положено...

Троллеподобная секретарша, бессменно несущая свой пост, сияя кошмарной улыбкой, сообщила, что нас ждут, причем в кабинете еще какая-то важная персона помимо шефа.

Донесли все-таки «ботаники», дружелюбные наши... Первое умозаключение оказалось верным. В широком кожаном кресле под пальмой важно восседал цаплеобразный тип в очках, строгом костюме, с поджатыми губками и остатками рыжих волосиков на голове.

— Позвольте представить, наши лучшие агенты — полковник 013, майор Алекс Орлов, младший лейтенант Алина Сафина. Именно они вывели Джека, — строго начал шеф, подмигивая нам обоими глазами поочередно. — Вы хотели видеть их лично?

Рыжий чуть заметно кивнул. Ну все, дело шьют... Неужели и вправду уволят? А я только-только вошла во вкус борьбы с монстрами и оборотнями. Неожиданной болью в груди пришло осознание того, как сильно я люблю мою работу... Эту замечательную Базу, населенную странными, но такими хорошими и добрыми существами! Нашу слаженную команду, о лучших напарниках я и мечтать не могла! Прощайте, веселые посиделки у хоббитов, вкусный вишневый компот Синелицево, нудные шутки добряка биоробота Стива и все-все-все, что я так любила...

— Вы выполнили задание, но нарушили правила, действующие между нашими организациями. Надеюсь, вас предупреждали, что скоропалительные поступки всегда создают большие проблемы и могут привести к печальному завершению вашей карьеры? — После столь длинной речи шеф выпил водички, отдышался и продолжил уже другим тоном: — Однако на данный момент глава Монстроисследовательской Базы сам нуждается в нашей помощи. Он пришел сюда именно за этим, и это первый раз за всю мою службу!

— Э-э, да... Да, коллега, я был вынужден под влиянием обстоятельств, иначе бы мы встретились уже на судебном разбирательстве. К сожалению, обстоятельства таковы, что наше сотрудничество становится вопросом жизни и смерти...

Ого! Мы неуверенно переглянулись, похоже, увольнять не будут, расстреляют на месте. Котик первый оценил обстановку, попытавшись удрать, но был возвращен бдительной секретаршей. Профессор тут же сделал вид, будто бы это его обычная утренняя пробежка, для тонуса...

— Наши специалисты проходят долгую и всестороннюю подготовку, — выдержав паузу, продолжил гость. — Они знают, как защитить себя, работая с разными, в том числе и очень опасными, объектами, но, как оказалось, этого недостаточно. Совсем недавно еще два наших сотрудника погибли при невыясненных обстоятельствах, пытаюсь разгадать загадку таинственных смертей в замке Мальборк, Польское побережье Балтийского моря, четырнадцатый век.

— Еще два сотрудника?! Получается, были жертвы и до этого?

— Потери есть у всех, наука требует жертв. Но отказаться от исследований мы не можем, по невыясненным причинам гибнет цвет Тевтонского ордена!

— А чего их жалеть? — сдуру ляпнула я. — Все крестоносцы бандиты, убийцы и грабители...

— По счастью, принятие подобных решений не в вашей компетенции, — ледяным голосом ответил ученый хмырь, даже не глянув в мою сторону. — Магистры и верховные рыцари принимают страшную смерть... И не от руки человека!

— Вероятно, средневековые интриги, борьба за власть, — перебирая бумаги на столе, высказался наш шеф. — Чтобы убрать соперников, в те времена не гнушались вызывать духов, демонов и самого дьявола! Общеизвестно, что тевтонские рыцари грешили черной

магией.

— Нет, это не черная магия, не интриги, не политическая борьба — в действительности все гораздо запутаннее. Смерть наступает в результате побоев...

— То есть кто-то избивает людей до смерти... А они защищаться не пробовали? Бокс, самбо, карате, айкидо, капуэро...

— Побойи наносятся с такой скоростью, что жертва не успевает даже позвать на помощь. Мои ребята боятся туда ехать, и я не могу их заставлять, нам не платят за ТАКОЙ риск.

— Можно подумать, нам за него ТАК платят... — разом вскинулся Мурзик, но под взглядом шефа прикусил язычок.

— Мы всего лишь ученые, боевые подвиги по вашей части. Джека Попрыгунчика вы увели у нас из-под носа, и это могло бы обернуться для вас большим скандалом. Но я готов замять дело... Разумеется, в обмен на ваши услуги по раскрытию этого таинственного дела.

— А здесь все дела таинственные, — пробормотал Алекс. — Но подставлять шею придется все-таки нам?

— А вернувшись (если вернетесь...), вы составите подробный отчет, с которым я в свою очередь отчитаюсь перед своим начальством, не подвергая риску своих специалистов, — впервые улыбнулся он.

— Вот хмырь! — вырвалось у меня. Алекс предупреждающе наступил мне на ногу, но я же тихо! Пришлось в отместку наступить ему... Он стоически промолчал, в следующий раз наступлю сильнее.

— Мы навели справки о вашей группе. На фоне остальных она выглядит парадоксально мыслящей, но тем не менее добивающейся результатов. Вы не просто уничтожаете монстра, вы всегда пытаетесь понять его природу, в чем обогнали даже моих агентов, работавших с Попрыгунчиком. Ваша догадка насчет краски с отрицательным психокинетическим энергозарядом великолепна! И это за три дня, а ведь мои олухи находились в Лондоне не один месяц!

— Видимо, у ваших специалистов несколько иной уровень подготовки, — ровно заметил Алекс, а я хотела добавить, что, может быть, у них не такая уж ученая организация, но промолчала.

— Вот все материалы, которые мы успели собрать, здесь немного, но это проверенная информация. Ознакомьтесь и выезжайте как можно скорее. Лучше сегодня.

— Вэк?! — возмущенно вскинулась я.

— Прошу прощения? — не понял рыжий.

— Наш законный трехдневный отдых! — перевел кот.

Ученый тип смерил меня таким взглядом, словно рассчитывал, что я съезжусь и вымру, как самка мамонта. А мы втроем укоризненно обернулись к шефу — неужели он позволит распоряжаться нами этому наглому типу?

— Агенты примутся за ваше задание послезавтра утром. И так я вынужденно сокращаю их отдых на сутки. Прибавите его к вашему следующему отпуску, ребята, и беритесь за дело, нам не нужна конфронтация. В конце концов, без научного прогресса наша База существовала бы лишь на страницах фэнтезийных романчиков.

В коридоре, опомнившись, я начала кричать, жаловаться и топтать ногами. Ребята шли рядом, молча подталкивая меня в сторону столовой. Да, ждать от них поддержки бессмысленно, они еще ни разу не разделили со мной ни одну истерику, эгоисты! Пушок так и вовсе с довольным видом отметил, что все обошлось как нельзя лучше:

— Выговора нет, премии не лишили, в звании не понизили, со службы не уволили... Чего тебе еще надо, деточка?! Пойдем, отметим это дело двойным компотом! Кстати, кто-нибудь догадался зарезервировать наш завтрак — до обеда ноги протянешь.

— У тебя одно на уме — завтрак, обед и ужин...

— Неправда! — поднял хвост вверх котик.

— Ага, ну конечно, еще страстная египетская кошечка с непроизносимым именем!

Любовь-морковь, уси-пуси, джага-джага, и целуй меня везде, да?

— Молчи, несчастная! Ты никогда не была способна оценить всю глубину моих чувств и, смеясь, топтала мое сердце!

— Вы чего сцепились? — удивился командор. — Компоту на всех хватит!

Мы с Пусиком обалдело уставились на нашего боевого товарища, едва ли не одновременно покрутили пальцами у виска и, плюнув, шагнули в гостеприимную столовую.

Усевшись за любимым столиком, мы не сразу заметили, что за недолгое время нашего отсутствия атмосфера неуловимо изменилась. Все были какие-то настороженные, а пуще всех Синелиций — он даже не посмотрел в нашу сторону, хотя всегда приветственно помахивал половником, когда мы возвращались с очередной операции. Я открыто улыбнулась ему два раза, он не обратил внимания. Показалось, будто он за раздаточным столом занимает оборону с парой упырей-поварят, причем не очень-то надеясь на успех...

— Впечатление такое, что они ждут нападения толпы диких варваров, желающих взять с боем нашу кухню! — коротко хихикнула я и осеклась — откуда-то издали послышался неопределенный шум. — А вам не кажется, что к нам приближается конница?

Пусик поднял взгляд к потолку, пошевелил усами и опроверг:

— Нет, стук копыт звучит иначе. Скорее, похоже на топот пары сотен босых ног с намозоленными подошвами и нестриженными ногтями.

— И кто бы это мог быть? — Командор насмешливо посмотрел на остальных обитателей Базы, лихорадочно жмущихся к стенам. — Банда маленьких чингисханов?!

И тут оно началось... Воздух буквально взорвался дикими воплями и воинственными криками, а в столовую неумолимой волной хлынули хоббиты! Опрокидывая столы, размахивая кулаками и колотя каждого встречного-поперечного, они рванули к раздаче.

— Бей, Хоббитания-а-а!!!

— Что происходит, мальчики? — еле слышно пропищала я. — Вы сегодня особенно голодные?!

— Они всегда голодные, но такого себе не позволяли. Это же революция какая-то, — с умным видом заключил Алекс.

Я же во все глаза смотрела на происходящее...

Троих нападающих Синелиций успешно уложил половником, но два десятка мохноногих малышей уронили его на пол и принялись топтать. Обоих поварят завалили практически без сопротивления, а поскольку никто не попытался прекратить нарастающее безобразие, мы медленно встали из-за столика.

Вообще-то в столовой кроме нас было несколько гномов, две гаргульи и один карликовый тролль, но они дружно сбежали. Мы остались одни против превосходящих сил противника. Господи, что я говорю, ведь хоббиты наши друзья! По крайней мере были...

— Какая муха вас перекусала?! — с искренней заботой в голосе взревела я, хватая за уши двух молодцов, душивших Синелицега. — Нет чтобы побеседовать, сходить к психологу, все проблемы можно решить мирным, цивилизованным путем!

Полузатоптанных упырей-поварят Алекс с котом выкопали, расшвыряв по углам злобных полуросликов. Но остальные хоббиты поспешно хватали с лотков горстями пластмассовые ножи и вилки. «Вооруженные», они кинулись на нас с удвоенной агрессией! Не успела я и «мама» сказать, как сама упала спиной на стол раздачи, а бывшие друзья, навалившись со всех сторон, пытались содрать мое колечко.

— Алекс, спаси, погибаю!

Но надо мной нависло алчное лицо хоббита Федора, пытая пилившего мне палец. Нет, нож, конечно, пластмассовый, но он в зазубринках и все равно больно. Тем паче что терпения Федору не занимать...

— Мр-р-ряу-у! Брысь, шпана беспонтовая, загрызу, заем, зацарапаю! — гнусаво взвыл Профессор, изображая взбесившегося мартовского кота.

Видимо, какие-то мозги у нападающих все еще оставались, хоббиты невольно отпрянули.

Пушок церемонно протянул мне лапку, помогая подняться. Уф, колечко на месте... Но на пальце ссадина!

— Все, мое милосердие иссякло на корню, — мстительно выдохнула я, наподдав пинка коленом ближайшему хоббиту. Кажется, это был мой в недавнем прошлом добрый приятель Боббер, и что с ним стало?

Хоббит отлетел в угол и глядел на меня оттуда с такой озлобленностью, словно начисто позабыл обо всех вечерах, проведенных вдвоем за чашкой чая!

— А где Алекс?

— Когда на тебя разом наваливаются сразу три десятка сошедших с ума недомерков, перестает иметь значение, какой ты суперагент, — философски мурлыкнул котик, кивая на возвышающуюся неподалеку гору из хоббитов. В самом низу, вздрагивая, торчала нога командора...

— Бей, Хоббитания-а-а!

Так вот почему он не бросился меня спасать, как положено истинно любящему мужчине! Радость догадки тут же сменилась страхом, что мой любимый может запросто лишиться если не жизни, то каких-нибудь важных для совместной жизни частей тела.

Мы с котом бросились на выручку, но Алекс и сам уже, рыча, выкарабкивался из-под завалов. Схватив его за руку, я дернула изо всех сил и чуть не надорвалась! Синелиций, кинувшись мне помогать, сказал, что это все из-за него — вчера он отказался продать полурослика мешок муки. Бред несусветный, это же не причина для вооруженного мятежа?! Глядя на пораненный палец, я уже твердо знала, что столовый пластмассовый нож — тоже оружие!

Слава богу, в столовую подоспела помощь. Видимо, сбежавшие гномы все-таки оповестили начальство Базы. Грифон Рудик, биоробот Стив с огромным двуручным мечом, шестеро свободных агентов из других команд и даже Бэс. Хоббиты отступили, отчаянно вереща, тем не менее из столовой не ушли, грудью отстаивая бадью вишневого компота. Так или иначе свое они сегодня получают...

— Поздравляю, благословенные мои, с Попрыгунчиком вы справились, как никто! Операция — выше всяких похвал, все только об этом и говорят, — радостно сообщило довольное божество.

Я не успела сказать, как рада его видеть. Хоббиты перегруппировались, построились и, размахивая ножами и вилками, вновь пошли в атаку. Нет, ну в самом деле, что же тут происходит?!

— Грядет эра хоббитов! Кухня наша! Бей, Хоббитания!

— Ого, да тут, оказывается, еще и политика замешана... Серьезный случай, клиника, нужен доктор! — крикнул агент 013. Новая волна нападающих едва не накрыла нас с головой...

Но счастье всегда стоит на стороне героических суперагентов. В столовую вбежал шеф с дежурным врачом, возглавлявшим с десятков санитаров со шприцами наперевес.

— Колите их всех, не жалейте транквилизаторов! Все равно это старые запасы, через неделю срок годности истекает. Нам повезло, что мы успеем их применить, заодно и руку набьете.

Санитары, похоже, были из новеньких и возились долго. Хоббиты защищались, как полярные медведи, но в конце концов легли все...

Шеф, лихо сдвинув набекрень знаменитый красный колпак, подошел к нам, излучая благодушное спокойствие:

— Вчера я несколько удивился, когда хоббиты пришли ко мне целой делегацией и подали огромный список своих требований, который я должен был, видите ли, подписать. Они требовали отмены всех процедур в больнице, выдачи каждому по Кольцу Всевластья, свободного пропуска в Мордорскую зону, два десятка орков на отстрел плюс мифриловые бронежилеты. Кроме того, им понадобились слуги-китайцы, индийский чай в мешках и африканские слоны!

— Вэк... Слоны-то зачем?

— Не знаю, милочка, наверное, на котлеты... И главное, еще пятьдесят процентов акций нашей Базы, которых и в проекте никогда не было. Мы же не коммерческое предприятие, в самом деле! Ну и десяток других, не менее нелепых, требований...

Я с сочувствием глядела, как надевают смиренные рубашки на усыпленных хоббитов. Теперь они казались такими маленькими и беззащитными, словно не с ними мы только что валялись в рукопашной...

— А когда я вежливо сказал, что рассмотрю список на досуге, они взъярились, заявив, что их тут все обманывают и за людей не считают, в смысле за полноправных граждан. Дескать, терпеть такое больше не намерены, на днях узнали правду и готовы отстаивать свои права с оружием в руках. «Мы только с виду такие тихие и безответные, а на самом деле мы жестокие и отважные воители!» — вещали они. Представляете?

В общем, шеф дал задание секретарю через свои каналы выяснить, в чем дело. Оказалось, что коротышки достали из секретных архивов Базы распечатку двухтомника «Кольцо тьмы». А там, знаете ли, ТАКИЕ хоббиты — рубят всех без предисловий и опасны, как трезвые назгулы у косметолога. Не дай бог переборщить с белилами или румянами...

Так вот, начитавшись, парни огребли кучу комплексов и решили повторить славные подвиги предков. Черт, оказывается, не все книги одинаково полезны...

Оставшееся до вечера время прошло без эксцессов. Я навещала в стационаре Боббера и других, но к кровати Федора подходить опасалась — его болезнь лечению не поддавалась, протекая скачкообразно, и от него можно было ждать любых поворотов. На следующий день с утра мы, как всегда, засели в библиотеке за изучение материалов нового дела.

— Хм, не густо они накопили, — недовольно буркнула я, пролистав содержание тонкой папочки.

— Это типичная черта ученых — скрывать информацию, — откликнулся Алекс. Он был занят изучением геральдики ордена, никак не мог определиться, кем же ему быть: местным тевтонцем или заезжим тамплиером.

— А может быть, там поселилось нечто настолько таинственное, что даже исследования агентов-ученых ничего не дали? Ведь дело Попрыгунчика скорее было их неудачей, чем закономерностью.

— Да, деточка, скальпировать Лонгфелло тебе все-таки не позволили, — поправив очки, изрек Профессор. — Не будем гадать, займемся насущными проблемами. Итак, выношу на ваше обсуждение первоначальный план действий, документы, легенды, костюмы и антураж. Я изображаю кота...

Как уже было сказано, нам предстояло отправиться в Польшу четырнадцатого века, а точнее, в Мальборк — замок-резиденцию великих магистров ордена Госпиталя Пресвятой Девы Марии Дома Немецкого в Иерусалиме. То бишь Тевтонского ордена крестоносцев. Здоровенный такой замок, их тогдашняя столица.

Дела тевтонцев процветали, более того — это был рассвет могущества ордена. Сила, власть, богатство, обширные земли — все, что можно было взять мечом, они брали. Всадники с крестом на щите отбрасывали страшную тень, и кровь невинных всегда отмечала их след. До Грюнвальда оставалось еще лет пятьдесят, когда поляки, литовцы, русские и татары раз и навсегда сломают хребет тевтонскому рыцарству...

Но это все в будущем, а сейчас нас интересовало другое. Таинственные смерти в хорошо укрепленном, многоуровневом замке уносили из стройных белых рядов тех, кто стоял во главе организации. Исторический процесс должен идти своим путем, достаточно того, что в это так или иначе вмешиваемся мы. Если еще и монстры начнут вносить свои коррективы...

Итак, сначала погиб орденский казначей, спустя два дня верховный маршал, через неделю главный госпитальер и еще один заезжий комтур из провинции. Конечно, их тут же заменили «временно» исполняющими обязанности до созыва совета, но, как вы понимаете, это не выход...

— Братья подозревают друг друга и хотят до общего сбора найти заговорщиков. Ибо существует опасность ненароком избрать тех, которые как раз и расчищали себе дорогу на эти хлебные должности, — сообщил кот. — Даже великий магистр, или гроссмейстер Тевтонского ордена, всерьез боится, что вскоре доберутся и до него.

— А мне их совсем не жалко, как явствует из истории, это всего лишь банда высокомерных, жестоких, беспощадных завоевателей! Это неведомое существо-убийца только быстрее выгонит их из Мальборка, и Польше не надо будет терпеть унижения несколько лишних десятилетий.

Командор удивленно посмотрел на меня, позволив себе осуждающую улыбку:

— Милая, обычно тебе вроде не свойственна такая жестокость, ты ведь жалеешь всех без разбора. Крестоносцы — тоже люди, мы уж не говорим о гибнущих ученых...

Я показала ему язык и надулась. Меня здесь редко понимают и вечно выставляют в дурацком свете. Но я же добрая, я все всем прощаю... пока не придумаю, как отомстить! И ведь придумаю, не сомневайтесь...

Уже вечером заглянула в оранжерею полюбоваться на распустившиеся пионы-убийцы (с ядовитым ароматом, поэтому держали их в специальных стеклянных саркофагах), а на обратном пути встретила Стива. Судя по всему, он специально поджидал меня, горя желанием поговорить наедине. Вид у него был растерянный.

— Алина, это правда, что ты выходишь замуж за Алекса? — в лоб спросил он, не размениваясь на предисловия.

— Чистая правда, — призналась я. Ничуть не хотела расстраивать парня, но обмануть его тоже невозможно — сканирующий взгляд биоробота проникает до глубины души.

— Значит, у меня нет больше надежды?

— Хм, ну вообще-то да... В смысле нет! То есть надежды нет, это точно, но ведь мы можем остаться друзьями?!

Рвать с ним отношения навсегда — невыгодно. Он делает такие классные розы из металлического космического хлама! Я даже как-то подумывала о том, чтобы продавать их где-нибудь на углу — товар ходовой.

— Значит, мы как-нибудь сможем посидеть за компотом в столовой, обменяться валентинками, слетать на Альдебаран, обезвредить пару-другую шлопсов, как одна команда?

— Факт! — железно подтвердила я. — Всегда мечтала поохотиться на шлопсов. Правда, что у них шесть щупальцев, один глаз на животе, зубы в три ряда и шкура, не пробиваемая ничем, кроме титановой боеголовки?!

— Ага, — довольно разулыбался Стив. — Только не шесть, а четыре; глаза два, но один видит лишь в темноте; зубов нет, есть жевательные пластины, острые как лезвия; а шкура отлично режется бластером, хотя эффект от такой охоты гораздо ниже... А уж титановые боеголовки на арбалетных болтах обеспечат выход адреналина!

— Ты же робот, какой у тебя адреналин?

— Как, ты ничего не знаешь о химических реакциях биороботов?!

— Ой, я же тороплюсь, у нас кот приболел, — беззастенчиво соврала я, потому что лекциями на тему устройства собственного организма Стив может грузить часами. — С двадцати до двадцати двух ноль-ноль мое дежурство у его постели, кормлю с ложечки, пою из пипетки, подаю «утку», если просит... Нет, помогать не надо! Это мой святой долг перед напарником! Пока, увидимся, пиши, не забывай, целую, бегу...

Стив догадался передать привет больному, когда меня и след простыл. Я же поспешила к Алексу, надеясь вытащить и его полюбоваться пионами, но не застала. Дверь в его с котом комнату была не заперта, я сунула нос внутрь, забыв постучать, и в шоке застыла на пороге!

Моего возлюбленного в комнате не было, а на его кровати подпрыгивало какое-то странное существо, изо всех сил молотящее ни в чем не повинную подушку. Пух и перья так и мелькали в воздухе...

— Вэк...

Через до-о-олгую секунду я наконец осознала, что передо мной Пусик в огромных боксерских перчатках Алекса и маленьком кожаном шлеме изо всех сил работает кулачками, отрабатывая хуки и апперкоты.

— А-а... это ты, Алиночка. — Котик вылез из перчаток и, отдуваясь, вытер лапкой мокрый лоб. — Вот... решил позаниматься перед новым заданием, уф! Вернуть, так сказать, боевую форму, но не нашел груши подходящего размера... Пришлось приспособить подушку!

— Понятненько, — протянула я, сдувая пушинку с носа.

Агент 013 редко занимается в нашем тренажерном зале, но не от лени — просто тренажеров еще не придумали для котов. Пару раз видела, как он возится с килограммовыми гантелями или тягает эспандер. Как-то даже посадила его на турник. Правда, подтянуться он так и не сумел, но это было весело...

— Все занимаешься? — В комнату вошел Алекс. — У вас тут спарринг, я не помешал?.. Перья так и летают!

— Спарринг — это не от слова «спариваться»?! — вспыхнула я.

Любимый успокоил меня нежным поцелуем, а Профессор, скинув боксерский шлем, прокашлялся, привлекая наше внимание:

— Э-э, кхм, я тут поразмыслил на досуге, на каких легендах нам лучше остановиться. Так вот, наилучший вариант, если агент Алекс будет малоизвестным рыцарем ордена, вернувшимся из похода, а Алина пленной сарацинкой. Польша в те времена часто нанимала татар для охраны своих границ, среди них попадались и сарацины...

— Это что-то вроде пленной таджички? — прильнув к груди командора, нежно уточнила я. — Вы вечно делаете из меня рабыню, мне это уже начинает... нравиться!

— Не увлекайся, — сухо посоветовал Пушок. — Я проникну в замок инкогнито. Насколько нам известно, кошек с университетским образованием они там не видели, поэтому покорить гроссмейстера Альбана фон Сальца моим умом и врожденным обаянием будет нетрудно. Войдя к нему в доверие, я смогу постоянно находиться рядом с человеком, управляющим орденом. С верховным лицом, к которому стекается вся информация и с помощью которого, если понадобится, мы осуществим наши планы.

— Ты всерьез надеешься заставить его принимать то или иное решение? — недоверчиво прищурилась я. По-моему, кот слишком уж загордился и здорово отрывается от реальности.

— У меня есть свои способы воздействия, — высокопарно мурлыкнул Профессор, с хитрым блеском в глазах поглаживая усы.

...Утро отъезда настало невыносимо быстро. Хорошо хоть я успела вымыть голову и отоспаться впрок, ребята выглядели как огурчики, а мне опять захотелось в отпуск. Эх, где же вы, чудные деньки в индейском лагере на девственной земле Америки... Но зарплата идет, работать надо, поехали!

В гардеробной, облачившись в скромное платье обездоленной сарацинки, я с некоторой завистью наблюдала за сборами Алекса. И почему всегда так: ему достается роль угнетателя, а я вечно играю роль пленной иноземки?! Сейчас выступать поздно, но на будущее эту традицию пора ломать, а то действительно войду во вкус... Жаль только, что в этом несправедливом патриархальном мире мне вряд ли придется когда-нибудь брать Алекса в плен. Разве после свадьбы...

— И кто все эти доспехи потащит? По идее у тебя оруженосец должен быть с двумя чемоданами, — язвительно заметила я, глядя на дорожную немецкую броню искусной работы, кучу всяких железных причиндалов, ремешков, цепочек, веде́рный шлем, шпоры звездочками да еще плотный белый плащ с капюшоном. И это все ему! За что, чем он заслужил?

— Ты будешь за оруженосца, — спокойно отвечивал командор, поправляя рукава бархатного, расшитого золотом кафтана.

— Чего, чего, чего? Я пленница или грузчик?!

— Не заводись, просто мои доспехи повезет твоя лошадь. Я ведь как-никак знатный рыцарь, на моем коне никаких сумок и баулов быть не должно, — поспешил объяснить он, видя огненный блеск в моих глазах. — Вот меч, он должен быть на поясе, это да. А все прочее оружие, дары для церкви, одеяла походные, кастрюли, ложки, половники, ну и провизия, это уже у тебя...

— Угу, а поверх горы этого барахла я! Да какая лошадь (не говоря уже о женщине) такое выдержит?

— Алиночка, в те времена боевые кони рыцарей выдерживали собственные доспехи весом от сорока килограммов плюс седок килограммов на восемьдесят, облаченный в двадцатикилограммовые доспехи. Кстати, может, для тебя лучше ослика нанять? На две лошади я не рассчитывал, слишком дорого.

— В смысле нам опять урезали командировочные? — нахмурилась я, попытавшись отнять у кота бархатный кошелечек с деньгами, но у него отнимешь, как же... Поэтому он у нас казначеем и числится, правда, самоназначенным. Ладно, но уж если ослик, то два! На одного столько не нагрузишь, а я пешкодралом тоже топать не намерена.

Глава 3

Перенесясь сквозь века и измерения, мы выгрузились близ одной из деревушек, купили здоровенного тяжеловоза для Алекса и ослика женского пола. Против покупки второго котик уперся всеми четырьмя лапами!

Невдалеке блестела река, а на ее живописном берегу возвышалось огромное замковое укрепление из красного кирпича. Было начало осени, зеленая трава и листья на деревьях уже чуть отливали желтизной. Я не ожидала, что оплот Тевтонского ордена будет выглядеть так мирно и так привлекательно. Башенки, стены, стрельчатые окна — просто сказка какая-то.

Внутри должен быть король с женой-ведьмой и дочерью, которая по выбору или храпит сто лет, или превращается в лебедя, или же, отбывая повинность, скучает в самой высокой башне замка, отрашивая волосы в ожидании... В ожидании, когда же они наконец вырастут! А то у слоняющихся под башней принцев никакого терпения не хватит, и, послонявшись какое-то время, они отбывают на поиски другой принцессы, у которой или башня пониже, или волосы подлиннее.

Замечтавшись, я не сразу обратила внимание на скачущих по мосту рыцарей в белых плащах с огромными черепами и крестами на груди. Так вот они какие, орденские «братья», подвергающиеся насилию со стороны неведомого существа! Да такие типы сами кого хочешь насилию подвергнут, надо обладать недюжинной храбростью, чтобы встать им поперек дороги. Я испытала внутреннюю гордость за своих предков...

Время было тревожное, и хотя Тринадцатилетняя война еще не наступила, опытные крестоносцы ее предчувствовали. Об этом им регулярно напоминали крестьяне из близлежащих деревень, которые каждое воскресенье, возвращаясь из церкви, «обстреливали» стены замка гнилой редькой и свеклой. Народ искренне расстраивался, что высокий замок, где сейчас заседал и проживал великий магистр, находится вне досягаемости их «оружия протеста». Держу пари, при постройке руководивший работами прораб позаботился об этом заранее...

— Стой, клянусь именем ордена! Как тибэ зовут, рыцарь? — с каким-то очень знакомым акцентом произнес смуглый стражник. — И за каким делом, чито забил в наш замке?

— Я — благородный рыцарь Ансельм фон Ютингем, — нахмурившись, представился командор.

Это имя я сама ему выбрала, согласитесь, Ансельм как-то ласкает слух. Правда, Алекса оно сильно раздражало, и только ради меня он согласился носить такое «женственное» имя...

— Я возвращаюсь из похода против неверных, решил поправить здоровье в родном

лазарете.

— А эта кито? — Стражник, одобрительно цокнув языком, уставился на меня.

— Пленная сарацинка, моя рабыня.

Я держала за узду неулыбчивую ослицу. На ее многострадальной спине возвышалась гора рыцарского скарба, а сверху, пытаясь сохранить равновесие, балансировал кот. На морде бедняжки было написано такое укоризненно-обреченное выражение, что я хотела скинуть кота в речку, еще когда мы проходили через мост, как самый тяжелый и ненужный груз. Жизнь ослицы от этого стала бы намного легче и светлее...

— Никада такуй карасивый не видел... Иди давай, — через силу отводя взгляд, разрешил стражник.

Обыскивать нас он не решился, хотя обыскать явно хотелось. Людям тоже надо что-то кушать, как-то зарабатывать себе на хлеб с маслом. Таможня одинакова во все времена...

— Э-э, слуший, у тибэ нет случайно какой-нибудь книжк про любовь? Верну сразу, как пачитаю, — попросил другой охранник.

Узнав, что книг мы не везем, он немножко расстроился и махнул рукой в железной рукавице, чтобы нам открыли огромные решетчатые ворота.

— Слушай, Алекс, это же явные хачики с базара! — шепотом сказала я.

— Это турки, — не оборачиваясь, поправил он. — Наемный труд на благо ордена.

— А почему тогда одеты, как тевтонцы? Ведь наемники обычно носили национальные доспехи, чтобы их различали, а их фронтовые успехи не причислили кому-то другому.

— У крестоносцев сильно развито самосознание, проще говоря, они слишком кичливы и горды! Это главные ворота столицы церковного ордена, или христианской святыни, а охраняют их переодетые мусульмане.

— Но почему? — опять не поняла я.

— Да просто людей не хватает, а местные под пулеметом, то есть арбалетом, охранять орден не станут. Вот и приходится турок да татар в орденскую форму одевать — необходимость, ставшая традицией.

Мы шли по довольно длинному коридору под оборонительными стенами, подождали, когда очередные стражники поднимут еще одни ворота, состоящие из огромных кольев. Меня вся эта средневековая атрибутика и ужасала и восхищала одновременно.

Честное слово, ходишь как будто в музей, но с полным воссозданием естественных условий жизни. Впереди открылась площадь с выходом к Среднему и Верхнему замкам, здесь, похоже, была хозяйственная часть Мальборка. Толкался народ, полно всякой живности, я увидела конюшню, коровник, курятник. Здесь же работали кузнецы, гончары и пекари, к амбарам подвозили телеги с мукой. Какой-то монах сверял накладную, пересчитывая мешки. На нас, конечно, обратили внимание, особенно на меня, похоже, с женским полом здесь действительно туговато.

Сонный кот медленно сполз с поклажи. Потянулся, демонстративно задрал хвост, незаметно обзорева местность.

— Четыре склада с оружием и воинским снаряжением, одна мастерская по починке кольчуг и лат, кухня, общая трапезная, фирменный колодец госпитальеров, — быстро перечислил он.

— Вон еще одна, по изготовлению конских доспехов, — вполголоса дополнил Алекс, указывая на дверь длинного кирпичного сарая в самом углу двора.

Оттуда донеслось возмущенное ржание и чей-то крик:

— Опять ты ей прорезь для хвоста слишком узкую оставил, не пролазит!

Двое мужчин вывели явно замученную лошадь в железных доспехах — шестая примерка за день, не меньше! Один, уперев ногу коняшке в круп, тянул к себе ошипанный и разлохматившийся хвост. Другой, с молотком в руках — судя по всему, оружейник, — отчаянно колотил по доспехам в районе лошадиных ребер, устраняя недоделки прямо на модели.

Не в силах наслаждаться зрелищем этого идиотизма, я поспешила к перекидному

мосту, ведущему в Верхний замок. Алекс вынужденно поехал за мной, ему надлежало отметить у руководства тевтонского рыцарства (план замка мы изучили заранее).

Самый большой кирпичный замок мира был не только мощный, но и весьма запутанный по внутренним дворикам и переходам из одного внутреннего замка в другой.

— И зачем только вы склады с оружием считаете, нам же не сражаться с ними. Мы же не шпионы противника и не диверсанты.

— Привычка, — вздохнули кот с Алексом, я удивленно покосилась на них. Видно, не все их «белоснежное» прошлое мне известно.

— Эй, благородный рыцарь, не нужен ли вам секретарь? Я искусный переписчик Мартин Чернильная Душа, так меня все называют... — Какой-то недокормленный паренек вцепился в пыльный сапог командора.

— Где я могу поставить боевого коня? — ни к кому не обращаясь, высокомерно протянул мой любимый.

— Я покажу, господин! Я ведь уже могу называть вас своим господином?! — Парнишка поправил подвешенную к поясу чернильницу и подхватил коня под уздцы.

— Зачем ты мне? У меня уже есть служанка...

— Так ведь... она всего лишь женщина! А я могу и коня вашего чистить, и доспехи полировать, и письма писать, я все-все умею. Возьмите задешево!

— Задешево — это сколько?

Конюшня оказалась рядом, нам выделили место, не взяв ни гроша, думаю, представительная внешность Алекса сыграла здесь ведущую роль.

— В принципе, если будет работать за харчи, можно взять. Пусть битюга твоего чистит и мою ослицу заодно, тебе же нельзя по статусу, — шепнула я на ухо Алексу.

— Вообще, я в этом смысле на тебя рассчитывал...

— Ага, разбежался... Прими добрый совет и не доводи меня до революций! — рассердилась я, но, нежно прижавшись к нему, успокоилась. — Прости...

— Это ты меня прости. Как всякий средневековый феодал, я уже обрадовался, что ты принадлежишь мне без остатка, — улыбнулся любимый, его губы тихо коснулись моих волос.

— Ах ты собственник, значит, всерьез считаешь, что после свадьбы я стану твоей рабыней?! — жарко зашептала я. — Нет, со стиркой-уборкой отпираться не стану, но готовить будем по очереди, а вынос мусора — исключительно твой!

Кот с Мартином терпеливо ждали окончания наших разборок. Паренек, купившись на умильную внешность Пусика, по-детски присел на корточки его погладить. Естественно, агент 013, внимательно наблюдавший за нами, резко шлепнул его по руке, чтоб не мешал.

— Ай! Он меня оцарапал!

— Это самумский бойцовый кот, сарацины натаскивают их на добывание смертельно раненных христианских рыцарей.

— О-о-о... а когти у него не ядовитые?

— Сегодня вроде бы нет, — пожал плечами командор. — Ладно, я возьму тебя на службу. Делать — все, плата — по настроению, выходной — каждое второе воскресенье каждого третьего месяца каждого четвертого года.

— Ого! Еще и выходной! — С радостным криком Мартин взбрыкнул в воздухе ногами и вскинул вверх сжатую в кулак руку в знак победы.

Шустрый паренек. Может, он нам и вправду пригодится? Если покажет себя верным малым, мы из него связного сделаем, на случай если нам троим придетсяделиться. Мои мысли оказались пророческими, ноделиться нам пришлось гораздо раньше, чем я ожидала.

На очередном мосту опять стояли мусульманские стражники. Опустив копья, они виновато поклонились Алексу, но дорогу нам загородили:

— Ай, нельзя с женщина сюда, балшой грех будет... Епитимий наложат, поругают, казнить могут обязатылна.

— Это правда, — обернулся наш новый работник. — Раньше пускали, а теперь нет. Хотя, по-моему, зря! Была бы еще княжна какая, а то ведь так, рабыня...

Вот наглец! А я еще способствовала его трудоустройству. Уволю завтра же, и пусть только Алекс попробует мне отказать! Беззаботно не замечая моего испепеляющего взгляда, Мартин уже что-то показывал командору:

— Вон, вон, видите барельеф над воротами — «Рыцарь на коне»? Это как раз и указывает, что входить могут только лица мужского пола.

— Тогда уж вход только для рыцарей, а особо умные писаришки ночуют за дверями, — съязвила я, но вовремя прикусила язык. Чуть всю легенду не завалила... Однако долгого молчания я тоже не вытерплю, надо что-то придумывать.

Алекс после минутного размышления потянулся за кошельком, но стражники с явным сожалением отвели глаза.

— Мы честный стражник, еще мала-мала жить хотым, — признался один, другие закивали.

Алекс вздохнул, наклонился ко мне и тихо прошептал:

— Я не могу тебя тут оставить, пойдем в Средний замок. Дары я им и потом отдать успею. Агент 013, дальше работаешь сам!

Пока парнишка, раззявив рот, считал ворон, Профессор дунул через мост между ног стражи. Правда, наш умник Мартин не вовремя крикнул:

— А кот побежал туда! — указывая на ворота.

Стражники немного всполошились, но кот — это не крыса, эвакуированная из погибшего от чумы города, и уж никак не неприятельский лазутчик. Так что проблем никаких, в погоню никто не бросился...

— Ладно, едем. — Командор решительно развернул коня.

— Вы что, не помолитесь с дороги в костеле Святой Девы Марии?! Все прибывшие первым делом туда идут, — опять не ко времени влез Мартин.

Стражники зашептались, выжидательно уставившись на Алекса, похоже, насчет отсутствия проблем я поторопилась...

— Мальчик, если ты еще раз посмеешь меня учить, то получишь плетей!

— Я просто спросил... Думал, может, вы забыли, что костел находится в Верхнем замке, а в Среднем помолиться негде. Одна часовня Святого Варфоломея, но она сейчас на ремонте... Как же вам без молитвы?

— Тебя не спросили! — вспыхнул Алекс, но, опомнившись, понизил тон: — Помолюсь попозже, боевые раны заставляют меня скорее спешить в госпиталь. Надеюсь, что странствующих рыцарей там кормят бесплатно?

— В последнее время все больше картофельной ботвой да кормовой свеклой, — быстро сообщил юный писарь.

— Чем?! Кажется, раны больше не ноют, пойду-ка я лучше к братьям, побеседую, как тут и что. Давненько не был в родном Мальборке, заморские странствия отнимают кучу времени.

Мы беспрепятственно выбрались во двор Среднего замка, но там на нас начали коситься монахи. Один подозвал к себе Мартина и что-то ему зашептал, укоризненно тыча пальцем то в меня, то в Алекса.

— Что им нужно? — высокомерно выгнул бровь мой любимый.

— Говорят, женщинам сюда тоже нельзя, но...

— Что значит «но»?

— Открыто нельзя. Тайно, по вечерам, за определенную плату вашу рабыню вполне можно провести. Платить надо вон тому главному монаху, — громко доложил Мартин, показывая на толстого священника.

Бедняга отчаянно пытался сохранить значимый вид, притворяясь, что он тут ни при чем. Хотя, чтобы не перепутали те, кому нужно знать, что это он при чем, а не кто-то другой (я совсем запуталась, но вы поняли...), монах пару раз подмигнул нам.

— Ничего не поделаешь, судьба против нас, — вздохнул Алекс. — Мне придется найти тебе временное пристанище где-нибудь в хозяйственных постройках.

— Вэк?! Ахмахан сих мада! Кирэмаха!

— Вижу, тебе это не нравится, о привыкшая к роскоши дочь Востока?

— Что вы с ней церемонитесь, господин, пусть спит под телегой!

— Ах, синэ мамарджан! — возмутилась я, от души давая подзатыльник наглецу.

Теперь, когда у меня прорезался голос, я чувствовала себя гораздо увереннее и могла распускать руки. Парнишка ойкнул и полез мстить, он бы получил сполна, но монахи резво взяли меня в кольцо.

Потом, всей толпой, вежливо, под локоточки, сопроводили на постоянный двор. Ни брыкания, ни ругань не помогли, вырваться не удалось. Неспешно подъехавший Алекс расплачивался с хозяином, довольный Мартин продолжал меня поучать:

— Тебе здорово повезло, сарацинка! Твой господин очень щедрый и снимает для тебя комнату на постоялом дворе. Никто из рыцарей так бы не поступил, рабы и пленники должны спать в грязи, на скотном дворе или... Ой, хватит драться, а?!

Ногой я до него все-таки дотянулась... Хотя и зря, вдруг кто-нибудь догадается, что, раз дерусь, значит, понимаю их речь?! Но мальчишка этот ничем не прошибаемый, скоро я действительно махну на него рукой... или убью! Второе ближе...

Алекс поехал отмечаться в госпиталь, а я с тоской оглядела свои апартаменты. Комнатка была грязной, предназначалась для простого люда, снабжавшего Мальборк провиантом и всем необходимым. Впрочем, народ здесь был непривередливый и за ночлег платил охотно. Для более знатных гостей в Среднем замке была куча гостевых палат, а мне досталась классическая клетушка с клопами, которые напряженно ждали, когда я лягу, чтобы начать пировать.

На маленькой кухне мне дали бигос — национальное мясное блюдо польских охотников. Я даже посмеивалась вначале: что это там Мартин плел про картофельную ботву? Потом обнаружила, что сухожилия какие-то подозрительные, соус пахнет дегтем, да и капуста больше похожа на заячью...

Через часик уже соскучилась и вышла во двор, в надежде, что Алекс увидит меня из окошка замка и прибежит обнять. Угу, как же... Котик тоже не появлялся, видимо, наш пушистый лазутчик трудится активней всех.

Я вдруг вспомнила, что в Средневековые кошек считали «ведьмовским отродьем», верными помощниками для занятий черной магией, и впервые испугалась за его шкурку! Других котов здесь не было, может, их всех уже сожгли, утопили, закопали живьем?! Какой ужас...

Я стала лихорадочно настраивать микрофон, чтобы выйти с Толстуном на связь, просто удостовериться, что с ним все в порядке. Микрофон молчал, как командир партизанского отряда... Вскоре я забыла о котике, разговарившись с каким-то крестьянином о видах на урожай.

— Совсем цены в этом году упали, даже навоз не окупается.

— Киркилик, марджяб фикалу? Вах, вах, вах...

— Нет, конечно, свой, не покупной. Но вот если б этот навоз продать, как делают франки, в Голландию. Тамошние оранжерейщики, которые цветы в горшках выращивают, хорошо за него платят.

— Вай, мин дармия нух бастурма!

— Да уж, а то и так голодать приходится, а за землю вовремя платить надобно. Одни поборы! — Здесь мужик перешел на шепот: — Эти тевтонцы у нас уже вот где! Им бы только война, а мы все платим, платим, платим...

— Виссабух минди тама!

— Да почитай задарма мы им провизию поставляем! Это ж большей частью оброк, никуда не денешься. Ну ничего, Бог им какую-то холеру послал! Говорят, мрут их новые предводители, как мухи, смертью страшной...

— А что это за смерть, ой! Увлелась... В смысле мистифику байда мусарма кирдык?

— Нет, не знаю, да и никто не знает, хотя все об этом только и говорят. Вроде бы какого-то демона ихний магистр вызывал, чтобы против поляков помог новую армию набрать. А он у них на свободу вырвался и мстит теперь тем, из-за кого в пекло вернуться не может...

Ну что ж, это тоже вполне рабочая версия. Зря мои агенты так легко отказываются от общения с простым народом. Как видите, языковые барьеры не помеха, а информации я получила полную корзинку. Причем совершенно бесплатно и не возбуждая подозрений! Кому придет в голову подозревать пленную сарацинку, не владеющую языком, но умеющую так ненавязчиво расположить к разговору...

Потом я еще раз попыталась выйти на связь с котом, и удачно, он только шикнул, что я мешаю, поговорим попозже. Ну что еще... Послониалась по двору, поужинала, легла на свой драный тюфяк и оглянуться не успела, как заснула. Клобы только-только расселись на мне, толкаясь из-за самых вкусных мест, когда меня бесцеремонно разбудили два монаха.

— Это и есть сарацинка? Одета как-то чудно, в штаны да рубаху... А эти бусы из монет настоящие? В другой раз, ей-богу, на память заберу, сейчас некогда... Тащи колдунью, велено привести ее как можно скорее!

— Эй, баста хамы, бармаглы откудыр исям! — возмутилась я, но это остановило их только на мгновение.

Подивившись моей тарабарщине, они схватили меня за руки и за ноги и потащили вон из комнаты. О аллах! Что тут, всегда так с женщинами обращаются?! Второй раз за сегодняшний день — такие нравы мне не по нраву!

Я кричала и вырывалась, пиналась и пихалась, пробовала кусаться, кого-то здорово расцарапала, но к ним пришла помощь. Эх, а ребята и не знают, что меня схватили грязные монахи и волокут в подвалы, чтобы пытать! Ясное дело, «ведьминскую дурь» выбивать будут, раз сарацинка, значит, колдунья, однозначно!

Меня протащили по мосту, потом по лестнице куда-то наверх, вправо по галерее с красивой мозаикой на полу. Это я чисто по-женски отметила сразу... Пару раз удавалось вырываться, но монахи были опытные, ловили меня быстро. Наконец затолкнули в какую-то комнату, захлопнули следом дверь и, хихикая, удалились.

— Алина? Ну наконец-то. — Из-за стола поднялся чуточку недоумевающий командор. — Я посылал за тобой, что ты так долго?

Ах вот как... Значит, это он за мной посылал, изверг! Я хотела тут же развернуться и уйти в знак протеста, но, подумав, остановилась. Здесь, знаете ли, гораздо уютнее, чем в моей клетушке на постоялом дворе...

Панели темные дубовые с орнаментом, везде ковры, большущая кровать под балдахином, столик с резными ножками, горящий очаг. Да, давно прошли те времена, когда тевтонцы дали обет бедности. Эта комната чем-то напоминала спальню в замке Моррисвиль в Шотландии, там у нас с Алексом впервые был романтический ужин.

Только сейчас заметив на столике фрукты в вазе, серебряный кувшин и два дымящихся блюда с чем-то вкусно пахнущим, я решила, что обида мелочная и стоит остаться. Все это время Алекс терпеливо ждал, что ему свойственно. Он был в рубашке из тонкой белой ткани, бархатных штанах и домашних тапочках. Уютный и домашний до невозможности, вот бы броситься на него с разбега!

— Прости, любимая, я хотел, как лучше... Заплатил и послал за тобой монахов, на кухне заказав нам ужин. Все свежее, мясное, из натуральных продуктов. В монастыре сейчас пост, но тут его никто не соблюдает, кроме брата Расмуса, у него язва желудка, ему вообще ничего нельзя.

Похоже, у Алекса была куча новых впечатлений, которыми он хотел со мной поделиться. Пусть выговорится, я набросилась на рагу, хоть и ужинала бигосом, но это было целых три часа назад. Кажется, кое-что от Толстика и мне стало передаваться... Кстати, про него Алекс сказал, что он всю хозяйничает в покоях грессмейстера и они даже ванну

принимают вместе.

— Вчера похоронили комтура, это уже шестая жертва! Говорят, на отпевании кто-то был под сводами костела, потом оказалось, что собака на крыше сидела и слезть не могла, а тут альбатросы...

— Как это собака попала на крышу?!

— Хороший вопрос... Ее как будто забросила неведомая сила, сама залезть не могла бы, там не всякий альпинист справится.

— А при чем тут альбатросы?

— Символ госпитальеров! Ты не поверишь, но здесь уже не меньше десяти лет живет один альбатрос. Второй появился лет пять назад, оба поселились в голубятне, ловили рыбу в местной речке, в общем, они дико раскричались, когда хоронили комтура. Люди усматривают в этом дурной знак...

— Алекс, я тебя люблю!

Он мгновенно заткнулся и молча притянул меня к себе, как будто только этого и ждал. Счастье — вот оно! Но я сурово ограничила его пыл поцелуями и объятиями, остальное — после свадьбы. Самой хочется, но я девушка строгого воспитания...

Потом мы еще час поболтали, я уснула, положив голову ему на грудь и обняв, чтобы никуда не убежал. Это не собственничество, просто нам так редко удается побыть вместе, без кота. Сегодня вообще наша первая ночь, когда мы только вдвоем. И это так чудесно, оказывается...

Агент 013 разбудил меня, потребив за рукав, в окошко едва пробивался рассвет. Алекс уже встал, его подняли первым.

— Ну сплю, сплю... Чего надо? — недовольно буркнула я, с головой ныряя под толстое одеяло. Но неумолимая мордочка Профессора явно показывала, что моим снам — каюк, дело не ждет.

— Вставай, милочка! Произошло новое покушение! Бежать никуда не надо, я уже осмотрел место преступления. Напали на некоего брата Расмуса, примерно пару часов назад. Я предпочел задержаться и послушать, кто что говорит на этот счет, куда ведут свежие следы, какую информацию можно выявить дедуктивным методом.

— Ну и как, выявил что-нибудь? — с живейшим интересом спросил Алекс.

— Разумеется, но расскажу чуть позже. На дворе почти светло, Алиночке пора уходить, если ее обнаружат здесь днем, нам не поздоровится. Это крайне аморально!

— А нельзя без лекций о нравственности? — проворчала я, резко садясь на кровати.

— Я рассуждаю исключительно с лицемерной точки зрения здешних монахов, — невозмутимо отозвался кот, выпроваживая меня за дверь. — Пока братья дружно пытаются замолить былые грехи, у тебя есть пять минут, чтобы добраться до постоянного двора.

Но я уперлась. Не уйду, пока не услышу все!

— Я по-прежнему участвую в деле или вы меня исключили, тогда по какому праву, интересно?! Опять всплеск грубого мужского шовинизма!

Мурзик вздохнул, зная, что спорить со мной бессмысленно, и коротко рассказал следующее. В полночь брат Расмус захотел выйти в туалет, а из келий туда идти далековато. Это самое место находилось в башне, куда вел узкий коридор в шестьдесят два метра. Представляете, сколько пилить?! Конечно, большинство монахов просто не доходили, делая свои дела в уголках галереи, но брат Расмус был сознательным.

Он шел и шел, пока что-то резко не ударило в живот. Падая, он успел заметить черную тень на стене. Встал, оглянулся — никого, второй удар пришелся в голову. Следов насилия на теле нет, все это с его собственных слов, да и сам престарелый монах с мистическим ужасом уверяет, что удары наносились не извне, боль пронзала изнутри. Причем такая, что он потерял сознание...

Брат Шварц шел из другого крыла, по тем же самым делам. Мимо него тоже пронеслась человеческая тень, после чего он увидел распростертого на полу брата Расмуса. Возможно, появление Шварца и отпугнуло это существо, которое узрел еще один очевидец

— сам магистр фон Сальца, но что он там делал, неизвестно, потому что у него не спросишь. Тем более подозрительно, ведь магистр, имея в своем пользовании золотой горшок, в туалет по ночам не выходит. Почему же он ошивался рядом?

Прежние нападения происходили в самых разных местах замка, так что дерьмо-демона к делу не привяжешь. Чем связаны между собой все жертвы? Ведь до сегодняшнего дня это были исключительно первые лица ордена, а брат Расмус хоть и является одним из старейших и уважаемых монахов, должности выше, чем дежурный по северному крылу, никогда не занимал. Сплошные загадки, блуждания во тьме предположений...

— Он выжил, поэтому его можно не относить к общему списку. А может быть, его просто перепутали с прогуливающимся неподалеку магистром? — предположила я.

— Вполне возможно, — задумчиво согласился Алекс. — К тому же они очень похожи внешне. Практически близнецы, если не считать, что фон Сальца выше Расмуса сантиметров на тридцать, толще раза в два и одевается не в пример богаче.

— Ах какие мы остроумные! Но у тебя вообще никаких версий нет, — недовольно проворчала я. Уходить не хотелось, ведь они тут останутся с увлечением обсуждать дело и строить предположения, а мне остается сидеть в своем клоповнике до завтрака.

Но Пушок примиряющее сказал, что ему тоже пора — скоро состоится экстренный совет ордена по поводу всех этих нападений, где ему надо непременно присутствовать. И, кстати, агенту Алексу тоже!

Я с удивлением посмотрела на командора — это кота я привыкла считать пробивным, умеющим мгновенно втираться в доверие, но Алекс-то куда лезет?

— Им очень понравились наши дары. К тому же фамилию фон Ютингем носил один из самых уважаемых братьев, геройски погибший на Святой земле. Сарацины привязали его к мачте, оставив умирать без воды и пищи, а для усиления мучений крестоносца еще и специально раскачивали парусник, не поленившись полезть в воду. Все равно стояли у берега и особых развлечений не было...

— А где же героизм? — полюбопытствовала я уже на выходе, ласково выпихиваемая Алексом.

— Ютингем в одиночку проник на этот парусник, везший продукты для сарацинской армии, и пытался его угнать. Тевтонцы говорят, что ради своих голодающих товарищей, но скорее всего это была обычная грабительская акция.

— Эй, а ты когда за мной придешь?

— Скоро! Я только поприсутствую на совете и сразу приду. Если хочешь прослушать заседание — я настрою свой микрофон на передачу.

Как оказалась во дворе, не помню — заболтали... Я шла себе и думала, что этому пора положить конец, так дело не пойдет. Все самое интересное происходит и будет происходить в Верхнем и Среднем замках, а мне так и предстоит просидеть всю операцию в занюханном подворье, день изо дня слушая мычание коров и жалобное ржание лошадей, которым примеряют доспехи.

Может, плюнуть на всех и пойти на дело, переодевшись монахом? Я присела на край крестьянской телеги, строя коварные планы, как вдруг передо мной возник Мартин Чернильная Душа.

— Здравствуй, несвободная женщина! Не хочешь ли сама покормить свою ослицу? А то я уже устал чистить коня нашего господина да подсыпать ему овес. Все съедает подчистую, бестия, да еще ржет так жалобно, словно его голодом морят. Ну не злодей ли?!

— На себя посмотри, тунеядец! Урумда килды али бахрам, э?

— А-а, — вытаращился он. — Так ты умеешь говорить по-нашему?

Я вздохнула, черт, опять в пролете... Ладно, будем выкручиваться по ходу, все равно он догадается, а так хоть поручения смогу ему давать.

— Ай-я, какой весь мальчишка умный! Да, мало-мало выучила ваш бла-бла язык такой. — Я старательно пыталась копировать акцент стражников-мусульман. — Только плохо пока, но весь день учу, чтоб сказать, чито хозяин Ансельм велел.

— А что он велел? Я его со вчерашнего вечера не видел, — огляделся Мартин. — Я все время был тут, только позовите! Спал на конюшне, ничего не украл...

— И на том спасибо, словоохотливый мой. Но слушай приказ хозяина — мою ослицу мыть два раза в день, с мылом! Овса ей давать в первую очередь, не беда, если для коня не останется, он наелся на два дня вперед. И не забудь расчесать гриву, а на хвост привязать симпатичный бантик!

— Будет сделано! — Слыша, с какой скоростью я успешно «овладеваю языком», паренек окончательно меня зауважал.

— Да, и найди-ка мне монашеское одеяние по размеру, — крикнула я ему вдогонку. — Только поновее — грязное или бэушное даже не приноси.

— Ага, э-э... как быстро вы... ты то есть, нашу речь выучила!

— Точно, прямо у тебя на глазах! Языковая практика прямого общения с аборигенами — вот что важно, — снисходительно пояснила я, удовлетворенно глядя, как резво он бросился выполнять задания. Потянулась, зевнула и пошла на кухню, в надежде, что там уже кормят завтраком.

Несмотря на раннее по моим меркам время суток, площадь меж двух замков быстро наполнялась народом. Монахи, торговцы, крестьяне, стражники, рыцари — кого там только не было... Кроме женщин, разумеется!

Подкрепившись, пошла провести свою ослицу — перед ней была насыпана большая горка овса. Она, видимо, уже полчаса не могла с ней справиться, но упорно ела, не зная, когда еще на голову свалится столько счастья! Через стойло от нее, у пустой кормушки, стоял конь Алекса, с ненавистью глядя на более удачливую спутницу.

— А, вот ты где! Я достал рясу, снял с веревки, где она сушилась, совсем новая!

— В смысле украл?! Ай-яй-яй, какой молодец, — искренне похвалила я. — Сэкономил деньги хозяина!

— Вот еще четки и распятие, прямо из монастырской мастерской. — Довольный Мартин передал мне балахон с капюшоном и сопутствующие аксессуары.

Я от души его поблагодарила и велела никому не говорить.

— Понимаю, вы насчет меня не сомневайтесь. Я-то вижу, что ты с хозяином в этом замке не просто так, — жарким шепотом признался он. — Господин Ансельм не немец и ты не сарацинка — вы оба поляки и наверняка шпионы! Я с вами, ведь я тоже чистокровный поляк и ненавижу крестоносцев!

Мальчик был так увлечен, что я не захотела его разочаровывать. Поэтому надула щеки, заговорщицки приложила палец к губам и важно кивнула...

Переодевалась в конюшне, сарацинское платье спрятала в стойле благородной ослицы. Настроила микрофончик — заседание, похоже, было в полном разгаре. Ряса под мышками не жала, главное, чтобы подол по земле не волочился, для этого я подтянула пояс повыше, как следует затянув веревку. Когда вышла из конюшни, то сразу обратила внимание на Мартина, что-то старательно выводившего пером на пергаменте, я подошла сзади и заглянула ему через плечо.

— Эй, ты случайно не донос строчишь? Шутка!

Он попытался прикрыть руками написанное, но в итоге опрокинул чернильницу, отчего страшно расстроился.

— Нет, женщина. Это я переписываю, а ты все испортила, знаешь, сколько стоят хорошие чернила?!

— А откуда переписываешь, что-то первоисточника не видно.

— Это не важно, текст записан у меня в голове! Я много поэм и романов знаю наизусть. «Видение о Петре-ключнике и новой отмычке» — мое любимое, его и переписываю, — соврал он, но под моим непреклонным взглядом вынужденно сознался: — Ладно, это для нашего общего дела... Я давно хотел вступить в повстанческую армию, да не берут по малолетству. Вы с хозяином вряд ли умеете писать, это не каждому дано, вот я и буду вашим шифровальщиком. Нашифрую все отчеты, так что сам магистр с ума сдвинется,

пытаюсь понять...

— Вот оно что, ладно, тренируйся, — немножко смущенно одобрила я. Пусть учится, в будущем пригодится. Если даже в повстанческую армию не возьмут, будет любовные записки людям шифровать — тоже стабильный заработок.

И я пошла в Верхний замок мимо стражников, хриплым голосом назвавшись паломником, возвращающимся со святых земель.

— Чито, жарко там? — усмехаясь, заметил стражник, который до моего появления умирал со скуки.

— Как в пекле! Басурманские земли! Даже до святыни не добрался, ногу подвернул — о черепашку в пустыне споткнулся, черт ее подери!

После такого чистосердечного признания меня пропустили. От паломника-христианина редко услышишь подобные речи... Обычно каждый врет, что прикоснулся ко всем мыслимым святыням, отколупнул от каждой по кусочку и даже готов продать за чисто номинальную сумму.

Перейдя мост, я прислушалась: в ухе у меня тевтонцы обсуждали, за что Бог мог им послать такую кару. Причем с искренним удивлением, типа ничего плохого они никому не сделали! Такую демагогию развели, что я чуть не вмешалась с историческими комментариями.

Едва не столкнувшись с парой высокомерных рыцарей, я проскользнула во внутренний двор, тот самый, где стоял знаменитый колодец. Такой красивый свод, крытый шифером и украшенный металлическим пеликаном с птенцами.

С четырех сторон шли стрельчатые арки окон галереи по всему второму этажу — очень красиво, может, мне остаться тут жить? Скорее дело распутаем. Все равно ребята за вчерашний день даже с места не сдвинулись. Конечно, оба продвинулись по карьерной лестнице, если так можно выразиться. Но в том, что касается непосредственно задания, — глухо, и не факт, что сегодня дело пойдет. Придется браться самой...

Я решительно вызнала у первого встречного послушника, где тут у них находится капитулярий. В принципе мне указали направление... Просто почему-то я сначала попала на кухню с враждебно настроенными поварами, потом в котельную, потом в прачечную, потом предпочла уточнить маршрут. Увы, нужные двери были наглухо заперты, а суровая стража у входа отбивала всякое желание лезть без пригласительного билета. Пришлось сесть в уголке и слушать...

— Братья, беда нависшая над нами, — огромна! Умирают лучшие, цвет и гордость ордена! И это в то время, когда еще не все земли варваров подчинены католической церкви, — вещал ледяной голос.

— Но они уже приняли католичество. Князья польские и литовские вошли в лоно нашей веры.

— Это они поторопились... Их ошибка была в том, что они приняли католичество не от нас! За такую обиду должно платить кровью... Или у кого-то есть сомнения?

— О небо, неужели опять в поход? А я так хотел навестить мамочку.

— Да, брат Витольд, в поход, и на этот раз волей Господа армию возглавлю я! Лично и собственноручно.

— Великому магистру не стоит так рисковать своей драгоценной жизнью. Вы оплот и надежда всего ордена, нам нельзя вас терять, — вступил льстивый голос. — Вы всегда умели выбить деньги у руководства из Рима! Привлечь в наши ряды отряды рыцарей из Франции, Италии и Британии! Это было чудом, ведь доходами с завоеванных с их помощью земель мы потом ни с кем не делимся...

— К тому же, если вы погибнете, наш казначей не выдаст нам и монетки без вашей росписи, — вздохнув, добавил кто-то.

— Тупица, тогда у вас будет другой магистр! — воскликнул обладатель ледяного голоса, не иначе как сам гроссмейстер фон Сальца. — И он точно будет, останься я в этом замке еще хоть на неделю...

— Когда выступаем? — громко спросил Алекс. Похоже, его посетила та же мысль, что и меня, — раскрытие загадки таинственных смертей в Мальборке связано с личностью ныне действующего магистра! Все убийства начали происходить год назад, сразу после того как он возглавил орден. И это неопровержимый факт!

— Как можно раньше, брат Ютингем, нужно успеть собраться за неделю.

Я тихой мышкой сидела в костеле Святой Девы Марии, примыкавшем к капитулярию, опустив голову и делая вид, что пребываю в молитве. Наши мимо не пройдут — хороший шанс перехватить Алекса.

— ...Итак, мы вынуждены продолжать поиски предателя. Брат Расмус, надеюсь, вы вспомните, кто это был, и за это вам ничего не будет. В противном случае, если вы не вспомните... — Магистр выдержал угрожающую паузу. — Почему вы молчите?

— Он, кажется, опять потерял сознание, — сообщил испуганный голос. — Зря его вытащили из лазарета, все равно он нас даже не слышит.

— А может, он притворяется, потворствуя Сатане?! Давайте-ка прибегнем к цивилизованному европейскому методу допроса, столь широко применяемому в культурных странах, — раскалили щипцы и приготовьте иглы.

— Он очнулся, очнулся! Свершилось чудо!

— Еще бы... — сквозь зубы процедил фон Сальца.

— Я все скажу, великий магистр! Это был... наш повар, брат Витольд.

— Ах ты брехло! О шпикачках на ужин можешь забыть, а о добавках тем более, — прорвался гневный бас повара.

— Уведите брата Витольда!

— Нет! Стойте, я ошибся! Там ведь было темно, но теперь я явственно вспомнил... Это наш конюший, брат Эразмус!

— Вы обо мне?

— Уведите брата Эразмуса! Но если произошла ошибка... — Голос магистра вновь наполнился холодом.

— Э-э нет, не надо, пожалуй, это не он! Я все вспомнил... вспомню... вот уже почти... это был... был это...

Собрание закончилось минут через пятнадцать, как и следовало ожидать, полным пшиком! Я пробралась на галерею и спряталась за одну из колонн, чтобы увидеть шествие магистра с агентом 013. Судя по всему, Пусик начал привыкать к высокородным особам и теперь точно знает, как вершить судьбы мира без всякого ущерба для своей бесценной шкурки.

Однако реальность превзошла все границы моей фантазии. Профессора несли на гобеленовых носилках под парчовым балдахином! Носильщики, так называемые полубратья, даже гордились, что им доверено таскать столь важного кота.

Брата Расмуса вытащили из зала на дерюжных носилках и волокли с гораздо меньшим почтением. Всю дорогу он пытался примириться с разобиженным братом Витольдом, узнаваемым лишь по поварскому колпаку, — в остальном он был одет не хуже иного графа.

Магистр и то выглядел поскромнее — весь в черном, с огромным, усыпанным драгоценностями крестом. Его лицо выдавало в нем человека, способного между завтраком и обедом вершить судьбы народов, например, сжечь дотла какую-нибудь благополучную область, не потеряв при этом аппетита...

— Ты что здесь делаешь?! — воскликнул, шарахнувшись, Алекс, когда я радостно дернула его за край белого плаща с крестом.

— Контролирую ситуацию! Точнее, служу родной Базе!

— Ты сумасшедшая?!

— Ладно, просто помогаю... тебе и Мурзику.

— Это опасно! Ты же знаешь, что в Верхний замок женщинам нельзя, — озираясь, оттащил меня в угол командор.

— Но я переоделась!

— Опять издеваешься?! Если тебя поймают, мне придется заступаться...
— Ага, а ты этого, конечно, не хочешь? Вот, значит, как, понимаю...
— Понимай как хочешь! А у меня нет ни малейшего желания видеть тебя под пытками в подземелье, куда ведут сейчас брата Эразмуса.

Действительно, два здоровяка нехотя конвоировали третьего, монаха с простодушным лицом. Сначала он даже улыбался, но, осознав, куда его подталкивают, вырвался и дал деру, крича: «Спасите! Лошадки мои, на помощь, бедного Эразмуса хотят загубить!»

Погоня была чисто теоретической, конюшего и так все жалели, а уж обрекая, по приказу магистра, на пытки, вообще чуть не плакали. Поэтому ему не только дали спокойно добраться до своего коня, но и подсадили — от волнения он несколько раз падал — и выпустили за ворота. Мое мнение о братстве стало меняться в лучшую сторону...

Кот, важно закручивая усы, проплыл мимо, даже не одарив меня взглядом. Может, не узнал под капюшоном? Подавать голос я не решилась, чтобы не привлекать внимания, и так с Алексом разболталась. Мой любимый, видимо, смирился, что теперь я буду рядом, и больше к этому вопросу не возвращался. Правильно, а что ему еще оставалось?

В этот день творились разные чудеса, большей частью связанные с великим магистром. Неожиданно для всех он рехнулся! В смысле после традиционного послеобеденного сна созвал всех братьев в костеле, где объявил, что теперь они будут молиться новому святому — Мурзику. Дескать, ему слышится голос, и не в первый раз, а уже в третий. Голос нежный, мурлыкающий, ангельский, вещающий о скором явлении святого по имени Мурзик! Вы хоть что-то поняли?..

— Прошу прощения, а как выглядит новый святой? — дерзнул спросить Алекс.

Наш кот восседал на бархатной подушке рядом с трибуной, совершенно не обращая внимания на развесивших уши братьев-монахов.

— Я не знаю, пока не знаю... Но голос, несомненно, является божественным голосом! Ибо демоны к великим магистрам не наведываются, боятся.

— Да-да!

— Точно... сомнений нет, великий магистр — это не то что простой человек!

— Сам Господь Бог избрал его и поставил над нами, а теперь вещает ему. Ведь без его воли...

— Тише вы! Сам знаю, — оборвал магистр. — Слушайте меня внимательно, я передам вам последние откровения: отныне мы должны каждую мессу хором молиться святому Мурзику!

— Все-таки немного странное имя для католического святого, — проворчал рядом с нами какой-то престарелый монах.

— Тот же голос мне вещал, что этот святой появится в самое ближайшее время!

— Если он еще ничего такого не совершил и мощей его никто не видел, зачем ему молиться?! — продолжал брюзжать все тот же вредный старикашка.

— И именно он спасет нас от напасти, свалившейся на наши головы. Уже почти год смерть уносит наших братьев, причем моих ближайших соратников, самых знатных и лучших из нас! — скорбно продолжал фон Сальца. — Молитесь усерднее, наше спасение я вижу только в святом Мурзике!

— Да уж, докатились до богомерзкой ереси... Господи, есть ли хоть один святой, которого бы ты рискнул назвать Мурзиком?! — проворчал в ответ старый монах.

Я была уверена, что уж теперь-то его точно схватят, но магистр решил закончить собрание:

— Помолимся о душах наших погибших братьев! А после на исповеди расскажем, если нам что-то известно о том, что явилось причиной их смерти. Особенно молитесь о выздоровлении брата Расмуса, ибо он еще многое должен нам открыть. И я уверен, что откроет, клянусь святым Мурзиком!

— Если на телах погибших обнаружены следы насилия, какую еще причину смерти им

надо? — шепотом спросила я командора.

Мы шли по галерее, возвращаясь в свою комнату после общей молитвы. Прочие разошлись по кельям.

— Ты что, не читала дело?

— Нет, я кота слушала, а на этом моменте, видимо, отвлеклась. Прости, но порой он такой занудный, особенно когда начинает читать материалы дела своим тягучим кошачьим голосом. Интересно, а чего он хочет добиться этим поклонением Мурзику?

Алекс недовольно отмахнулся, агента 013 он знал дольше меня.

— Да ничего особенного, просто издевается. Иногда на него находит. А вообще, к идее о сверхкоте он подошел серьезно. Мы решили поиграть на суеверии средневекового человека... А насчет погибших — великого маршала, комтура и других... Трудно поверить, что они погибли такой позорной смертью!

— Почему же это позорной?

— Смерть от побоев недостойна рыцаря! Так забивают бешеных собак и падших женщин...

— Вэк! И женщин тоже?!

Нет, у меня просто слов нет от этого параноидального шовинизма!

— В любом случае неизвестно, кто этим занимается, а убийство — все равно преступление... Нужно проверить подвалы замка и все тайные комнаты. Если это существо из плоти — мы его найдем.

— А как мы узнаем, где расположены эти комнаты?

— По плану посмотрим. Я имею в виду план секретных комнат, в обычном они не обозначены. Вчера я попытался вызнать про них, и брат Шульц мне сказал, что без плана их даже искать не стоит — потеряешься. Тут многие уже пропадали, а потом крысы бросали их косточки прямо посреди коридора.

— Вот ужас!

— А нечего засорять своими телами крысиные жилища!

— Ты говоришь, как крысoman, — засмеялась я.

— Не вижу в этом ничего плохого, — как-то странно отреагировал Алекс.

Я пораженно воззрилась на него: а вдруг после свадьбы мне придется узнать о его привычках что-нибудь похлеще?

— Шучу, шучу, тебя легко разыграть!

Я пнула его по ноге, досадуя и улыбаясь одновременно.

— Стыдитесь, братья, как вы можете драться в святом месте! — возмутился догоняющий нас престарелый монах, тот самый, что критиковал речь магистра о Мурзике.

Я смущенно остановилась, и вдруг мой взгляд уперся в непонятный барельеф на стене, изображающий бегущего чертика с вытаращенными глазами.

— Святое место?! — обалдела я, но монах уже прошлепал мимо, продолжая ворчать себе под нос.

— Это значит, что вход в туалет по этому коридору. Здесь и произошло вчерашнее нападение.

— Оригинально они отмечают туалеты... А буквы «М» и «Ж» уже не подходят?

— Не важно, главное, что нам нужен план, — напомнил командор.

— А ты уверен, что он существует? — поинтересовалась я, прислонившись к стене рядом с Алексом.

— Да, говорят, что он... че-о-орт!

— Не ругайся, бли-и-ин!!!

Видимо, наш совместный вес оказался избыточным — каменная кладка словно разомкнулась, и мы рухнули неизвестно куда...

Сначала, конечно, орали. А кто бы не орал, я вас спрашиваю?! Потом, пролетев порядочное расстояние, бухнулись на солому — повезло, пол мог оказаться и гранитным. Мой любимый и здесь показал себя джентльменом, шлепнулся первым, а я уже на него —

так мягче...

— Куда мы попали? Это что, ловушка?! — Я вцепилась в Алекса, изображая предистерическое состояние. Иногда его полезно так пугать для повышения уровня ласки и заботы — срабатывает безотказно!

Одновременно я с интересом разглядывала, куда это мы влетели. Ничего выдающегося, полутемное круглое помещение без окон с кирпичной кладкой. Слева виднелся низкий проем подземного хода...

— Похоже, это и есть одна из секретных комнат.

— Не ловушка?

— Вряд ли, кажется, я случайно надавил локтем на один из кирпичей в стене. В любом случае надо пойти и посмотреть, не возражаешь?

— Нет.

— Тогда слезь с меня, пожалуйста.

— Какие мы нежные...

Мы поднялись и пошли в сторону света, слабо льющегося из-под арки. Алекс протиснулся первым, я немного погодя, убедившись, что ничего страшного с ним не произошло. Идти пришлось, низко нагибая голову, свет лился прямо с потолка — какая-то чудная фосфоресцирующая плесень. Воздух затхлый, но дышать можно. Сама собой всплыла тема предыдущего разговора.

— Говорят, что план секретных комнат хранится в покоях магистра. Там и следует искать.

— А по-моему — это лишнее, одну комнату мы уж точно нашли. Только вот ничего представляющего интерес для нашего дела пока не наблюдается.

Я осторожно обошла кучку крысиных черепушек и, наступив на человеческий, нагнулась:

— Ой, мамочка-а-а...

— Ты ушиблась? Только не реви, пожалуйста!

— Нет, но мне его жалко-о-о... Бедняжка, валяется тут, давай его похороним.

— Может, не здесь? Тут мы ищем наш таинственный объект, — проворчал Алекс, прихватывая, однако, череп. — Ладно, закопаем на монастырском кладбище, только скелет искать не надо — я его не потащу.

— Я потащу!

Скелета по пути не нашлось, но, может, оно и к лучшему... Впереди блеснуло пятно света, другого, теплого. Он лился из-под купола башни, отражаясь в колодце, полном воды. Тупик — не обойти, не перепрыгнуть, назад вроде тоже смысла нет, тогда куда? И тут мы оба синхронно схватились за уши — в микрофонах раздался уверенный голос Мурзика:

— Приветствую, напарники! Возможно, у меня есть ключ к раскрытию дела! Оказывается, не так давно группой здешних монахов была написана книга «Легенды и сказания замка Мальборк». В ней изложены все таинственные происшествия, случавшиеся в этом замке со дня его основания: всякие слухи, сказки, народные фантазии... Но есть и описание некоего полтергейста, обитавшего здесь еще сто лет назад. Что, если он и есть наш объект?

— Большое спасибо, агент 013. Кстати, эту книжечку можно взять на абонемент в замковой библиотеке? — деловито поинтересовалась я, как будто мы сейчас не были в глухом подвале в совершенно безвыходном положении.

— Увы, в библиотеке ее нет. Был один экземпляр, но сгорел еще лет пять назад. Они писали книгу, преследуя чисто коммерческие цели, и продали ее за хорошие деньги одному богатому хозяину переписной лавки.

— Вэк, тогда где ее искать?

— Честно говоря, понятия не имею... А кстати, куда вы сами пропали? Я обегал весь замок, пока выдалось свободное время — магистр сверяет с казначеем приходы и расходы.

— Э-э, понимаешь ли...

— О да! Разумеется, я все понимаю... Воркуете, голубки, найдя укромный уголок, и, конечно, вам сейчас никто не нужен.

— Какой там не нужен... Очень даже нужен! Хоть кто-нибудь бы объявился, я бы сейчас даже магистру была рада. Мы плутаем черт-те где в подвальном лабиринте!

— Ну и выходите оттуда, чего вы туда забрались?! Ах да, понимаю, мы, коты, тоже любим подвалы — там нет собак, да и люди не мешают. Знаешь, Алиночка, лучшие любовные воспоминания у меня связаны именно с подвалами, мур-рм-мур...

— Но мы не можем выбраться, мы заблудились! — отчаянно завопила я, так что даже пауки едва не попадали со стен, всеми лапками вцепившись в родную паутину.

Агент 013 посерьезнел и попросил изложить четко: как и с какого места мы туда попали, где находимся, до чего дошли и какие перспективы впереди? Выслушав нас внимательно, он сказал, чтобы мы не дергались, — он скоро будет.

— Надо было ему напомнить — пусть он план поищет там, у магистра.

— Пусть, — автоматически откликнулся Алекс.

— Главное — чтобы он подмогу не позвал, а то если монахи пристанут с выяснениями моего имени, адреса, детских болезней и службы в армии, я засыплюсь... А еще у меня глаза накрашены со вчерашнего дня, забыла смыть. Как ты считаешь, они примут меня за девушку или все-таки за монаха нетрадиционной ориентации? Такие тоже были, я читала...

Командор кивал невпопад, оставаясь безучастным к моим жалобам, он прошупывал стены и простукивал полы подобранной по пути железякой.

— Что это такое? — на всякий случай любопытствовала я.

— Пыточные щипцы. А эти кольца на стенах — наручники, в них подвешивались жертвы допросов, а эти колодки...

— Все! Достаточно, я уже мурашками покрылась, как наждачная бумага!

— Надо что-то придумать...

— Вот ты и думай! Кто у нас выше по званию?!

Я чувствовала себя бедной Бекки Тэтчер, когда они с Томом Сойером плутали по подземным лабиринтам. Ноги наливались свинцом, да и есть уже хотелось, кстати.

Алекс прекратил бесполезное простукивание и, присев на корточки, начал что-то высчитывать.

— Любимый, мне кажется, мы бродим с тобой целую вечность! Ну уж никак не меньше километров пяти оттопали, Мальборк неизвестно где...

— Не беспокойся, столько мы еще не успели пройти. Но на всякий случай «переходник» я всегда ношу с собой.

— «Переходник»? Что же ты молчал?! Сейчас же перенеси нас на... сколько мы уже здесь, пять, шесть часов? В общем, на все это время назад!

— Прости, не получится, временные рамки слишком тесные. Вот если бы мы действительно провели здесь пять часов, то вполне возможно, что и получилось бы. Увы, мы здесь меньше часа — может произойти сбой, и нас зашвырнет куда угодно. Если хочешь, посидим здесь пять часов, а потом я...

— О нет, Алекс! Я столько не выдержу! Перенеси нас немедленно, все равно этого хвостатого негодяя нет как нет, а я хочу есть и пить. — Притворно зарыдав, я уткнулась ему в грудь и постучала кулачками, имитируя истерику.

Сердце командора не выдержало, вздохнув, он начал набирать код:

— Только если что, сразу не налетай с обвинениями. Я делаю это под нажимом, снимая с себя всю ответственность.

— Ладно-ладно, лишь бы не сидеть в этом грязном подвале на мокром полу с останками потерпевших. Кстати, череп не забудь, мы должны его закопать в Священной земле! Бедняга, видимо, намучился в жизни, и поэтому... О-ой, мамочка!

Я крепко обхватила Алекса за шею, почувствовав, как вихрь подхватил нас и понес сквозь время и пространство.

Мы приземлились где-то в лесу, я удовлетворенно расправила плечи, щурясь на

дневном свету после темного подвала.

— Эх, благодать... И интерьер получше, и воздух значительно свежее, — отметила я, вдыхая полной грудью лесные ароматы. Но наслаждение было недолгим...

Из чащи выбежал огромный черный кабан и, сфокусировав красные глазки на нас с Алексом, громко хрюкая, бросился в атаку. На этот раз суперагент предпочел в схватку не вступать, а ломанулся вслед за мной, раздвигая лапы пирамидальных елей! Единственно правильное решение, ибо он, как и я, любит животных. А вот они относятся к нам неадекватно...

К счастью оказалось, что бежим мы в нужном направлении (тут уж я на усталость не жаловалась!), и вскоре вырвались из леса. Кабан нас преследовать не стал, торжествующе прохрюкал что-то на прощание и скрылся в родной чащобе. Что было вполне логичным с его стороны, так как нас тут же окружили дикие бородачи в шкурах, с первобытными копьями наперевес. Очень похоже на картинки из учебника истории, только там именно КАРТИНКИ, а мы столкнулись с живыми людьми...

— Руссо туристо, — вступил в переговоры Алекс, увидев, что все устали на череп в его руках. — Э-э, решили отдохнуть на природе — без всякого для нее ущерба и, как видите, не намусорили. Мы не из соседнего враждебного племени, поэтому приятно было познакомиться, разрешите удалиться, очень-очень много дел.

Он попытался взять меня за руку, но нас окружили, и следующие минут двадцать мы топали по болотистой местности куда надо. Видимо, к месту поселения этого неразговорчивого народа, с представителями которого договориться на словах мы не могли, а когда Алекс использовал язык жестов, они жутко обиделись! Типа мы как-то не так выражаемся, хотя сами только жестами и изъяснялись, используя разве что восклицания вроде: «угу!», «ага?!» и «ух-ух-ух-ух-ух!!!».

— Видно, это древние предки пруссов, которые обитали в этих землях, если мы, конечно, на той же территории остались, — тихо заметила я. — Линяем скорее, еще неизвестно, как они решат с нами поступить. Вдруг съедят с тушеной капустой и запьют пивом?!

— Тогда поддержи череп, кажется, из-за него к нам и отнеслись так недружелюбно. Зря мы стронули его с места, по-моему, он уже привык, и, может, ему там даже нравилось.

— Так, может, все-таки смоемся поскорей, — занервничала я, делая вид, что не замечаю, как мне тычут тупым концом копья между лопаток. — Они смотрят на меня так, будто я съедобная!

Алекс обозрел наш конвой, придерживая руку в кармане, где лежал «переходник». Лица бородачей были по-прежнему неприветливыми, но, по крайней мере, в разговор никто не вмешивался.

— Они следят за нами. Чтобы набрать нужный код, мне потребуется несколько секунд. Сделай вид, что пытаешься бежать, — отвлеки их! В последний момент я успею схватить тебя за руку, мы перенесемся вместе.

— Ага, чтобы мне в спину разом воткнулось десять копий?! Видишь, один уже примеривается. — Я повела плечом в сторону бородача, тыкавшего меня копьем. — У меня и так, наверное, все в синяках.

— К сожалению, другого плана нет. Если они отберут «переходник» и сломают, мы навсегда останемся здесь.

— Навсегда?!

— Нет, искать-то нас, разумеется, будут, но вот когда найдут? Годика через три-четыре... В принципе это неплохо — со временем я стану вождем племени, а ты моей любимой женой.

— В смысле я буду не одна?..

— В смысле ты будешь самой любимой, другие будут в основном для статуса.

— Только для статуса?

— Но ты же понимаешь, я потеряю авторитет, если не буду жить, как все вожди! Есть

определенные традиции и обязанности: больше жен, выше рейтинг! — попытался усмехнуться он.

— Размечтался! — с чувством превосходства фыркнула я. — По-моему, это самый настоящий матриархат! Видишь, как почтительно они со мной обращаются, тыкают в спину остороженько, чтобы не поранить. Это я в скором времени стану вождем племени, а ты будешь моим любимым мужем! А остальные так, для статуса...

Командор шутку оценил, но оставил без ответа, быстро выхватив «переходник» и набирая код. Конечно, бородачи это тут же заметили, и один, самый лохматый с виду, угрожающе рыча, первым бросился отбирать у пленника непонятную штуку.

— Жми на любую! — крикнула я, закрывая любимого грудью. Лохматый получил от меня тяжеленный удар пыльным черепом в лоб и отпал на время...

— Если получится, мы попадем куда надо, — подбодрил Алекс, набрав код и каратистским ударом ноги сбивая сразу двоих дикарей. Я прыгнула на него, повиснув, как медаль или камень на шее...

О-о-ух! Перенос в пространстве и времени мне всегда нравился, словно короткий полет в скоростном лифте. Летишь неизвестно куда, а перед глазами все плывет...

Хорошо хоть попали куда надо. Мы стояли во дворе замка Мальборк, те же стены, то же дневное солнышко, даже монахи с теми же самыми постными физиономиями. Потом один быстро подошел к нам и недружелюбно поинтересовался, где мы взяли костюмы.

— Не понимаю тебя, брат, что значит взяли? Этот кафтан мне шил личный портной бургундского короля, — высокомерно отвечал командор, озираясь по сторонам. Меня тоже посетило смутное чувство, будто бы здесь что-то неуловимо изменилось за недолгое время нашего отсутствия.

— Шутишь, брат?! Кто выдал вам реквизит без накладной? Это я завхоз Верхнего замка, и ключи от склада исторических костюмов хранятся у меня, поэтому мне очень хотелось бы знать, как вы оба...

В этот момент из тоннеля, ведущего от моста во двор замка, вышла галдящая группа японских туристов, кажется, даже моего времени, хотя они во все времена практически одинаковые.

— Понятно, мы опять влипли не туда... Знаешь, милый, дай-ка «переходник» мне и скажи гоблинам на Базе, чтоб впредь не экономили на профилактике рабочих инструментов. Надо вот так, вот так и вот сюда! Хм, не работает...

— Эй, что еще за штучки?! Часовая бомба? Полиция, полиция-а!!! — завопил неумный завхоз, и мне пришлось на него прикрикнуть:

— Кончай орать, без тебя тошно! Развели тут шутов ряженных, порядочному оборотню податься некуда!

— Вы террористы!

— Пока еще нет, но это идея. — Я повернулась к японцам, отвесила вежливый поклон и нагло заявила: — Саенара! А вот этот человек в рясе и есть разыскиваемый Интерполом известнейший террорист номер один Усама бен-Ладен! Желающие сфотографироваться со знаменитостью, прошу без очереди!

Въедливого сотрудника турсервиса завалило маленькими, визжащими от счастья японцами. Какое-то время он явно не будет нас беспокоить.

— Слушай, а что с «переходником»? Там ведь кот в полной панике, давай возвращаться как-нибудь...

— Понятия не имею, барахлит! Может быть, я его случайно стукнул обо что-то? Придется разобрать, а потом заново настроить. На это уйдет минут двадцать, а ты, наверно, есть хочешь? — Алекс нежно обнял меня за плечи. — Пойдем поищем, где тут можно перекусить.

— Здесь должно быть кафе, и не одно, но где мы деньги возьмем?

— У меня есть золото четырнадцатого века, попробую договориться с официантом, — оптимистично улыбнулся Алекс.

— Не вздумай, тогда уж точно арестуют как спекулянтов! Или решат, что из музея украли. — Я со вздохом прижалась к его широкой груди. — Покормишь меня в своей келье, потерплю, не похудею.

Мы обошли кучу малу из жителей Страны восходящего солнца, с удовлетворением отметив, что завхоза уже рвут на сувениры, и направились к выходу. Нас встретила вспышками фотоаппаратов немецкая группа — ну и развелось же туристов, шагу ступить не дают... И ведь не спрячешься!

— Ну чего они все на нас уставились?! — проворчала я, пытаюсь криво улыбаться в фотообъективы. — Костюмы рваные, старинные, грязные, как будто ими подметали всю Польшу по окончании Всемирного потопа, усталые, как черти в аду после третьей смены, да еще эта черепушка... Дай я хоть ее в клумбу закопаю!

— Не порть цветник, ты мешаешь мне сосредоточиться... К чему относится этот проводок, по-моему, он вообще лишний?!

Мы сидели на каменной скамейке рядом с перекидным мостом, за нашими спинами возвышались статуи четырех великих магистров. Пока командор разбирался с «переходником», я мрачно разглядывала скульптуры.

— Смотри-ка, твой фон Сальца здесь тоже есть.

— Почему мой? — рассеянно поинтересовался Алекс, уже в третий раз перебирая капризный приборчик.

— Ты же рыцарь ордена, значит, он твой босс! Кстати, я почти уверена, что магистр замешан в нашем деле. Как ты думаешь, он оккультизмом может увлекаться? Черную магию практиковать, например?

— Это вряд ли, об этом бы знали все в ордене. В Средние века монахи если не молились и не сражались, то сплетничали, это считалось нормальным времяпровождением.

— А чем им еще заняться, телевизора-то нет, — пожалала я плечами. — Жалко, котик не с нами, он бы точно что-нибудь полезное посоветовал. Без Пусика скучно...

— Меня гораздо больше волнует, как мы отсюда выберемся, — заметил Алекс, не зная, куда девать оставшуюся после очередной сборки микросхемку. У него каждый раз оставались лишние детали, прямо Винтик и Шпунтик какой-то...

Оставив его и дальше трудиться над прибором (здесь я помочь не могла, разве только доломать?), я положила на скамеечку череп и пошла по музеям. В ближайшем оказалась выставка янтаря. «Переводчики» остались при нас, но и без них слово «Амбер» вопросов не вызывало и манило к себе как магнитом.

Полюбовавшись на янтарные шкатулки и диадемы, заглянула в соседнюю комнатку, где продавались путеводители и сувениры. Скользнув взглядом по альбомам и брошюрам, я едва не взвыла от радости. Передо мной лежала тоненькая книжка «Легенды и сказания замка Мальборк»!

Вот так повезло, значит, она как-то уцелела! Я, не выпуская книжку из виду, нагло перелистала все альбомы, буклеты и наборы открыток в поиске плана местоуказаний секретных комнат. Вдруг к двадцать первому веку они нашлись дотошными археологами? Продавщицы уверяли, что ничего такого нет, и старательно тыкали в поэтажные планы пожарной эвакуации.

Потом их отвлекли другие покупатели, чем и я воспользовалась, незаметно стащив с прилавка бесценное издание. Торжествующе хохоча, я бросилась к Алексу, но на скамейке любимого не было. Блин горелый, ну нет счастья в личной жизни! Теперь его надо срочно искать, не хватало мне еще потерять жениха, практически доведенного до загса!

Связь, как назло, не отвечала — проклятая техника... Может, его арестовали? Подлый завхоз сделал-таки свое черное дело, нагнав полицейских? А при обыске у Алекса обнаружили целый кошелек старинных золотых монет! Одно утешение: в тюрьме его хотя бы покормят, это немножко успокаивало. На допросе главное врать побольше, а то примут за сумасшедшего. В истории такие случаи были, людей переносило сквозь время неизвестным образом, неожиданно и мгновенно, ап — и все!

Так один парень с рыцарского турнира попал аж на футбольный матч Лиги чемпионов в Лондоне. Говорят, ему там понравилось не меньше, тем более что он вдобавок был пьян и факт переноса прошел мимо его сознания. Той же ночью он исчез из медвытрезвителя прямо на глазах у сокамерников, не успев допеть с ними песню футбольных фанатов. Наверное, как-то вернулся домой...

Другие гости из прошлого или будущего испытывали сильнейший шок, так как переносились в трезвом состоянии. А в результате или сами сходили с ума, или этот процесс успешно довершали психиатры, чьих цепких рук неприкаянным «пришельцам» редко удавалось избежать. Ох, нет, только не дурдом для суперагентов...

— Алина, где ты ходишь? Я тебя полчаса ищу, «переходник» налажен.

Увидев, что Алекс цел и невредим и неприлично весел, я была искренне разочарована и даже немножко возмущена. Я пережила такую эмоциональную бурю, сострадала, переживала, мучилась, а он стоит тут, улыбается как ни в чем не бывало!

— Ну что, возвращаемся? Эта микросхема и вправду была лишней, видишь, так гораздо проще и ничего не болтается.

— А я достала книгу, о которой говорил кот, — скуп похвасталась я.

— Но... что значит достала?

— Позаимствовала.

— Взяла почитать?

— Стащила!

И тут все пошло почти как в моей фантазии: к нам по брусчатой дорожке направлялся мятый-перемятый завхоз, а рядом с ним нехотя плелся полицейский.

— Попрошу ваши паспорта, — чуть виновато потребовал блюститель порядка, отдавая честь.

Завхоз что-то шепнул ему на ухо, указуя на желтый череп в руках Алекса. Вэк, а я-то чуть не забыла его на скамейке...

— Попрошу пройти со мной.

Я хотела сказать им на прощание что-то выразительное, типа: «Дорогой, мне что-то стало холодно, не пора ли нам уже обратно в ад?», чтобы именно в этот момент без остатка раствориться в воздухе. Вот мужикам будет воспоминаний на всю жизнь, еще и внукам понараскажут, если икота когда-нибудь отпустит...

Но я только раскрыла рот, как мы перенеслись в средневековый Мальборк, оказавшись в коридоре, откуда и начались наши приключения за несколько минут до падения.

— Стой, не прислоняйся! — в голос завопила я, видя, что мой любимый стоит почти вплотную к стене и даже опирается о нее рукой.

— Вроде не окрашено, — усмехнулся он, но не сопротивлялся, когда я резко дернула его за руку. — Ладно, понял, к стенам больше не прикасаюсь, это была шутка.

— Ах, шутка!..

— Не рычи, у меня и так чуть плечо не вывернулось.

— Болит? — мгновенно раскаялась я. — Надеюсь, не вывих? Давай вправлю!

— Нет-нет. — Он отшатнулся, потирая плечо и протягивая мне череп.

Спрятав сей предмет под рясу, я воровато огляделась по сторонам и быстро чмокнула командора в щеку...

Мы отправились в нашу келью, точнее, Алексову, но теперь я считала ее и своей, хотя мое пребывание в Верхнем замке по-прежнему было незарегистрированным.

— Ой, про кота мы совсем забыли!

Но, видимо, наш серый напарник будет жить долго, потому что едва я произнесла эти слова, как Пусик выскочил нам навстречу из боковой галереи.

— Хорошо, что я вас встретил, тут столько переходов, что, даже с моей кошачьей интуицией, мы могли бы легко разминуться. У меня выдалось свободное время, магистр сейчас...

— Сверяет приходы и расходы с казначеем, — дополнила я.

— Да, но откуда вы...

— Кстати, агент 013, ты вроде хотел сообщить нам важную новость о том, что, возможно, разгадка нашего задания сокрыта в рукописной книге «Легенды и сказания замка Мальборк»?

— Да, э-э...

— Написанной группой здешних монахов?

— Э-э, да...

— Но экземпляр, хранившийся в замковой библиотеке, сгорел?

— Может, ты еще знаешь, в каком году? — досадливо сдвинул бровки Профессор. Таких обширных знаний он не мог простить никому...

— Знаю, если это было лет пять назад, значит... Но это не важно, книга у нас!

Я гордо продемонстрировала брошюрку Пусику, обалдевшему от того, что видит вполне современное издание. Но Алекс прервал меня, легонько щелкнув по носу. После того как он, к моей досаде, рассказал все котика, тот успокоился и обрел прежний самодовольный вид. Его растерянной физиономией мне полюбоваться не дали...

Алекс сбегал в Средний замок предупредить Мартина, чтоб нас не ждал, скотину кормил и, главное, в любой момент был готов к вооруженному восстанию, ну а до специального сигнала перекусил где-нибудь и выспался. Правильно, с собой мы его взять не можем, а оставь одного — он всех на уши поставит в поисках своего «пропавшего» господина и его «несвободной женщины»...

Наскоро пообедав в монастырской трапезной, мы заперлись в командорских покоях, вырывая друг у друга «Легенды и сказания». Победил котик — он удрал с брошюрой на шкаф и уже оттуда вытребовал себе право читать первым.

— А что, если фон Сальца тебя хватится? Где мой любимый котик, мой ласковый пушистый мурлыка, мой верный и преданный друг? Ты один меня понимаешь, ты один не предашь, а кругом враги, предатели, интриги... Книжку отдай, святой Мурзик!

Агент 013 нахмурился и повернулся ко мне спиной.

— Ладно, мир! Ну каюсь я, каюсь...

— Деточка, поверь, я внедрился в самое сердце Мальборка! — снизошел кот, скосив на меня сердитый взгляд. — Живу там, откуда ведется управление всем орденом, приобрел влияние на гротмейстера, имею доступ ко всем документам и успешно провел уже два сеанса гипноза. Этой ночью, когда фон Сальца спал, я перелопатил большую часть его бумаг, благо что в искусственном освещении не нуждаюсь с детства...

— Что-нибудь нашел? — уточнил Алекс.

— Пока ничего определенного, но некоторые документы наводят на размышления.

— Какие именно?

— Протоколы допросов, например. — Профессор почесал за ухом и, лихо вспрыгнув на кровать, продолжил: — А что это у вас за череп?

— Пусик, не отвлекайся!

— И не думал, я вам все расскажу чуть погодя, а сейчас мне надо проштудировать этот незначительный по размерам труд.

— В рукописном варианте да на пергаменте, готическим шрифтом... вот, наверное, огромная томина была?

— Без сомнения, — рассеянно согласился кот, все еще глядя на череп. Своим дурачеством со святым Мурзиком, насколько я поняла по его туманным репликам, он преследовал далеко идущие планы, и это был тонко продуманный ход. Сплошные тайны вокруг, ну хоть бы одну раскрыли...

Из книги мы узнали много интересного, порой даже шокирующего, если все описанное было правдой. Такие злодейства, привидения и духи, один колоритнее другого, что какое-то время я просто восторженно слушала с раскрытым ртом. Особенно историю нашествия на Мальборк армии болотных призраков, которые успели захватить весь замок, стены и потолки покрыли плесенью, а полы залили болотной жижей. Главный призрак самопроизвелся в

магистры, несчастных монахов заставили разводить кувшинки в гостевых покоях и следить за развитием популяции лягушек в летней трапезной. Страшно ведь? А я лягушек боюсь...

— Не понимаю, что в это грозное время делали рыцари? Да и монахи частенько вставали на стены с оружием в руках... как же их одолели призраки?

— Тут сказано, что «богомерзкие создания напустили на благочестивых монахов затмение разума и воли, и в это время в замке не было ни одного воина, все они сражались в Святой земле», — снисходительно пояснил Профессор.

— У-у, тогда ясно...

Дальше читали уже без особого энтузиазма, после болотных призраков был мертвец — неупокоившийся труп великого госпитальера, который терпеливо каждую ночь разрывал свою могилу и шел в родной лазарет для рыцарей-крестоносцев. Там он обходил несчастных раненых, с ужасом ждавших наступления ночи. Одного заботливо проверял на наличие жара, кладя грязную ледяную руку ему на лоб, другому поправлял одеяло, но хуже всего приходилось тому, у кого он «обнаруживал» гангрену какой-нибудь конечности... Призрак госпитальера тут же приступал к операции, для чего все время носил с собой ржавую пилу!

— Очень напоминает детские страшилки, мы такие в летнем лагере рассказывали на ночь, — припомнила я, пересаживаясь поближе к Алексу и незаметно прижимаясь к нему плечом.

— А что с ним стало в конце концов? Если такой призрак существовал, то он стопроцентно наш клиент! — вскинул бровь мой отважный командор.

— Рябиновый кол в сердце — традиционный конец для традиционного мертвяка, — хладнокровно ответил агент 013, переворачивая лапкой страницу.

— А почему не осиновый?

— Это для вампиров.

— Ой, а поздно уже! Скоро вечерняя месса, тебя магистр не хватится? — еще раз спросила я, меньше всего желая, чтобы агент 013 ушел — вдвоем не так страшно. — Он не пошлет искать тебя по всему замку? Кроме шуток, вдруг человек без любимого кота уснуть не может?

— Думаю, что он без меня прекрасно проживет еще час-полтора. Фон Сальца специально оставляет дверь комнаты приоткрытой, чтобы я мог беспрепятственно выходить в любое время, когда мне захочется подышать свежим воздухом, — важно ответил Профессор.

— Так там все время двери открытые? — сразу заинтересовался Алекс.

— Да, напарник, но именно потому, что никто не посмеет войти без приглашения! За этим бдительно следят, и нарушители не отделываются словесным внушением. Их вообще очень редко потом находят...

— Жаль...

— Понимаю, но продолжим — мертвяк великий госпитальер нам не подходит. Однако имеется еще целый ряд подобных созданий, и «деяния их не менее удивительны». Конечно, многое из написанного — труха, в смысле ненужные нам выдумки, но зерна от плевел мы отделим. Поверьте, сама идея создания такой книги не могла появиться просто так, на ровном месте.

Дальше мы с Алексом слушали про великое искушение монахов полудницами — женщинами с горячим темпераментом и черным сердцем, что для нечисти обычная закономерность. Появляясь, как положено, в полдень, они соблазняли монахов, подчиняя их своему диктату, после чего душили, как котят.

— Да они просто перегрелись, медитируя под солнышком, на недоступные темы, — нервно воскликнула я. — Сколько можно вешать грехов на бедных женщин?! Из чего только не рождаются легенды!

— Средневековые монахи редко были настолько целомудренны, чтобы умереть от буйства эротических фантазий, — наставительно поправил котик. — Существование полудниц — научно доказанный факт! В свое время мы с агентом Орловым...

— Ничего не было! — слишком быстро заверил меня подскочивший Алекс.

Вот, значит, как...

— А там что-нибудь говорится о мумифицированных мертвецах? — тактично перевела тему я. Допрос любимого отложим на послезавтра.

— Пока нет, деточка, потерпи. Безногий вурдалак нам тоже не подходит, хотя после него, по идее, тоже оставались наполовину обескровленные тела. Но его схватили уже после второго убийства, далеко уковылять без ног он не смог, хе-хе, хотя довольно ловко передвигался при помощи рук.

— Какое мерзкое, должно быть, существо!

— Да уж, привлекательных здесь не держали. Даже полудницы описаны уродливыми, с длинными спутанными волосами и бегаящими в них полевыми мышками.

— Вэк?!

— Эти дамы традиционно пасутся на полях, высматривая очередную заработавшуюся жертву. В замках появляются чрезвычайно редко...

— Впечатление такое, что даже нечисть пытается выгнать отсюда господ крестоносцев, — патетически заметил Алекс.

— Красивая теория, потянет на целый роман в жанре фэнтези. Давай напишем как-нибудь...

— «Как-нибудь» писать нельзя! — тут же вставил кот. — Грех, читатель не простит!

Потом он важно поведал, что подслушал разговор приора с братом Нюрольдом, главным библиотекарем. В общем, эта книга писалась по заказу. Один богатея из столицы, имевший несколько переписных лавок и обеспечивавший страну лучшими экземплярами хроник Галла Анонима, восхищенный грозным величием Мальборка, загорелся получить в свои руки собрание всех легенд и чудес, происходивших в этом замке. Плюс эксклюзивное право переписывать их неоговоренное количество раз в течение двух сотен лет.

Когда братьям назвали предлагаемую сумму, они рьяно взялись за работу и в кратчайшие сроки написали весьма вольный, но вполне художественный пересказ «местных легенд». Заказчик был доволен, но кое-что из книги действительно случилось на самом деле, и об этом предпочитали говорить шепотом...

— Пусик, твоя дотошность и щепетильность меня убивает. Столько разной научной, серьезной и... бесполезной информации! — отчаянно зевая, выдала я. — Мальчики, вы тут поисследуйте еще чего-нибудь, а меня разбудите, когда надо будет непосредственно застрелить злодейского монстра.

— Не спи, курноса самка тюленя!

— Как ты меня назвал?! — едва не подпрыгнула я, сон сняло как рукой.

— Напарники, кажется, наши поиски увенчались успехом, — прикрываясь книжкой от моего шлепка, довершил агент 013. — Это может быть только оно!

— Нет, ты сначала повтори, как ты меня назвал?!

Профессор уже раскрыл рот, чтобы ответить, но не успел — ему помешали. В дверь забарабанили с таким грохотом, как будто стучали железными перчатками. Жаль не головой, звук был бы громче...

— Именем великого магистра Альбана фон Сальца, откройте! — прогрехотало за дверью.

— Какого дьявола?! — в том же тоне грозно поинтересовался Алекс, пытаясь вытащить меня из-под кровати, куда я полезла первым делом. Я же в свою очередь пыталась выпихнуть оттуда раскоряченного кота, который занял мое место. Удача отвернулась от нас обоих, командор плюнул и одним движением ноги затолкал и меня, и котика поглубже, в самую пыль. После чего преспокойно открыл дверь.

— Мгм, брат Ансельм фон Ютингем? Ты случайно не встречал в замке кота, серо-белого, жирного... — строго спросил кто-то.

— Жирного, жирного, жирного... не припомню.

Недовольное ворчание Пусика коснулось моего уха. Я мысленно прокляла

самовлюбленность агента 013...

— Знаешь, это ведь любимый кот нашего дорогого магистра. — Голос вдруг потерял уверенность и съехал на фальцет. — Меня отправят в подвалы на предмет исследования относительно лояльности к Сатане. Ибо именно он лишил магистра любимого кота...

— Гм... действительно, больше некому.

— В общем, мне конец. Фон Сальца сказал: если кот через час не вернется, я могу распрощаться... — Пара всхлипов, как будто незвано явившийся не в силах был продолжать дальше.

— С белым светом, — попробовал угадать Алекс.

— О нет, с моей наградой за военные заслуги, за храбрость и доблесть на поле брани — с кусочком, с щепочкой от креста, на котором был распят сам Спаситель! — Еще несколько всхлипов, грозящих перейти в неуправляемую истерику.

Знал бы ты, сколько ходит по Европе этих «святых» щепок...

— М-м, не знаю, что и сказать... Но думаю, что в ближайшее время блудный кот найдется. И у тебя не изымут... мм... истинную реликвию!

Когда дверь закрылась, я боком выползла из-под кровати. Агент 013 вылез следом, уверяя, что не мог допустить, чтобы его, профессора, владеющего шестью языками, хватал грязными руками какой-то небритый тип. И более того, неуважительно волок под мышкой, что, без сомнения, произошло бы, едва этот несчастный рыцарь узрел бы его восседающим на кровати. Время еще есть, он вернется к магистру сам...

— Ладно, друзья, кажется, мне пора идти. Увидимся завтра во время утренней мессы, — не без сожаления вздохнул котик, проскользнул в дверь и исчез в коридоре.

— Служба есть служба, — притворно вздохнула я, начиная раздеваться.

Алекс уставился на меня так, словно пришел на стриптиз. Мне пришлось подойти и собственноручно развернуть его носом к стенке.

— Так кто это оказался?

— Кто, что?! — встрепнулся Алекс, пытаюсь развернуться, но я, разумеется, не позволила. Что-то он в последнее время разлакомился, надо бы «укоротить поводок». Я юркнула под теплое одеяло, с наслаждением зевнула и повторила:

— Ну, про чудовище, кто это?

— Да не чудовище, скорее жертва... Давай расскажу завтра, это очень грустная история, а сейчас лучше...

— Милый, выпей холодной воды. Я знаю, что для тебя лучше сейчас...

— И что же? — страстно выдохнул он.

— Рассказать мне эту грустную историю, — с нажимом резюмировала я.

Алекс, вздохнув, присел на краешек кровати — пришлось подарить ему утешающий поцелуй. Он сразу все простил и замогильным голосом начал зачитывать указанную котом страницу.

Сказочка оказалась, хм... Лучше бы я не настаивала на ночь глядя. В общем, когда-то давным-давно, Мальборку угрожала серьезная опасность — местные деревеньки объединились и выступили войной против обосновавшихся на их землях наглых тевтонцев. Тогда, чтобы уберечь замок, который еще не был столицей ордена Креста, братья решили пойти на страшное преступление. Один особо образованный брат-ризничий нашел старинное заклинание, действующее просто безотказно.

Чтобы сохранить крепостные стены неприступными, они замуровали в одну из них ребенка, девочку лет восьми, купив ее у матери, бродяжки по имени Люцина. Личная жизнь у той не задалась, приданое пропил муж, да еще и помер потом. Так что столь чудовищная сделка, как продажа собственного дитя, была для нее абсолютно приемлемой. Монахи, обязанные по идее помогать любому страждущему, избавили нищенку от бремени, так сказать.

Мастера-каменщики, выполнявшие техническую часть работы, не смогли ее закончить — мастерки падали из их дрожащих рук. Все доделывал тот самый монах-ризничий, который

считал, что спасение родной цитадели важнее детской жизни.

Мальборк выстоял, его противники потерпели сокрушительное поражение, но в народе говорили: «Проклята будет сия твердыня, а прежде всего люди, приложившие руки к этому неслыханному злодеянию!»

Вот и вся сказочка на ночь — уснуть я уже не смогла и, переворачиваясь с боку на бок, с завистью смотрела на Алекса. Командор улегся на полу, мгновенно захрапел сразу после печального повествования. Только где-то через час до меня дошло, что он так и не открыл, какое отношение имеет этот ужастик к сегодняшним смертям в замке. Я уже собралась его будить и требовать ответа, как резко уснула сама и...

Нас поднял на ноги стук в дверь, кто-то из братьев надсадно орал, что в костеле заговорила статуя! О небо! Ни выспаться, ни умыться, ни красоту навести... Мы едва успели толком одеться и прибежать в числе первых. Хорошо хоть места заняли приличные, потому что посмотреть и вправду было на что...

Статуя какого-то бородатого святого, стоявшая на возвышении у стены, действительно вещала — ее речи гнусавыми раскатами отзывались под огромным куполом главного храма Мальборка. Как вы уже догадались, голос был безумно знакомым...

— Грешники, что вам вчера сказал великий магистр Альбан фон Сальца? Молитесь, просите святого Мурзика, и он поможет вам! Однако до сих пор я услышал только две-три разрозненных молитвы, где упоминалось мое имя. Причем лишь одна из них с должным почтением и пылом. На утренней мессе я ожидаю от вас большего благочестия и внимания к моей святости, надеюсь услышать молитвенный хор объединившихся душ!

— Это и вправду святой Мурзик? — прошелестело по рядам монахов.

— Кто же еще? Статуя сама по себе вещать не может...

— Братья, так, может, стоит заказать святому собственную статую? — предложил кто-то. — Наверно, ему не очень-то приятно вещать из головы Иезабора Пустынника.

— Но мы не знаем, как он выглядит?!

— Точно, пусть сделает милость, явится перед нами! Но если это чрезмерное желание с нашей стороны, пусть хотя бы приблизительно опишет свою внешность.

— О святой Мурзик, — начал один из самых опытных, — внемли нам, невежественным, и снизойди к убожеству нашему... Поведай, кто ты есть, как выглядишь, откуда появился и в чем заслуги твои перед Церковью, воистину Господь Бог не наградил бы тебя святостью, если бы ты не совершил святых деяний.

— Мур-рм, логично... Что ж, вы имеете полное право знать, что я имею четыре конечности, благообразен, усат и зеленоглаз.

— Значит, страдая за веру, он не потерял частей тела, как это обычно случается со святыми, — прошептал мне на ухо один монах. — Повезло ему, других калечили, так что без слез не вспомнишь...

Тут, надо сказать, народ понял, что происходит чудо и к ним обращается сам «святой Мурзик», и все повалились на колени, стучаясь лбами о каменный пол и не решаясь подняться. Мы с Алексом тоже для вида последовали общему примеру, решив не отделяться от коллектива. Соглядатаев везде хватало, не стоило рисковать и в открытую перегибать палку.

Между тем кот внаглую продолжал:

— Молитесь же, восхваляя мое имя, если не хотите гореть в аду! А я буду защищать вас от напасти и давать новые, научно обоснованные указания.

Наступила благоговейная тишина, все заворуженно ждали, будет ли продолжение. Поняв, что не будет, монахи рьяно ударились молиться. Текст был произвольным, периодически в него вставлялось имя «Мурзик» с эпитетами «святой», «благословенный», «избранный», «великолепный», что, несомненно, льстило кошачьему самолюбию. Пока все молились, этот злодей тихо выполз из-за статуи и юркнул в дверь, обойдя всех едва ли не на цыпочках! Я успела увидеть только торжествующе задранный серый хвост. Профессор по сути своей атеист, видимо, подобными штучками он выражает протест прогрессирующему

фанатизму. Ну и пусть развлекается, главное, что не с нами...

Когда «чудесная месса» закончилась, мы с любимым разошлись по объектам. Я направилась в библиотеку в поисках брата Нюрольда, невысокого монаха с щетинистыми бровями и рассеянным взглядом. Он был очень занят, но отделаться от меня не смог. Я туманно намекнула насчет легенды о замурованном ребенке, и библиотекарь сделал страшное лицо:

— Во-первых, это неправда! А во-вторых, если бы такое действительно произошло, то сохранялось бы в большой тайне от рядовых членов братства. Ибо все, кто имели хоть каплю благочестия, обязательно взбунтовались бы! А в-третьих, я сам тут всего полтора года, раньше работал писарем в замке Ливонского ордена, так что я непричастен!

Я подумала, что это странный ответ, по крайней мере очень подозрительный... На всякий случай уточнила, когда конкретно Мальборк пытались брать приступом. Библиотекарь, несомненно, знал что-то, но знание этого чего-то, судя по всему, здесь не поощрялось. Больше ничего выжать не удалось, к тому же брат Нюрольд стал интересоваться, откуда у меня такой приятный для мужчины голос? Пришлось хрипло ответить, что от отца, популярного чешского инквизитора...

Как же узнать, где все-таки замурован ребенок? Кот связался через микрофон, обещал порыться у магистра в документах, но пока еще найдет... Может быть, над воротами, это было бы логичнее всего, если уж эта жертва принесена для защиты от нападения. Но ворот здесь штук шесть, а то и больше, замок напоминает матрешку со все более усложняющейся системой охраны.

Конечно, в первую очередь надо бы проверить наружные стены, но как? Ходить простукивать? А если это захоронение находится на высоте выше моего роста, носить лестницу? И самое главное, даже если я что-то нашла — мне как, в особо подозрительных местах киркой ломать кладку?! Причем по возможности не вызывая подозрений... Боже, бред-то какой!

В конце концов, меня посадят за вандализм, и вполне справедливо — ведь замок представляет большую историческую ценность, сильно его портить жалко...

Задумавшись и ничего не замечая вокруг, я пару раз столкнулась с монахами, которые тоже были все в себе, только они размышляли о своих грехах, возвращаясь с исповеди. Как я потом заметила, в монастырской части замка все ходили с шишками на лбу — профессиональная травма из-за постоянного самосозерцания и слишком глубоких капюшонов. А потом меня нашел Алекс:

— Видел Мартина, кажется, с ним не все в порядке.

— Вэк?

— Да он просто сбрендил! Хватает меня за рукав, что-то шепчет насчет всеобщей готовности, требует данных для какого-то отчета за вчерашний и позавчерашний дни... Я поспешил от него отделаться.

— Понятненько, мальчик увлекся, — кивнула я и еще раз объяснила, что Мартин считает нас шпионами какой-то повстанческой армии, а себя зачислил в шифровальщики, чтобы наши отчеты в штаб не смогли прочесть враги.

— А что-нибудь менее взрывоопасное ты не могла ему предложить?

— Не будь занудой, готовь отчеты, — улыбнулась я, — ты держишь мальчишку без работы во благо родины! Надо поощрять в молодежи чувство патриотизма...

— Слушай, Алина, мы и так здесь уже третий день, дел полно, давай не отвлекаться на шпионские страсти. У нас только-только начало что-то проясняться.

— Милый, но мы и трудимся не для себя, а для другой фирмы. Нам-то что, пусть ждут, пока не наиграемся! Как представлю недовольную рожу того рыжего типа, директора Монстроисследовательской Базы, сразу на сердце так легко-легко...

— Хм, так тебе тут нравится? — Алекс демонстративно отвернулся от меня, дабы никто не заметил, что рыцарь с монахом едва ли не обнимаются, стоя нос к носу. В принципе не редкость, но...

— Да, тут неплохо, еще и кот спит отдельно, что приятно! Келья у нас потрясающая, просторная и, главное, комфортная — на каком еще задании, кроме Шотландии, мы жили в таких потрясающих условиях? Вечно то на шкурах спать приходится, то в гостинице, заселенной клопами, то на досках голых... И на Базе наш дурацкий минимализм уже достал, спартанство — это не мой стиль.

— К роскоши привыкаешь быстро. Если хочешь, после свадьбы я обставлю нашу комнату в стиле Людовика Пятнадцатого.

— О-о да... и кровать со столбиками!

— Все что захочешь!

— А правилами это разрешено? — засомневалась я. — Что-то не замечала, чтобы кто-нибудь на Базе для начала поменял железную кровать на раскладной диван и пуфики. Только хоббиты живут как хотят — понаделали норок и поселились в них, как в заповеднике.

— Эти маленькие бунтари никогда не подчинялись чужим правилам, — согласился Алекс.

Мы перешли во двор Верхнего замка, усевшись на противоположных концах скамейки рядом с колодцем спиной к спине. Как бы мне тут ни нравилось, но пора закругляться. Дух профессионализма (или просто совесть?) всячески изводил меня, намекая на неумолимые сроки.

Из галереи вышел брат Нюрольд, встав под навесом, он огляделся и начал призывно строить глазки.

— Чего это ему надо? — лениво заметила я (полуденная жара мешала думать).

— Кажется, он тебя зовет, меня-то он не знает, — задумчиво отозвался Алекс, доставая лист пергамента и авторучку.

Судя по всему, командор решил заняться придумыванием шпионских данных для отчета Мартина, не желая разочаровывать паренька. Я встала, потянулась до хруста в суставах и подошла к изнывающему библиотекарю.

— У меня есть сообщение! Скоро опять кто-то погибнет.

— Мм-м, интересно...

— Это произойдет сегодня ночью! У меня дар предвидения, — жарко зашептал он.

— Интересно, почему вы говорите об этом именно мне?! Не лучше ли предупредить всех? — подозрительно уточнила я.

Брат Нюрольд и так был немолод, но сейчас показался мне лет на десять старше, чем когда мы разговаривали с ним в последний раз.

— Его найдут в колодце, — не слушая меня, поспешно продолжал он, а потом поднял на меня неожиданно спокойный взгляд. — Я и предупреждаю всех! Знаешь, сколько раз мне приходится повторять каждое пророчество?! И хоть бы кто толком выслушал! Для чего высшие силы дали мне этот дар?..

У меня вытянулось лицо — вот только кликуш нам тут не доставало!

Библиотекарь меж тем рванулся в сторону арки и, поймав молодого монаха, стал что-то ему страстно нашептывать. Тот выслушал его с мрачной вежливостью, вырвался и, проходя мимо, устало пожаловался:

— Этот брат Нюрольд уже всех достал своими предсказаниями. Хоть бы раз четко и определенно сказал, кто умрет. А то переживай тут...

— Сочувствую, — на свою голову поддержала я.

Монашек обрадовался и пустился перечислять:

— Смерть госпитальера он предсказал за месяц вперед, брата Коциуса — за две недели, еще двое приезжих братьев умерли спустя восемь дней... Причем имена были неизвестны, даты смерти приблизительны, каждый из нас дрожал не одну ночь. Сплошные нервы! Только в ночь смерти брата Скальпелюнга все вздохнули свободно, испытали великую радость, хоть и грешно это было... Думали, все, а он тут как тут с очередным пророчеством!

Общий сценарий был уже вполне понятен, поэтому я поблагодарила и сбежала, подсев обратно к Алексу. Брат Нюрольд, не теряя времени, грузил всех по очереди, от него

шарахались, зато на нас никто не обращал внимания. Алекс поставил жирную точку в конце отчета, встряхнул пергамент, исписанный мелким, аккуратным почерком.

— Все, пора приступать к делу. От агента 013 известий мы, похоже, не дождемся, поэтому движемся самостоятельно. Что у нас находится в башне над входными воротами? — Мой любимый решительно поднялся с места.

— Э-э, ничего над воротами башни нет.

— Как нет?

— Так, если тебе непременно нужна башня, то она в стороне, метрах в тридцати. И кстати, пока не забыла, нам нужно похоронить череп, или ты его как сувенир оставишь?

— И в мыслях не было, — фыркнул командор. — Но давай ближе к теме, если над воротами нет башни...

— С Северного входа нет, там одни сплошные стены, толстенные. Не веришь — пойдем, посмотрим. Если что непонятно, спросим у стражников — может, они знают?

Алекс кивнул, но попросил, чтобы я шла шагов на пять сзади. Обидно, но правильно, мы и так постоянно светимся вместе.

Неожиданно на пути нам попался Мартин.

— Господин, ты говорил, что отчет у тебя готов? — возбужденно вопрошал переписчик. — Вот я и жду-жду. На шифровку еще времени уйдет уйма, а руководство повстанцев должно получать отчеты вовремя!

— Прости, пришлось внести кое-какие упущенные детали, — с серьезным видом ответил Алекс, незаметно сунув ему в руку пергамент.

Мартин быстро спрятал его за пазуху, огляделся по сторонам:

— Все будет сделано, мой господин! Думаю, мне стоит для конспирации по-прежнему говорить «господин», ладно? Но мы соратники, я это знаю, и придет время, когда мы будем называть так друг друга в лицо, — торжественно проговорил паренек, стукнув себя кулаком в грудь. Потом заговорщически подмигнул и побежал «работать»...

А мы пожали плечами и пошли к выходу из Верхнего замка. В длинном тоннеле с переходами было темно и прохладно после жаркого солнца снаружи — наступило бабье лето (надеюсь, операцию мы закончим до холодов). На минутку остановились у стены, я обняла любимого за шею и с наслаждением расцеловала. В любой момент здесь мог кто-нибудь появиться, и поцелуи получились слишком уж коротенькими. Алексу было бы обидно, если б его приняли за рыцаря с нетрадиционной ориентацией...

— Ладно, с чего начнем? Будем простукивать стены? — с нарочито живым интересом спросила я, чтобы хоть немножко настроиться на дело.

— В работе суперагента много рутины, — как-то неутешительно ответил он, вытащил кинжал и принялся простукивать стены рукояткой.

Я пошла вдоль другой стены, не в силах наблюдать столь бездарное разбазаривание наших сил и времени. Обязательно должен найтись другой, более осмысленный способ. И котик молчит, подсказал бы что...

— Ай, ты чиго там делаишь, шайтан?! — Из-за угла выглянул удивленный стражник.

Алекс сделал вид, что просто прогуливается...

— Смотрим, как здесь сильно кирпич осыпается, — развернувшись, вступилась я. — Великий завхоз собирается заново оштукатурить весь коридор, чтоб перед туристами не стыдно было. А вам новую форму выдадут, если в смету уложатся, с рюшечками и помпонами!

— Ай-я, дуслар, слыщили?! — стражник радостно обернулся к своим товарищам. — Новый плащи и щлимы дадут! Только их, щлимы, круглый хотим. Квадратный непривышно, башка совсем болит... Круглый давай!

— Это она новую форму принимает, — втихую съязвила я.

Мы вышли из тоннеля, перешли мост и с интересом уставились на кирпичную стену над воротами.

— Думаешь, они полезли бы на такую верхотуру?

— Мы обязаны проверить все. Если ты встанешь мне на плечи, то как раз сможешь дотянуться до...

— На мне ряса, нахал!

— Я могу не задирать голову, — милостиво согласился командор.

— Ой, спасибо! Подожди, брат Нюрольд намекал, что даже если это и было проделано, то в большой тайне от всех. А если бы строители поставили леса, полезли наверх и долбили стену, вся округа сбежалась бы поглазеть и поучаствовать!

— Умница, — беззастенчиво отвернулся Алекс. — Значит, метод простукивания не сработал.

Но нам на всякий случай под одобрительными взглядами стражников пришлось еще поколотить стены справа и слева от ворот. Опять ничего, но мы особо и не рассчитывали — все было бы слишком просто.

Я устало присела на замшелый валун, уставившись в сторону городка. Среди деревьев краснели черепичные крыши зданий, виднелись серые стены, возвышалась парочка шпилей, наверняка костел и ратуша. Вот где-то там настоящая беззаботная жизнь... Тихое средневековье, незагазованный воздух, маленькие ярмарки, натуральные продукты — благодать!

Алекс поймал мой тоскливый взгляд:

— Слушай, Алина, а давай прогуляемся в город? До обеда еще полно времени.

— А задание? — с надеждой протянула я.

— Мы и отправимся по заданию, может, что-то подслушаем на рынке или в трактире, а может, просто на свежем воздухе в голову придут свежие мысли.

— Пешком?

— Ты про то, как придут мысли?!

— Я про то, как мы отправимся!

— Нет, пешком нельзя, это непозволительно рыцарям моего ранга. Поедем верхом, надеюсь, до ночи ничего непредвиденного не случится...

— Да, а если и случится, то уже предвиденное, — согласилась я, памятуя о предсказании библиотекаря.

Мы бодренько вернулись во двор, предвкушая скорую прогулку, но на конюшне возникли проблемы. Жеребец командора был в полном порядке, а вот моя ослица с выпученными глазами лежала на боку, громко икая. Все признаки переедания налицо! Недоумевающий Мартин честно доложил, что кормил бедное животное согласно моим начальственным указаниям...

Алекс напоил коня, ослицу я заботливо укрыла мешковиной, наш «слуга-шпион» с гордым видом протянул нам законченную шифровку. Ох, лучше бы хозяйством занимался! Заставлю его вечером моей бедняжке клизму ставить!

Пришлось брать лошадь напрокат, в соседней конюшне лошадок охотно давали за умеренную плату. Мартин, увязавшийся следом, бежал, держась за мое стремя, тархтел, что в городке есть любительский театр и три действительно хороших трактира. Он непременно туда нас проводит, потому что в плохом трактире запросто ограбят и убьют, а тело спустят в подпол, ведь люк находится прямо за стойкой у трактирщика. Романтика-а-а...

— Только там нет ячейки повстанческой армии, если вы хотите вступить в контакт с соратниками.

— Мы знаем, кому передать шифровку, за этим и едем, — важно сказала я. На самом деле хотелось поскорее развеяться и узнать, какие слухи ходят в народе о таинственных смертях в Мальборке. Думаю, эти события волновали поляков, живших на землях ордена, ничуть не меньше, чем самих тевтонцев.

— А как называется городок?

— Тоже Мальборк.

Вблизи город оказался не столь аккуратненьким, обнесенным грязными стенами над заросшим тиной рвом. При въезде с нас содрали въездную пошлину, когда мы проходили

через мост, — мостовую пошлину, при входе в каждый квартал здесь взималась квартальная пошлина, у входа на рынок, соответственно, рыночная. Алекс, как крестоносец, разумеется, ничего не платил, а вот нас с Мартином обобрали без зазрения совести. Платила, разумеется, я, но за двоих...

— Эй, у меня уже не такое радужное настроение, как вначале, — ворчала я, отдавая очередную монету за проезд на церковную площадь. Историческое и культовое место — здесь жгли еретиков, по праздникам даже оптом.

Мартин чувствовал себя как рыба в воде, кричал, приценивался, шнырял взад-вперед, к тому же чуть ли не каждый встречный был его знакомым.

— И почему я не княгиня, а всего лишь бедный монах? В Англии мне понравилось играть королеву, может быть, еще не поздно и...

— Поздно! К тому же в этом вопросе возникли бы неприятные сложности. Польскую королеву тевтонцы не уважают, а всех остальных вообще в грош не ставят. Можешь опять переодеться в пленную сарацинку...

— Дудки! А где у нас тут магазинчики, мне срочно надо что-нибудь купить, для настроения...

Рынок располагался на центральной площади города, довольно маленькой, но деловой донельзя. Ровно посередине возвышалась красная ратуша с огромными часами с кукушкой. Вы не поверите, но там и вправду была кукушка, причем размером с целую овцу! Народ, кстати, никогда не стоял под часами, когда она начинала куковать, — жердочка, на которой выскакивала птичка, была слишком тонкой... Словить такой дурой по башке никому не улыбалось.

Мы прошлись по рыбному ряду — я невольно вспомнила о Профессоре и его страсти к селедочному рассолу. Покупателей было немного, зато хватало вороватых котов, никогда за рыбу не плативших.

— Шуки в Ногате почти перевелись, а лицензия все дорожает, — пожаловался рыбак, косясь на нас недоверчивым взглядом.

Алекс отошел в сторону, а меня что-то удержало...

— Ты что, покупаешь лицензию? — недоуменно откликнулся его сосед по прилавку.

— Еще бы! Меня уже пять раз ловили за ночной ловлей, а плети у крестоносцев суровые...

— Да уж, эти злодеи не терпят, когда кто-то нарушает их законы, кроме них самих! А где лицензию-то выдают?

— В Мальборкском замке, обратись к стражнику у ворот, он тебе объяснит и пропуск выпишет.

— Нет, я сам туда и ногой не ступлю, дурное это место. Мой брат вчера пшеницу в замок отвозил, так говорит, будто бы теперь там басурманских девок держат, которые ко всем с расспросами пристают!

— Вэж... — Я пониже опустила капюшон, но не ушла, пока не дослушала до конца.

— Да, а среди сарацинок, между прочим, очень красивые женщины попадают. И бесовские танцы они животом так танцуют, что честные поляки потом на собственных жен и смотреть-то не могут!

— Точно, колдовской силой они обладают. Брат говорил, будто хотел соврать, как народ тевтонцев любит, да не смог! Зачаровала басурманка... Теперь он дома сидит, ареста ждет.

Подоспевший Мартин подмигнул, кивая в сторону болтунов, я молча показала ему кулак. Но парень не обиделся, наоборот, начал шумно заливать кому-то из знакомых, что устроился на приличную работу, а в недалеком будущем подумывает купить себе бархатный кафтан и открыть собственную переписную лавку.

— Что ж, люди одинаковы во все времена, — проворчала я, скрывая улыбку. Теперь мне тут нравилось, средневековый Мальборк в чем-то напоминал мне мой родной городок.

Алекс обернулся в седле, дожидаясь, пока я подъеду:

— И как тебе здесь?

— Знаешь, довольно мило. Городишко, конечно, маленький, но жизнь тут просто кипит, — высказала свое мнение я.

— Да ну?! На данный отрезок времени это крупнейший город в северной Польше.

— А Гданьск?

— Большая рыбацкая деревня.

— В самом деле? О, тогда да, действительно впечатляет...

Командор только покачал головой — в отсутствие кота он выполняет его функции, периодически тыкая меня носом в мою же необразованность. Ну понятно, в древности, наверное, города были поменьше, но не всегда же! Вот хоть Александрия первого века до нашей эры — каков размах, а?!

Больше на рынке мы ничего интересного не услышали, хотя я попыталась задавать людям наводящие вопросы. Но почему-то после фразы «Кто убил тевтонцев в замке?» народ в городке сразу оказывался глухонемым или быстробегающим. Разговор явно не клеился...

— Как время летит, уже и обедать пора, — заметила я, прислушиваясь к подскакивающей кукушке на городских часах.

— Обедать? Но еще не вечер, — удивился Мартин. Как средневековый человек небогатого сословия, он привык есть только дважды в день.

— Это в интересах дела, шифровки положено передавать на дне грязной посуды, в жиру и соусе, чтобы никто не догадался!

Пришлось врать, и наш доверчивый служка быстро определился с дорогой в один из приличных трактиров.

— Пойдемте в «Саламандру и грифона», там готовит Эдита, лучшая девушка во всем Поморье. Она подает самый жирный фляки — суп из неочищенной требухи! А еще бигос из кислой капусты с переваренным в кашу мясом и душком! Черную кровяную колбасу, набитую свиным жиром и круто сваренным пшеном! И смалец, ум-м-м, объеденье...

— Что такое смалец? — едва подавив первый позыв к тошноте, уточнила я.

— Охлажденные свиные выжирки со шкуркой!

— Вэк...

— Успокойся, — вовремя поддержал меня в седле Алекс. — Ничего страшного, просто национальная польская кухня.

Мы все-таки поехали в это страшное заведение, потому что спросить, что подают в «менее приличных» трактирах, я не рискнула.

По пути, кстати, заглянули в один из переулочков, там проходило какое-то собрание молодежи. Толпа, человек тридцать, раскрыв рот, слушала стоящего на табурете старца. На нем была надета черная мантия с широким белым воротником и темно-синий берет на голове.

— Это студенты, Краковский университет прислал своих наставников, дабы учить философии всех желающих. Ну и конечно имеющих деньги... — поспешил показать образованность наш парень.

— Филиал? Выгодное дело, наверное.

— Еще бы, они таких, как ты сказала, филиалов, чуть ли не в каждом городе по пять штук понаоткрывали! Сейчас учитель преподаст им основные доктрины, соберет деньги и выдаст докторские дипломы на руки. Потом им еще устроят день первокурсника и выпускника одновременно!

— И все?! Диплом доктора философии Краковского университета за пять минут, без лекций и без экзаменов? Круто!

— Оттачивайте искусство рассуждения, познавайте себя, постигайте суть вещей и наполняйте каждый миг вашего существования глубоким смыслом единства со Вселенной, — веско сказал преподаватель, обозревая конспектирующих «студентов», а потом действительно пошел собирать серебро. «Диплом» представлял собой красную печать, проставляемую на ладони уплатившего. Я вспомнила годы своей учебы и тупо молчала всю

дорогу, задыхаясь от зависти...

Наконец мы свернули в переулочек и вскоре были у дверей трактира. На вывеске тощий грифон в скудном оперении с грустным упорством пытался расклевать огненную ящерку, которая смотрела на него обреченным взглядом.

Внутри оказалось довольно уютно, все в деревенском стиле кантри, стены — беленая глина, остальная обстановка из натурального дерева, покрытого темным лаком. Присмотрели столик в уголке, народу было немного, а меню на удивление столь разнообразным, что я выбирала с истинным наслаждением:

— Жаркое из куропатки, пирог с грибами, говядину с чесночной подливкой, гусиный пахтет, салат из морепродуктов, а на десерт дыню со взбитыми сливками! А к чаю, пожалуй, корзиночки с барбарисовым вареньем...

— Милая, ты не...

— Любимый, если не наемся, то закажу еще что-нибудь, — поспешно успокоила я, и командор в ужасе начал пересчитывать монеты.

Хозяйка, упитанная, розовощекая девушка с толстой косой, видимо, та самая Эдита, выслушав мой заказ, громко хмыкнула:

— Ничего этого нет!

— Как нет, а почему же тогда...

— Для завлечения приезжих! Честные поляки едят простую пищу — фляки, колбасу с кровью и смалец.

— А какой-нибудь овощной супчик? — жалостливо пискнула я.

— Капустняк! — безапелляционно отрезала девица. — И пиво для господина рыцаря?

Алекс поспешил кивнуть, а Мартину, похоже, было все равно, что есть, лишь бы принять тарелку из рук «прекрасной Эдиты».

Что называется, повезло так повезло... Наш проводник, извинившись, пересел к стойке, за которой стояла его суровая любовь, разливавшая по кружкам пиво. Пока мы терпеливо ждали заказа, дверь трактира приоткрылась и в нее протиснулась слегка сутулая фигура худощавого рыцаря в полном облачении. Он робко обозрел зал, прикидывая, куда бы сесть. Увидев Алекса в плаще тевтонца и меня в монашеской рясе, он отбросил сомнения:

— Простите, пожалуйста, можно к фам? А то тут много подозрительных личностей, рыцарям лучше держаться фместе, если будет драка!

— Прошу, брат. — Командор гостеприимно указал свободное место на скамейке, даже немножко подвинулся, чтобы странный рыцарь не стеснялся. Тот немедленно уселся, приставив щит к стене, а меч зажав между ног, и с печальным видом представился:

— Янис Труссефеден из Жемантии, происхожу из рода феликих князей Литофских.

— А я Ансельм фон Ютингем, немец, тевтонец. А это мой друг, юный монах нашего ордена, брат, э-э, Альберт.

— Очень рад, — кисло улыбнулся Янис, с тревогой косясь на немногочисленных крестьян и горожан, завсегдатаев трактира.

Мартин сидел у края стойки и, не замечая никого вокруг, напропалую клеился к Эдите, которая, по-прежнему поджав губы, никак не реагировала на отчаянные старания парня.

— Интересный у вас герб, — не выдержала я, глянув на его щит: белый журавль, стоящий на одной ноге на зеленом фоне.

— Да-а, кто-то предпочитает льфоф как символ отфаги или единорогоф как симфол непобедимости. Но наш род изначально стремился к бдительности и осторожности, что и олицетворяет журафль, — охотно прокомментировал он и, не раскрывая меню, заказал колбасу и пиво.

— Сначала у нас был дефиз «Надеяться особо не на что», а теперь «Жизнь превыше фсего!».

— Обычно говорят «честь превыше...».

— А по-моему, жизнь ценнее, — логично заметил рыцарь.

Я не слишком обрадовалась, что в наше общество вторгся третий, мне с Алексом и так

хорошо вдвоем, плюс воспетый менестрелями XIV век... Сколько бы мы ни кочевали по мирам и эпохам, некоторые времена отложились в моем сознании как романтические — эпоха рыцарства, куда уж более романтично? Тем паче кота нет, можно хоть чуть-чуть, но... и тут облом!

Этот Труссеведен раздражал уже тем, что не очень-то обращал на меня внимание. Я всем своим видом показывала, что он тут лишний, забыв одно — рыцарей, как правило, не волнуют внутренние переживания простого монаха. Они их даже не замечают. Зато Алекс купил литовцу вторую кружку пива, и неожиданный гость постепенно разговорился...

Получалось, что в роду Труссеведенов были исключительно паладины, в крайнем случае, именитые оруженосцы великих королей. Типа простые рыцари-крестоносцы практически не попадались, а те редкие, что были, возвращались из Святой земли сказочно богатыми.

Завистники то и дело захватывали земли Труссеведенов, жгли их владения — родовой замок дяди горел каждый год, чем побил рекорд по поджогам во всей Литве! Земли потом кое-как отвоевывали, замки отстраивали, завистникам мстили, и все начиналось сначала. Такая вот типичная жизнь средневекового феодала. Я начинала зевать...

Рыцаря прервала все та же Эдита, бухнув на стол две тарелки капустного супа и блюдо с черной колбасой.

— Соль закончилась, — радостно сообщила она и, вытащив полную горсть пепла из кармана фартука, поинтересовалась: — Прикажете посыпать золой?

Вэк?!

— Э-э, не стоит, — быстро произнес Алекс, прикрывая наш суп.

— А мне посыпь, — повелительно произнес Труссеведен, пододвигая свою тарелку. — Да не зажимай, давай побольше!

— Зола часто заменяла дефицитную соль, — на ухо пояснил мне Алекс.

— Поняла уже, — проворчала я, хлебнула супчика и чуть не задохнулась. — Ну и острый, ма-ма-а...

— На приправах не экономят, чтобы скрыть вкус плохой еды, — вздохнув, подтвердил командор, но откусал с большим аппетитом.

К супу подали черствые просяные лепешки, хотя в замке белый хлеб был чуть не к каждой трапезе.

Труссеведен хотел уже вернуться к своему повествованию, но тут какой-то нищий в лохмотьях, босой и с подбитым глазом, шагнул в двери, принялся и завопил. Причем на первый взгляд полный бред, но как проникновенно!

— Выслушайте меня, почтенные господа! Когда я, совершая паломничество, изнемог от голода, то на пятый день откопал белую глину, просеял сквозь пальцы и налепил вкуснейших, жирных оладьев! На следующий день мне повезло больше: увидев чахлую смоковницу, я дорылся до ее корней и с жадностью грыз их! Пил я, господа, собственную кровь!

— Ну и?.. — воспользовавшись паузой, спросил кто-то.

— Как же вкусна и аппетитна ваша еда, подаваемая в трактире «Саламандра и грифон»! — взвился бедняк. — Нечищенная баранья требуха — это нектар по сравнению с жареными крысами — мне довелось их есть, когда во время чумы был сожжен город, в котором я жил. Ешьте же с удовольствием то, что перед вами на столе, что дал вам Господь, и будьте благодарны, ибо это вкуснейшие из яств! Особенно по сравнению со сдохшим верблюдом, кости которого мне пришлось глотать в аравийской пустыне...

И так далее, и тому подобное, и в том же духе! Короче, меня чуть не стошнило, но остальные посетители набрасывались на еду с гораздо большим аппетитом. Эдита довольно кивала, красноречивый нищий явно был нанят ею исключительно в рекламных целях и работу свою знал.

Особенно хорошо прозвучала история о том, «как я варил полевых мышей, когда терпел голодный мор вместе с жителями турецкой Акры!». Он и туда добрался, Макарович...

— А откуда в городе оказались полевые мыши? — не выдержав, громко спросила я: после слов нищего капуста и мне показался безумно вкусным.

— Их заготовили на случай осады, святой отец! Я как раз хочу рассказать об этом поподробнее. Итак, три тысячи мышей мы порезали тонкими ломтиками, после чего...

Да, рекламные рычаги здесь совершенно иные, но действуют же! Алекс с непонятным упорством опять подливал пиво Труссведену, которого уже чуточку развезло.

— Так фот, это фесьма прискорбное событие фынудило меня пять лет профести фдали от родового гнезда. Но самое большое несчастье постигло моего отца... Однажды феликий князь Литофт и мазофецкий князь Полячек решили объединить фойска и фыступить протиф рыцарей-тефтонцеф. Не обижайтесь, брат Ютинген, но политика есть политика...

— Я нисколько не обижаюсь, продолжайте, прошу вас, — доброжелательно протянул командор, преследуя свои цели. Мне тоже пришлось наострить уши, интуицией Алекса пренебрегать не стоит...

Вкратце рассказ получился следующим.

Решив объединиться, князья договорились связать своих детей браком — обычное дело, в Средние века иначе просто не доверяли партнеру. Поначалу они друг другу понравились и даже подружились: литовцы устроили у себя неделю мазовецкой культуры, а поляки — неделю литовской. Князья часто встречались, ездили в гости, жаловались на тевтонцев, которые успешно грабили и тех и других.

Потом отношения немножко охладели, оттого что на охоте Литовт увел оленя из-под носа Полячека, на что тот обиделся, поскольку охота была в его лесу и олень был его законный. Короче, чтобы никто из них не соблазнился в последний момент предать товарища, они, как я уже говорила, решили поженить своих детей.

И вот в назначенный срок, следуя уговору, литовский князь отправил свою маленькую дочь с вооруженным сопровождением в Мазовию, где ее ждал юный сын князя. Несчастный отец Яниса как раз и был в том сопровождении, что должно было охранять девочку. Но по дороге в лесу на них напали рыцари в черном и убили всех! Одному только господину Труссведену удалось выжить, он не получил ни одной царапины, наверно, опять помогли семейный герб и девиз...

— А ребенка нашли? — хриплым от подкатившего к горлу кома голосом спросила я.

— Нет, следы ее канули в Лету, никто не смог отыскать загадочных похитителей. Нафэрно, это были разбойники.

— Но вы же сами сказали, что это были рыцари?

— Отец не мог их хорошенько рассмотреть — мешала слишком густая листва ф орешнике, — нахмурился литовский рыцарь. — Фозможно, он что-то перепутал, но с тех пор папе так не фесло почти фо фсем...

— Что же он делал в орешнике в то время, когда должен был драться за маленькую княжну?! — не выдержав, вскочила я.

Янису такой вопрос совсем не понравился, он пробурчал в кружку что-то о зарвавшихся монахах, но, слава богу, невнятно. Произнеси он это чуть отчетливей, и я бы точно ахнула его по макушке тарелкой из-под супа!

Конечно, после этого никакого объединения не произошло. Тем более что кавалькада уже доехала до Мазовии, и трагический инцидент произошел на ее территории. Поэтому безутешный отец возложил вину на князя Полячека, который, по мнению Литовта, на своей-то земле должен был убереечь невесту сына! Что, в принципе, справедливо...

Мы с Алексом переглянулись, кажется, эта история имеет самое прямое отношение к нашему делу, хотя пока непонятно какое. Эдита наконец обратила свое благосклонное внимание на Мартина, бедняга от радости даже забыл о нас, и мы под шумок удрали.

— Ну и ладно, не будем мешать юноше в опытах первой любви, — умудренно заключила я. — Тем более что нам уже пора возвращаться в замок.

— От агента 013 вестей никаких, поэтому спешить некуда, погуляем еще, — предложил Алекс, с интересом рассматривая вывеску оружейного магазинчика чуть дальше

по переулку. — Думаю, тебе стоит приобрести какой-нибудь небольшой кинжальчик — монахи ордена тоже не ходят без оружия.

Пока соображали, куда двинуть дальше, следом за нами вылез и рыцарь Янис, у него масса времени, и он тоже не прочь прогуляться за компанию. Особенно под охраной такого могучего тевтонца...

Я поскрипела зубками, а потом вспомнила, что эта область Польши издавна славилась суконным производством, производя ткань самого высокого качества по всей Европе. Значит, отправляемся на поиск суконной лавки, уж там этот нудный рыцарь от нас точно отстанет. Нет таких мужчин, чтоб выдержали поход по рядам ситчика и батиста... Наши лошади поскакали бодренькой рысью, пегая кобылка Труссеедена не отставала.

— Хорошо, что Мартин с нами не пошел, скажем, что передали тайную шифровку без него, — тихо порадовался Алекс, похоже, он, как и я, успел привязаться к мальчишке и не хотел его огорчать.

— Избалуем ребенка!

— У фас есть дети? — тут же влез литовец.

— Откуда, мы еще только обручены... — ляпнула я и едва не прикусила язык. Вот на таких мелочах и ловят самых-самых профессиональных оборотней!

— Я не расслышал, как фы сказали... Ой! Кто это, черти?!

— Где? — ахнула я, лихорадочно вцепившись в распятие на груди. Нет, честное слово, с дальнего конца улицы нам навстречу, покачиваясь, двигались три фигуры, похожие на демонов с рогами.

— Фы фидели, фидели?! Это действительно черти, или я перебрал дрянного пифа? — воскликнул Труссееден, бледнея, но хватаясь за меч.

— Ничего, нас трое, отмашемся! — всполошилась я, хлопая себя по бокам в поисках бластера.

Тьфу, что за бред?! Какие черти, какой бластер, мы вообще где?!

— Спокойно, это же студенты, которых мы видели сегодня, — сочувственно вздохнул командор, присмотревшись, прежде чем паниковать.

Пьяная в никакую троица, чудом держась на ногах, профланировала мимо нас, коряво распевая «Еще Польша не згинела-а!».

— У них день первокурсника, а рога — символ глупости и дурачества! Мартин же говорил, помнишь?

Точно, теперь я живо вспомнила слова Мартина и с негодованием уставилась на литовского рыцаря. Это он выставил меня полной дурой!

— Черти мерещатся, да? А вы психиатра давненько не навещали?!

— Уфы, мне достаточно часто дофодилось фстречаться с чертями, — обиделся Янис. — И пифо было дурное! Я не знаю, кто такой психиатр, но как ты разгофарифаешь с рыцарем, заносчифый монах?!

— Как хочу, так и... Алекс, ну какого фига мы его за собой таскаем?!

— Хватит, хватит, — вступился командор, встречаая между нами. — Благородный Труссееден, дело в том, что брат Альберт — ближайший друг и сподвижник нашего магистра. Фактически они вместе управляют орденом, поэтому будьте осторожнее, а вы, брат, чуточку сдержаннее.

— Осторожность — это мой дефиз! Между мной и фашим монахом назревал жестокий конфликт, но я не хочу неприятностей для моего князя. — Этот сноб смерил меня высокомерным взглядом.

— Ладно, замнем международный скандал.

Что-то нервы сдают, скоро даже на своих гавкать стану. Нет ничего более раздражающего, чем затянувшееся задание... Во искупление я нежно улыбнулась литовскому рыцарю, но тот шарахнулся и забормотал молитву.

Командор покачал головой и тихо попросил:

— Любимая, у тебя многообещающая улыбка инквизитора, — и, старательно

игнорируя мой испепеляющий взгляд, громко добавил: — А вот и суконные ряды, лавка «Ткани и фурнитура», ты это искал, брат?

Действительно, узкие окна были сплошь завешаны разными отрезами, на отдельной витринке — красивые панно с пейзажными зарисовками и небольшие гобелены на религиозные темы. И венец всему — коврик с круглой прорезью посередине (не знала, что в это время использовали в туалетах такие аксессуары) с запечатленной во всем своем великолепии главной местной достопримечательностью — Мальборкским замком! Вот говорите потом, что у побежденных поляков не было чувства юмора. Черного юмора...

— Извините, но мы закрываемся. — Здоровенный дядька в простом платье, видимо хозяин лавки, вышел закрывать ставни.

— Э-эй, у вас же написано: «От рассвета до заката»! — ткнула я пальцем в вывеску на двери.

— Да, но не по пятницам. Пятница — день протеста!

— В каком смысле?!

— По пятницам мы, суконщики, выражаем протест против обложения нас дополнительными налогами и повышения старых. Поэтому или не торгуем вовсе, или сбываем лежалый товар. Не рекомендую... — честно предупредил мужик, проследив за моим жалобным взглядом, брошенным на коврик с прорезью.

— А как же тогда...

— Через час приходите на главную площадь, если хотите послушать наши лозунги.

— Но мы не...

— Тогда приходите на воскресное собрание после церкви в качестве сочувствующих, вижу, вас трогают наши проблемы.

— А если я очень хочу купить...

— То после собеседования вас запишут постоянными членами «Братства суконщиков». Взнос — чисто символический, но ежедневный.

— Вы нас не поняли, я...

— Спасибо за внимание, до завтра, господа. Лавка всегда открыта для добрых покупателей. — Вежливо поклонившись, суконщик захлопнул двери перед самым моим носом. Вот вам и весь частный бизнес во всей красе. Нет, конечно, история движется по спирали, люди не меняются, это все я понимаю... Но не настолько же!

— Пожалуй, мы что-то загулялись. Пора бы уже домой, а то магистр хватится, — заметила я, вопросительно глянув на Алекса. Тот кивнул, на прощание протягивая литовцу руку.

— Не спешите, друг мой, я профожу фас до ворот. Очень рад, что мое пребывание в этом городе было озарено знакомством с таким благородным рыцарем, — чуть не со слезами на глазах признал Труссеведен (моя личность при этом полностью игнорировалась). Я сосчитала до десяти и ни на кого не обиделась, всем повезло.

Мы развернули лошадей и проскакали всего минут пять, как уперлись в маленького, бедно одетого старичка с палочкой, преградившего дорогу. Он таращился на нас таким восторженным взглядом, словно впервые увидел в одной компании монаха и двух рыцарей.

— Господа, Провидение привело вас сюда! — с надрывом воскликнул старец и подслеповато прищурился. — Но нет, неужели и на этот раз мои слабые глаза меня подвели... Голос сказал мне: «Под вечер углядишь монаха ты с тевтонцем, по пыльной улице бредущих вслед за солнцем. Случится лишь сие, беги скорей за ними и приведи ко мне, измазанных в малине!»

— Вэк? — вытаращилась я.

— Видимо, это поэзия, — недоуменно откликнулся командор. — Но при чем здесь малина?

— Э-э, у фас сзади белый плащ действительно ф каких-то красных пятнышках. Наферное, где-то измазались, в этих польских трактирах никогда толком не фытирают лапки...

— Но предо мной два рыцаря, один лишний, — так же надрывно продолжил старичок. — Как же отличить тевтонца от...

— Вот этот — лишний, — я без раздумий показала пальцем на Труссеведена. — Он к нам по дороге пристал и не отстает ни в какую...

— Я бы попросил фас!

— Но голос обещал помощь бедному старику из рук монаха и тевтонца. Другие сочетания не принимаются. Кто же теперь освободит меня от злой напасти?

— Ладно, какие проблемы, дедушка? — Не то чтобы я такая уж альтруистка, но разобраться-то надо. Тем паче что и вправду пора обратно в замок. А то пропустим гибель очередной жертвы, которую, по идее, мы обязаны предотвратить.

Старик оглянулся, приподнялся на цыпочках и, цапнув меня за подол рясы, хрипло выдал:

— В моем доме поселилась нечистая сила! Такое нельзя говорить каждому встречному, я и держал это в тайне даже от соседей. Вы первые, кому можно довериться, я знаю — посвятивший жизнь Господу меня поймет. И рыцарь Креста тоже.

— Да-да, разумеется, так что там насчет нечистой силы, отец, э-э, в смысле, сын мой? — нервно поинтересовалась я, вырывая рясу. Дедок здорово приподнял мой подол, и глаза литовского рыцаря подернулись вожаделенной дымкой. Наверное, думает, у всех ли монахов такие ножки...

— Увидев вас, я сразу подумал: не до Судного же дня мне тут стоять?! Ты — монах, а господин — тевтонец, вот вы и поможете моему горю! Дело в том, что моя собака с недавних пор разговаривает. Это она мне вещала. Голос исходил из ее проклятой глотки, но тсс... я вам этого не говорил! А то она у меня скоро на расправу, зверюга подлая...

Алекс присвистнул, давая понять, что старик, кажется, тронулся. И я и рыцарь Янис вполне разделяли это мнение. Но дед, не дав нам опомниться, стал умолять, чтобы мы его спасли, ловко сгреб поводья наших лошадей, и они послушно пошли за ним в невесть откуда появившийся проулок. Труссеведен тоже не удержался, толкнув кобылу пятками, — любопытство на этот раз пересилило его хваленую осторожность.

В глубине проулочка оказался тупик, там мы спешили, привязали скакунов и по очереди нырнули в низкую дубовую дверь. На пороге нас действительно встретила рыжая дворняга с закрученным хвостом. Первым делом она нас как следует облаяла, после чего убежала на улицу, воспользовавшись открытой дверью. Кстати, так ничего и не сказав...

— По-моему, собака неговорящая, — заметила я.

— Это все духи! Они вселяются в нее, и вот... Слышите?! — импульсивно подпрыгнул старик. Действительно, что-то вдруг застучало под потолком.

— Может быть, соседи?

Алекс отрицательно покачал головой, дробот не был похож на шаги человека.

— Нам пойти на чердак? — громко спросил он, но, прежде чем снова открыл рот, сильный стук раздался уже под ногами.

— Хм, такое впечатление, что кто-то заманивает нас в подпол, — пробормотала я и, уперев руки в бока, несколько раз с силой топнула ногой. — Эй, там, вы меня слышите? Мы уже уходим, так что если мы вам действительно нужны, как передал нам этот старик, вылезайте и говорите, что надо. Зачем он нас должен был привести?

Я выдержала секундную паузу, стучать перестали, но вылезать, честно говоря, тоже никто не собирался.

— Все, меня ждут в замке на заседании капитула!

«Черт, если бы я еще знала, что значит слово „капитул“», — добавила я про себя, разворачиваясь к дверям. Скромненько промолчавший старик чем-то напомнил Темного Патрика из Ирландии, такой же сволочной характер...

Труссеведен обошел меня на повороте, взялся за дверную ручку, дернул... дернулся... результат на нуле. Несмотря на отсутствие замков и засовов, дверь под нервными рывками струхнувшего литовца успешно продолжала держать оборону.

— Они не хотят, чтобы вы ушли, — спокойно прокомментировал дедок, взяв со стола рогалик.

Дверь не поддавалась и напору Алекса, удвоенные усилия обоих рыцарей тоже ни к чему не привели. В крошечное оконце, затянутое слюдой, даже я не пролезу, разве что агент 013, и то не факт...

— Выйти можно только через подпол, — занятый рогаликом, сообщил нам старикашка. — Люк под столом, ползете?

— Никуда я не полезу! Это же явная ловушка, как можно выйти через подпол?

— Легко, там небольшой подземный ход, ведущий к забору с задней стороны дома, и в нем я храню овощи, — приятно улыбнулся старичок.

— Я спущусь туда и набью морду любому полтергейсту, — торжественно пообещал командор. — А потом вернусь, и мы, как рыцари благородного происхождения, выйдем через ту же дверь, в которую вошли!

— А я что, тут торчать останусь?! Тогда и меня бери.

— Я останусь, иди, храбрый монах, — определился Янис, а потом вдруг вытащил меч и приставил к пузу старика: — Кто-то должен следить за ним, фдруг он фздумает запереть фас там и поджечь.

— Не буду я поджигать свой собственный дом. Привык, знаете ли, ночевать под крышей, к тому же осень на дворе, надо бы стены утеплить, щели замазать. Может, господин рыцарь подсобит бедному старику? Глины я уже натаскал, вода в ведерке, только замесить...

— Злофредный колдун, не загофаривай мне зубы! Стой там, где стоишь, и не дфигайся!

Дедушка покорно поднял руки вверх, всем видом демонстрируя готовность к полному подчинению. До сих пор сама себе не могу объяснить, с чего это мы тогда его слушали? На деле все оказалось так сложно и запутанно, Профессор мне объяснял, но я забыла...

— Ой, а тут темно, — оповестила я, прыгнув вниз, в заботливые руки любимого. Ударилась боком о рукоять его меча, не больно, но синяк будет.

— Свечей нет, да и факелы, признаюсь, израсходовал, — услужливо крикнул старик сверху. — Эй, господин, так ты меня поранишь! Все, стою, стою, не двигаюсь...

— У меня есть походные свечи-полыхайки. — Суперагент достал из-за пазухи пару зеленых палочек, больше похожих на спаржу. Стукнул головками друг о друга, и они загорелись ровным холодным огоньком. Мы огляделись: обычный подземный ход, земляной, широкий, и пахнет гнилыми овощами. По крайней мере уж тут дедушка не соврал...

— Не фолнуйтесь, я буду с фами разгофарифать, чтобы фы не потерялись, — подбодрил голос Труссеведена. Похоже, я слишком пристрастно его судила, на деле литовец не такой уж плохой парень.

— Да тут черт ногу сломит, — фыркнула я.

Все освещенное пространство было занято ящиками со свеклой и морковью, какими-то пыльными мешками, свертками, баулами, старая посуда под ногами. Алекс нашел серебряный чайник из сервиза, наверняка китайского, но в хорошем состоянии. Наверное, в Средневековье простой люд только притворялся, что приходится есть из оловянных тарелок и пить из деревянных кружек, чтобы вызвать жалость у потомков или уклониться от очередного повышения подати.

Командор, чертыхаясь, двинулся вперед:

— О дьявол! Тут скелет кошки!

— Где?!

— В ящичке среди сухих цветов! Чуть не наступил...

— Когда-то эти цветы были свежими, — не преминул откликнуться старик. Общения ему не хватает, что ли...

— Как мило! — не удержалась я, при зыбком свете свечи разглядывая скелетик. — Должно быть, вы очень любили свою кошку?

— Не очень, эта драная стерва никогда не ловила мышей, зато требовала свежих сливок каждое утро. Но ради бога, не трогайте ее прах, он приносит ощутимую пользу.

— Какую? — в один голос спросили мы с Алексом.

— Защищает от заклятий черных колдунов, святой отец. Очень популярный метод. Станный ты монах, если не знаешь таких простых вещей...

— Я все знаю, но не верю! Мне суеверия по роду профессии не положены...

Алекс что-то высматривал, из-за его спины я не видела что, но за спиной в любом случае было безопаснее. От скуки подняла потускневший серебряный чайник, тяжеленький, хотя и небольшой.

— Святой отец, подайте, пожалуйста, этот чайник мне. Да, да, тот, что вы держите в руках. А я все думал, куда это он у меня запропастился? Наверное, со стола упал, да прямо в люк...

Интересно, как он только видит, что я делаю? Станный дедок, притворяется бедняком, а у самого серебряные чайники по подвалам валяются. Сидит наверху, за столом, и наши действия обсуждает, как спортивный комментатор. Может, еще мох из чайника вытряхнуть?!

— Только посмотрите под крышку, если не трудно, там наверняка мха полно, а может, и мышь забралась.

— Вы экстрасенс, да? — Мне пришлось говорить погромче. — Хорошо, что я не ваша внуч... тьфу, не ваш внук. Я бы сразу от вас в монастырь сбежал, от греха подальше.

Я нервно дернула крышку, твердо решив, что с этим пора кончать, ибо старик уже сел нам на голову. Вероятно, он для этого нас сюда и заманил, чтоб мы ему чайник достали. А бедняга Труссеведен небось уже щели в стенах глиной замазывает, плюнув на свое дворянское звание.

— Алина, что ты делаешь? — повернулся Алекс.

— Не видишь, что ли, крышку пытаюсь... Ой! Ой-ой-ой!!!

Я вдруг оказалась посреди улицы, розовое вечернее зарево разливалось по небу. Простите... как это... почему? Где я, где Алекс, где... чайник?! Чайника в руках не было, но я ведь только что его держала!

Вокруг ни души, дома незнакомые, хотя, вроде, тоже старинные, и только какая-то собака сидит на бордюрике, не отводя молчаливого взгляда. Вэк! Да ведь это собака старика, та, которая якобы говорила! Ее глаза сияли каким-то мистическим светом, и холодный ветер шевелил шерсть у нее на загривке...

— Алекс, Алекс, вернись! — запаниковала я, делая вид, что поднимаю с земли камень. Такой трюк со всеми дворянами проходит, но с этой не получился... Не убегает, не рычит, неужели начнет грузить разговорами?! Ау, любимый, ты где? Как-то мне без тебя подозрительно одиноко...

— Алина, ты в порядке?

Из воздуха, как будто перенесся с помощью «переходника», выскочил Алекс и, бросившись на помощь, сгреб меня в объятия. Собака неторопливо встала, пару раз задумчиво гавкнула и, развернувшись, ушла, помахивая хвостом. Так ничего вразумительного и не сказала, значит, дед точно на нее наговаривал...

— Что произошло? — Я схватила Алекса за грудки, он чуть отстранился, но ответил:

— Когда ты сорвала крышку с чайника, оттуда полился свет, на секунду меня ослепило, а когда открыл глаза — тебя уже не было. На полу валялся пустой чайник... Я вылез наверх, а Янис в гневе тут же хотел зарубить старика, у рыцарей это быстро делается. Дед отпрыгнул в сторону и коротко прояснил ситуацию. Дескать, это голос, который он слышал, велел привести нас в дом, а потом заманить в подвал и какой-нибудь хитростью заставить открыть крышку чайника. Зачем и кому это надо — неизвестно... Он каялся, что с тобой ничего не случится.

— А ты-то сам как сюда попал?

— Элементарно, еще раз открыв крышку чайника. Дедушка посоветовал, кстати, он же и объяснил мне, что именно мы должны с тобой успеть...

— До женитьбы и не думай!

— Алина, не делай из меня озабоченного робота Стива!

— Ладно, тогда говори, где мы и что нас тут ждет? — нетерпеливо притопнула я.

— Слишком много вопросов, объясню по дороге. Нам надо спешить.

И мы торопливо пошли по улице. Только сейчас я поняла, что улица та же самая, вот только дома немножко другие. Например, дверь суконной лавки раньше была выкрашена в зеленый цвет, а теперь в ярко-желтый, и вывеска новая, и ставни другие, побольше, но дом тот же. Я узнала его по флюгеру в виде танцующей коровы.

Быстро светало, оказалось, то, что я приняла за закат, было рассветом. Откуда-то долетел запах гари... Алекс тем временем рассказывал (старик столько ему успел наговорить!) совершенно невероятные вещи:

— Для начала: сейчас июль, а не август. И год тысяча четыреста десятый. Позавчера как раз прошла великая Грюнвальдская битва.

— Но ведь мы... Что же получается, опять прыжки во времени?

— Именно, видишь огни вон там? Это тевтонцы сжигают город.

— Свой город?!

— Крестоносцы хотят оставить противнику, то есть польско-литовской армии, только выжженную землю.

— А местных жителей предупредили?

— Они укрылись в замке, там сейчас, наверно, такое столпотворение! Туда же съезжаются уцелевшие рыцари, в ополчение набираются все, способные держать оружие для защиты столицы Тевтонского ордена!

— Кому нужно защищать их замок! — Я с тоской глянула на горящую ратушу, забытая кукушка горела внутри, ее надо было эвакуировать первой как главное достояние города.

— Ну-у, там, по крайней мере, есть еда и развлечения. Я имею в виду возможность кидаться в противников всем, что попадет под руку. От арбузных корок до черепицы...

— Да, осаждающим радости мало, но мы-то здесь что делаем? Не хочешь ли ты сказать, что наша миссия — спасти замок Мальборк?

— Нет, наша основная задача та же — остановить череду таинственных смертей во дворце магистров. Тем более что осада будет снята через два месяца, замок все равно не возьмут, но здесь мы тоже не просто так. Надо отыскать и спасти оставшихся здесь детей.

— В будущем кто-то из них станет великим полководцем и защитит свой город от иноземных захватчиков?

— Нет, — отмахнулся Алекс.

— Может быть, один из них станет потом каким-нибудь великим реформатором типа чешского Яна Гуса и поможет своему народу выступить против...

— Да нет же! — нетерпеливо воскликнул Алекс, продолжая тащить меня за собой.

— Значит, они станут профессорами Краковского университета и будут давать бесплатные уроки философии для всех желающих?! — в последний раз попыталась угадать я. — Ладно, знаю, дети ценны сами по себе, но неужели высшие силы послали нас сюда именно поэтому? Обычно у них более рациональные цели...

— Ты становишься скептиком, надеюсь, это временно? Я все равно тебя люблю и буду любить, даже если ты станешь законченным циником, как магистр фон Сальца, — с такой искренностью в голосе сказал Алекс, что я растрогалась до слез:

— И я тебя люблю! Я буду очень-очень хорошей, честно, только поцелуй меня, а?

Вокруг нас пылающий в огне город (хотя это громко сказано, горел он еще только с одного конца, ну и центр немножко), впереди очередное спасение мира, а мы телячьи нежности разводим. Нашли время для взаимных признаний... Для полной картины не хватает только ухмыляющегося при виде этого безобразия кота!

— Эй, коллеги, а не пора ли уже двигаться?

От неожиданности я едва не выпрыгнула из объятий любимого кульбитом, через спину, как цирковая акробатка. В двух шагах от нас посиживал наш родимый кот Профессор! До инфаркта он меня доведет...

— Ты-то как тут очутился?

— Алиночка, давай отложим на потом глупые вопросы.

— Хвост отдавлю!

— Привет, агент 013, — вступился командор, хватая меня за руку и припустив рысью. — Бежим скорее, это уже рядом. Вон тот дом, на углу...

Кот дунул следом, мягко и элегантно перебирая лапками, на шее у него болтался «переходник». Даже в спешке наш герой не теряет шарма и стиля — шерсть вылизана, усы расчесаны, прибор по перемещению во времени висит на элегантной синей ленточке.

Оказывается, найти нас ему труда не составило, так как я забыла выключить микрофон. О небо, вот так лопухнешься в какой-нибудь интимный момент, и кот такого наслушается — до старости с красными ушами ходить будет! Узнав, что мы в городе, Пушок решил устроить сюрприз, явившись без предупреждения. Он доделал свои дела, удрал от магистра и перенесся с помощью «переходника», который Алекс оставил в келье замка. Открыть дверь старикашкиного дома, чтобы прийти на помощь, ему не удалось, но по крайней мере слышимость была хорошая.

«Дело сделано», — сказал старческий голос.

А затем кто-то с акцентом ответил:

«Если они не фернутя до фечера, колдун, зафтрашнего утра ты не уфидишь!»

«Я отправил их всего на два часа...»

Потом голоса ударились в долгий философский спор, и котик понял, что надо действовать.

— Мне повезло, что старик назвал это знаменательное для города Мальборка событие, я набрал нужный код на «переходнике» и проскочил к вам.

— А как ты узнал о точном времени?

— Прости, но разве Алекс не говорил тебе, что я писал научную работу по истории Тевтонского ордена? Причем тема была гораздо более узкой: «Три дня после Грюнвальда», город сожгли на третий день на рассвете...

Но этот диалог состоялся после, а пока Алекс выбивал ногой запертую дверь двухэтажного кирпичного дома, к которому мы подбежали. После третьего удара мы ворвались внутрь, откуда-то сверху раздавались крики о помощи. Кажется, это были детские голоса...

Командор уверенно, будто бывал здесь неоднократно, петлял между узкими прихожими и маленькими комнатками. Крики были все слышнее...

Честно, я бы заблудилась! Но в самой дальней комнате мы нашли их, троих ребятишек дошкольного возраста. У самого младшего был зареванный и напуганный вид, другие двое смотрели на нас с мрачной решимостью бороться до конца и живыми не сдаваться. Дети Средневековья...

— Не бойтесь, маленькие мои! Добрая тетя пришла вас спасти и отвезти к маме, — мило улыбнулась я, шепнув Алексу на ухо: — А кстати, где их мама?

— Не беспокойся, она жива. Мы отвезем вас к ней в замок, — серьезно объяснил он малышам.

Похоже, рыцарь-тевонец вызвал у них больше доверия, чем я своим сюсюкающим голосом, старшенькие, как по команде, встали рядом с командором. Младший, с чисто детским упорством, кряхтя, пытался поднять кота, обхватив поперек пуза.

— Мы вам верим, — с достоинством проговорил самый старший, решив взять на себя функции парламентаря.

— И кто вас тут запер? — спросила я, пока мы выводили детей на улицу.

— Няня нас наказала.

— Суровая женщина, случайно не фрекен Бок?

Увы, моего утонченного юмора никто не оценил. Алекс еще раз сбегал в дом, вынося три мокрых одеяла и пару тулупов.

— Хорошо на кухне был целый жбан воды, — пояснил он. — Это на всякий случай, улицы-то узкие, можно попасть под горящую балку. А няня у них приходящая, к тому же

пьет и все забывает. Мать их ждет в замке, она надеется на няньку.

— А нянька случайно не осталась в одной из комнат?

— Нет, она давно в замке, дрыхнет, напившись, в северном крыле.

— Слушай, мало того что я тащу эти одеяла, но зачем нам еще и тулупы?

— Они толще и впитали больше воды. В таком тулупе можно минут десять стоять посреди огня, — горделиво заметил Алекс.

— Ага, только с обгоревшими ногами и лысой головой, — скорбно добавила я, пригибаясь под тяжестью одеял. Профессор бежал впереди, ведя нас верной дорогой.

— Времени слишком мало, я перенесусь с детьми, а вы ждите меня здесь. — Командор решительно отстегнул «переходник» с ленточки кота и быстро набирал код.

Высказать свое мнение я не успела, хотя, по совести говоря, кого оно волновало в то время? Да и в большинстве других времен тоже... Это я так канючу, потому что одеяла тяжелые, мокрые и противные!

Надеюсь, дети воспримут такой чудесный перенос без стресса. На самом деле так оно и оказалось. Дети были в полном восторге, старший даже пытался выменять у командора «переходник» на свой новый пояс, но тот категорически отказался. Уже бившаяся в истерике мама счастливо воссоединилась с детьми, а Алекс, еле вырвавшись из благодарных объятий, скромно отошел в сторонку, чтобы спокойно перенестись обратно. И здрасте вам, обнаружил бесследное исчезновение «переходника»! Пришлось на время прервать семейную идиллию, тем более что мальчишка уже вовсю хвастался новой игрушкой перед друзьями, и они собирались отправиться в Британию, чтобы стать рыцарями Круглого Стола.

Все это время я старательно жаловалась коту на жестокосердие возлюбленного. Вокруг не было ни души, поджигатели трудились в другом конце города, и орать можно было хоть на всю площадь.

— Оставил нас посреди опасно горящих домов и, главное, не велел никуда уходить! А почему, собственно, его нельзя подождать за воротами города? Там, наверное, тихо и прохладно, нет проклятой копоты и не пахнет гарью. Кстати, у тебя мордочка уже черная, агент 013, и усы дымятся...

— Ты тоже сейчас больше похожа на мулатку, чем на средневекового европейского монаха, — откликнулся кот.

Огонь действительно подбирался все ближе и ближе. На всякий случай я набросила мокрое одеяло на себя с головой, испытывая временное блаженство. Профессор, подумав, забрался под один из тулупов, брошенных на землю.

— Кстати, возвращаясь к твоим вопросам, Алиночка. Понимаю, что не вовремя, но разве ты не знаешь, что мы здесь затем, чтобы найти манускрипт?

— А я думала, из-за детей! — Еще один неожиданный поворот в деле! — Признавайся, у тебя для меня еще пара сюрпризов... на потом, да?

— Сюрпризов нет, — удивился кот, но, припомнив, добавил: — Ах да, есть еще пара новостей...

— Постой, только не сразу. И почему вы вечно все знаете, а мне даже сообщить не удосуживаетесь? Можно ведь просто сказать: «Любимая, стой здесь, посреди огня, никуда не уходи, жди, даже если поджаришься, как пирожок. Все ради детей!» Это я еще как-то понимаю. Но теперь оказывается, что в этом городе нам еще нужно найти какой-то манускрипт?!

— Ммыр, мы ведь еще не поджарились...

— Какая разница, не в этом суть!

Командор возник буквально через пару минут, но за эту пару минут мое настроение успело еще сильнее испортиться. Ну сейчас я ему устрою! Но Алекс, едва взглянув на меня, схватился за живот и буквально рухнул на мостовую, задыхаясь от хохота...

— Я убью тебя, мерзавец!

— А-ау, ради бога... я не... не могу, я... а ты...ты бы, ой! — Мой бессовестный возлюбленный ржал, как цирковая лошадь. Бей не бей, только кулаки о кольчугу

расцарапаешь... Да тьфу на вас обоих!

— У тебя и вправду диковатый вид, деточка. Ты похожа на разъяренную мартышку в одеяле, хи-хи, — съязвил агент 013, счастливый до невозможности. Ох, если бы он предусмотрительно не держал хвост в вертикальном положении, я бы ему его заслуженно отдала. А как это нервы успокаивает!

Но у кота уже выработалась защитная привычка, и хвост он без присмотра не оставлял. В результате мы опять куда-то побежали, но по пути Алекса загрызла совесть, и он все-таки посвятил меня в «наши» планы.

— Прости, я действительно не успел рассказать. Первый день нашего приезда ты провела на подворье замка, болтая с народом, помнишь?

— Да, но если бы вы меня не бросили...

— Так сложились обстоятельства, но сейчас это не важно...

— Не важно?! Ах, не важно-о-о...

— Не кипятись, Алиночка... Главное, что в тот день мы с агентом Алексом успели обсудить одну вещь, — на ходу подхватил кот.

Короче, когда Пушок писал свои «Три дня после Грюнвальда», он раскопал, что архивные документы замка Мальборк, включающие отчеты о военных походах, ведении хозяйства, реестры и многое другое, были вывезены из замка накануне его осады.

Новый магистр Генрих фон Бауен после великого поражения под деревней Грюнвальд не захотел ничем рисковать. Поэтому на всякий случай велел вывезти весь архив в Ватикан, в надежные сейфы папы римского (от великих святых орденов хоть что-то должно остаться в истории, для археолога любая бумажка вроде просроченного векселя тоже ценность). Это почетное задание было возложено на одного из рыцарей, оказавшегося не совсем достойным такой чести...

Весь архив умещался в трех кожаных мешках, выделили шесть охранников, телегу. Но посланник далеко не ушел — то ли закутил в местном кабаке, то ли ему расхотелось ехать в такую даль, — и, поразмыслив, он решил спрятать документы в городском костеле, охрану распустить, а телегу продать. Про предстоящее сожжение Мальборка отступник, естественно, не знал или не придавал этому большого значения. В те роковые дни многие посчитали, что перед потерпевшим поражение орденом не стоит особо утруждаться...

Но рыцаря потом поймали, и под пытками изменник во всем признался. Однако исправлять что-либо было поздно, бумаги так и остались в старом католическом храме. А агент 013 уверен, что именно среди них затерялись исторические хроники, где зафиксировано, чем объяснялись таинственные смерти среди руководства замка Мальборк в XIV веке...

— Подожди, но если они сохранились, то почему их нельзя найти через какой-нибудь Яндекс, сидя за компьютером, в комнате с кондиционером у нас на Базе.

— Во-первых, потому что они сгорели при вот этом самом пожаре, — терпеливо объяснил котик. — А во-вторых, ты хоть раз пробовала найти что-то действительно нужное через Яндекс?

— Надеюсь, это не значит, что, спасая рукопись, мы можем сгореть и сами?! — возмущенно выдохнула я, пробегая под горящим балконом, который рухнул буквально за моей спиной.

— После того как найдем и прочитаем то, что нам нужно, — пусть горит! Я же не мазохист, у меня тоже шерсть в двух местах обгорела...

— Что значит тоже?! Алекс, как ты терпишь подобные двусмысленности в мой адрес...

— А возможно, документы были спасены (будут спасены нами!) и утеряны позднее, официально о них нет никаких сведений. До пожара были, а после того, как сгорел весь город, и в том числе старый костел, увы...

— Все, прибыли. Вот он, — прервав нас, командор указал направо.

Шагах в двадцати от нас стояла красивая каменная церковь, или правильнее — костел. Огонь с соседних зданий уже перекинулся на крышу.

— Эй, что вы тут делаете? Бегите, нам дан приказ сжечь город! — Из дверей выскочили двое воинов-крестоносцев с факелами в руках.

— Чего им надо?

— Боятся, что мы помешаем им грабить, — спокойно ответил командор и выхватил длинный меч. — Пошли прочь, негодяи! Я — благородный рыцарь Ансельм фон Ютинген — хочу помолиться перед дальней дорогой и убью каждого, кто посмеет остановить меня в этом богоугодном деле!

Воины обалдели на месте. Наверное, не каждый день им попадались сумасшедшие рыцари, желающие помолиться, и непременно в горящем храме.

— Да, такие вот мы экстремалы! — гнусаво поддержал Профессор. — Жара, огонь, нервы, стрессы — тут кто угодно повредится в уме. Кстати, вам еще не кажется, что это я с вами разговариваю?

После такой тирады из уст серо-полосатого кота парни побросали факелы и с воплями бросились наутек. Видимо, поняли все-таки, что жечь церкви — грех!

В храме было пусто, все, что можно, успешно вывезено или разворовано. От дыма становилось трудно дышать, сверху сыпались искры, витражи уже полопались, а на сквозняках пламя разрастается быстрее...

— Ну и где здесь спрятан этот архив?

— Не знаю, честно говоря, история об этом умалчивает, — с явной неохотой признал котик. — Я буду искать здесь, в центральной части, Алекс — за клиросом, а ты начинай с южного трансепта.

— С чего?! Тр...ан...псепта?

— О бестолочь необразованная! Вон оттуда, — конкретно указал лапкой Пушок, организовывая поиск.

За десять минут мы облазили все, но заветных мешков с документами не обнаружили.

— Блин, где тут можно спрятать огромный архив? Его наверняка использовали для растопки! Ай, мне искра за шиворот упала-а-а...

— Не падай духом, Алиночка, ищи усерднее, — бесчувственно посоветовали оба напарника. Слез моих на них не хватает...

— Сейчас тут все сгорит, и я сгорю во цвете лет, — хлюпая носом, я послушно простукивала кирпичные стены. Вся эта операция у нас какая-то «стендовая»... Мы то и дело что-то ищем в стене: то скелеты, то манускрипты, то падаем сквозь стены, то стучаемся о них лбом.

Командор двигался мне навстречу, дергая за все выступающие предметы, — любой настенный подсвечник мог оказаться рычагом, открывающим тайную нишу. И вот ему-то как раз и повезло — мозаика святой Варвары мягко скользнула в сторону!

— Тут спуск в подвал, там какие-то стеллажи, вероятно, церковная библиотека! — Алекс подхватил с пола один из факелов и кинулся вниз.

Мы следом за ним, по каменным ступенькам, толкаясь и переругиваясь с котом. Позади нас уже полыхала вся левая стена церкви — дубовые балки и перекрытия, резной иконостас, деревянные скульптуры. Мамочка, и как же мы отсюда потом выберемся?!

— Ребята, плевать на их проклятый манускрипт, я жить хочу! — Мои вопли, как всегда, остались без ответа. — Алекс, хоть ты одумайся! Бежим скорее, пока не поздно, а котик пусть поджаривается, раз ему так хочется быть причисленным к великомученикам! Мы объявим о его самосожжении мальборкскому капитулу, и Пушистика назначат святым уже официально!

Но Профессор меня даже не слушал, он рылся в порывевших бумажках, как крот. Алекс помогал своему жирному коротколапому товарищу, абсолютно не обращая внимания на то, что пламя разгоралось. Я едва успевала отмахиваться и стряхивать с себя сыпавшиеся сверху искры. Мокрое одеяло практически не помогало, я начинала потихоньку закипать...

О небо, и за какого же черствого человека я собралась замуж — да никогда! Если

выберусь отсюда живой, то даже плакать не буду о его «безвременной» кончине. Как он может позволить своей невесте подвергаться смертельной опасности!

Хотя поведение Пусика еще более странно — обычно он дорожит своей паршивой шкуркой! Отвлекаясь, я не сразу заметила упавший уголек, и огонь начал прикусывать подол моей рясы. Взвизгнув и забивая пламя одеялом, я едва не расплакалась, но Алекс обернулся и плашмя погасил меня. В смысле бросился сверху, прижал пузом, и все погасло. На дверь что-то рухнуло, перекрыв выход, — мы оказались в пылающей западне!

— Где агент 013? — завопила я, пытаюсь перекрыть треск и шум пожара.

— В библиоте-эке-э! Он там нашел тоннель.

— А куда он ведет?

— Понятия не имею, — честно ответил командор, помогая мне подняться.

Время для последнего поцелуя было идеальным, но кот умудрился испортить и этот торжественный момент.

— Я нашел документ! — с сияющим взглядом возопил Профессор, выпрыгивая из-за тлеющих книжных полок.

— Ага, пока я тут примеряю на себя судьбу Жанны д'Арк, он просто так взял да и нашел все нужные документы, — недоверчиво проворчала я.

— Так ведь никому из историков и в голову не приходило, что посланец ордена возьмет да и свалит у дверей костела весь доверенный ему архив! Его, естественно, перенесли в библиотеку, куда же еще?

— Пусик, не нервируй меня, где выход?!

— Разве это так уж важно в сравнении с исторической находкой, которую я...

Договорить мы ему не дали: командор подхватил напарника под пузо, зажал под мышкой, вырвал из лап пачку смятых листов и, сунув их за пазуху, бросился куда-то в дальний угол. Я последовала за ним — в глубине виднелась открытая дверь...

— Варвары! Мракобесы! Куда вы меня тащите, там же еще столько бесценных документо-о-ов!

Мы бежали по узкому земляному тоннелю неизвестно куда. Главное — вперед, подальше от бушующего огня. На секунду обернувшись, я увидела, как оставшиеся на полу бумаги загорелись, пламя стояло стеной.

— Любимый, давай доставай «переходник», и мы перенесемся домой, чего тянуть?

— Прости, он потерялся...

— Как?!

— Случайно... наверное, выпал, когда я брал агента 013 под мышку.

— Уж не хотите ли вы сказать, что опять во всем виноват кот? — возмущенно мявкнул Профессор.

Спорить не имело смысла, мы двинулись дальше. Дышали через раз, глаза щипало от дыма, но мы бежали и бежали...

Потолок в тоннеле становился все ниже, под ногами хлюпала грязь, сюда откуда-то стекала вода — надеюсь, не канализационная, хотя какое это имеет значение? Алекс уже шел на полусогнутых, хотя вначале только пригибал голову. Заглядевшись на него, я даже не обратила внимания, как сама перешла на четвереньки, утопая в грязи. Одеяло давно потерялось, ряса промокла, ну и собачья же у нас работа! Одному коту повезло — он спокойно перебрался на спину Алексу и продолжал разглагольствовать оттуда как с ораторской трибуны:

— Вперед, друзья мои, там должен быть выход — несет сквозняком! Нам надо поторапливаться, мы должны успеть спасти новую жертву нашего неведомого маньяка.

— Что?! Опять неведомого?

— Мы не знаем, в каком виде пребывает сущность этого ребенка... В виде необычайно сильного духа, ходячего мертвеца, привидения, а может, и скелета-ипохондрика...

— Как это скелета-ипохондрика? — невольно заинтересовалась я. — Вроде бы я о них слышала, но все равно напомни.

— Надо быть внимательнее на лекциях по демонологии! Ладно, слушай: необычайно мнительные существа, вечно пребывают в плохом настроении, постоянной депрессии, короче, ипохондрики! Помимо того они ненавидят людей и вечно винят их во всех своих несчастьях, — сел на любимого конька Профессор. — Черепушка разболится, какая-нибудь кость отвалится, плюсны стопы сотрутся от вечных хождений — все это люди виноваты! Мстят за все прижизненные обиды, и не по одному разу. Убить их очень трудно, живучие гады... Нужно читать заклинание, но типовый текст давно устарел и срабатывает через раз, но ничего не поделаешь — нового пока не придумали. Ученые-логосфилы Базы работают над этим, а нам остается только ждать...

Потом вдруг я попала рукой в кучу гнилых овощей, значит, недалеко чье-то жилище. Стали попадаться овощи посвежее. Я, схватив морковку почище, сгрызла ее, утоляя голод. И зачем в трактире привередничала?

Проход стал совсем узким, правда, в конце забрезжил свет. Эту радостную весть мне сообщил Алекс, поскольку я ничего не видела за его задницей. В конце концов он первым вылез в просторную земляную комнату, которая при ближайшем рассмотрении... оказалась подполом дома нашего старика! Даже серебряный чайник по-прежнему валялся в углу, но поднимать его снова я не рискнула. Хватит волшебства, я его ненавижу...

Мы торопливо вылезли в открытый люк. К нам радостно бросился Труссеведен, а старик как ни в чем не бывало со своим обычным добродушием заметил:

— Ну я же говорил — они успеют. Вот, получите...

— Да, только никакого выхода с задней стороны дома мы не нашли! — едва дыша, хрипло возмутилась я.

— Странно, я полагал, что он есть, то есть вы просто вернулись назад? — наивно поинтересовался он. У меня практически не было сил ругаться, хотя так хотелось...

— Мы выползли из церковной библиотеки, там и начинался ваш тоннель за черт-те сколько метров отсюда!

— Ну вот, получается, что я вас не обманул — выход всегда есть... где-нибудь, — добавил он, задумчиво подняв глаза к потолку. Мы тоже невольно туда посмотрели — трещины на побелке и паутина, ничего интересного.

— Эй, а откуда фзылся кот? Какой он смешной, такой надутый, слофно друг и софетчик самого фон Сальца! — хихикнул литовский рыцарь, пытаясь потрепать Профессора по загривку. Ответный взгляд агента 013 наверняка породил у тихого Яниса кучу комплексов, начиная с сомнений в целостности собственного рассудка...

Пока мы отмывались в медном тазике, дедок сообщил, что с момента нашего спуска в люк прошло всего два часа. То есть никаких накладок и сдвигов не было — сколько шлялись там, столько же отсутствовали тут. В идеале лучше было бы, чтобы прошло несколько секунд, как сочиняют некоторые в книжках о перемещениях во времени.

— Кажется, вы выполнили все, что вам было положено выполнить, — торжественно возвестил старик, приняв величественный вид. — Я отпускаю вас с миром! И пусть вам удастся достойно закончить дело, ради которого вы прибыли в эту страну.

Ого! От согбенного, болезненного вида улыбчивого пенсионера не осталось и следа — перед нами стоял мудрый старец с прямой горделивой осанкой. Его тряпье на глазах сменилось белым парчовым балахоном, борода удлинилась втрое, а в руках появился тонкий посох из слоновой кости. Классический маг из романов фэнтези, я аж вздрогнула...

— Гендальф?!

— Серый? Мне знакомо это имя, — неспешно кивнул он. — Но в этом мире меня называют иначе...

— Вэк... — Я отпала на руки командора, он Толкиена не читал, поэтому психологическому стрессу не подвергся.

Труссеведен на всякий случай преклонил колено. А вот образованный котик отвесил нижайший поклон и скромненько поинтересовался:

— Коллега, не соблаговолите ли вы напоследок объяснить, в чем все-таки был смысл

спасения трех ребятишек? Во времена войн и смут детская смертность никого особенно не смущала...

— Ну, во-первых, вам все равно было по дороге, — пожал плечами легендарный волшебник и интриган. — И во-вторых, нельзя было прервать родовую ветвь. Один из мальчиков, тот самый малыш, что пытался тебя поднять, станет прапрадедом великого фантаста этой страны. А я люблю сказки...

— Кого именно — Лема, Сапковского, Пилипика?

— Какая разница, брат мой, — с нажимом прервал меня Алекс, — спасли детей, и ладно, всегда приятно совершить хороший поступок. Главное, мы нашли бумаги...

— Рыцарь всегда мыслит прямолинейно, — одобительно хмыкнул маг. — В благодарность за услугу я помогу вам добраться до Мальборкского замка. Поспешите, зло не ждет...

Мы застыли в ожидании чуда, уверенные, что сейчас исчезнет и эта комната, и Труссеведен (приятно было познакомиться), и старик, а мы окажемся в замке. Причем желательно там, где в следующую минуту разгорятся нужные события.

— Что вы так смотрите? Идите, идите — ваши лошади за дверью. Их пытались украсть, но я наложил заклятие невидимости. Хлопните в ладоши, они появятся... И не благодарите. — Маг сделал величественный жест рукой, словно благословляя нас на прощание.

Хм, вообще-то я ждала большего...

Мы вышли на улицу, о присутствии лошадей свидетельствовал лишь острый запах конского пота да кучка свежего навоза. В ладоши хлопнули все трое одновременно — лошади появились как по мановению волшебной палочки. Уже хорошо: есть шанс успеть в трапезную к ужину, а там весьма неплохо готовят...

Мурзик под восхищенным взглядом Труссеведена (не каждый день встретишь говорящего кота) вскарабкался на колени к Алексу. Далее наши пути разошлись, хотя литовец обещался заглянуть в гости. Хороший он парень, перестраховщик, но благородство в нем есть: охранял наше возвращение, следя, чтобы старик не запер люк! Можно подумать, что маг только и думал о том, как бы это проделать... Шутка.

По дороге я выпросила у Алекса спасенные от пожара документы, прочла на ходу и удовлетворенно прищелкнула языком. Ради этого стоило рисковать! Теперь мне было ясно все, кроме одного зашифрованного кабалистическими знаками абзаца, но не будем забегать вперед...

Через полчаса мы были уже в Мальборке. Страже у входа пришлось честно объяснить, что обгорели мы, спасая от пожара редкие архивные документы. Собственно, никто особенно не удивился — рыцари вечно влипают в какие-нибудь истории по причине повышенного благородства и никому не нужных обетов.

Командор вернулся к себе, а я первым делом кинулась в трапезную подкрепиться остатками замкового супа. Его оставалось немного, но ведь и я не обжора какая-нибудь, две миски гущи, ломоть белого хлеба и... вишневого компота нет. Наверстаю у Синелицега, мы с ним друзья...

Отнеся грязную посуду на кухню, я от души поблагодарила поваров и неторопливо пошла в келью Алекса. Встретила его в дверях, он шел на вечерний молебен (кормиться, видимо, будет отдельно).

— А где агент 013?

— У магистра, разумеется.

— Планирует очередное явление святого Мурзика? — съязвила я.

— Именно, он направился в костел готовить кульминацию своего спектакля, первый и второй акт которого имели несомненный успех. Говорят, в наше отсутствие монахи целый час слушали лекцию магистра о святом Мурзике, а потом еще часа два молились.

Что ж, любопытно взглянуть, чем закончится эта афера, поэтому пришлось поторопиться. В костеле народу было больше, чем в день святого Варфоломея, когда, по

слухам, из-за давки двадцать монахов были доставлены в госпиталь с отдавленными пальцами на ногах и десять — потерявшими сознание от недостатка кислорода.

На почетном месте сидел магистр, важный и многозначительный, как памятник собаке Павлова. По традиции все началось с торжественной речи:

— Братья, небеса благоволят нам! Они послали святого Мурзика для избавления нас от зловещего проклятия, нависшего над Тевтонским орденом. Избавление близко, сегодня ночью я видел нашего святого, явившегося ко мне в расшитых золотом одеждах, с сияющим нимбом и словами утешения на устах!

Я прыснула в кулак, представив кота в расшитых золотом одеждах, чего магистр, конечно, не видел, а придумал для убедительности, чем вызвала осуждающий взгляд стоявшего рядом библиотекаря. Тогда мы с любимым перешли на полусшепот:

— Слушай, может, спросить, вдруг он получил новое, более подробное пророчество? Ну насчет этого предстоящего убийства...

— Вряд ли, — скептически поморщился Алекс, — он бы давно приставал с этим ко всем и каждому. Но ты права, время идет и ничего не происходит.

Я кивнула, подошла к грустному библиотекарю и вежливо поздоровалась. Брат Нюрольд демонстративно попробовал сделать вид, что никого не видит в упор. Зря, я не стеклянная и работу суперагента знаю, от меня так легко не отвяжешься...

— Эй, отец библиотекарь, так как там у нас с новыми откровениями свыше? — без обвиняков обратилась я. Монах вынужденно поднял на меня тоскующий взгляд и завопил:

— Близится время новой трагедии-и-и!

Все присутствующие аж дернулись, и даже магистр, подпрыгнув, скрипнул в его сторону зубом.

— Открылись новые подробности? — Мне пришлось понизить голос, дабы нас просто не выгнали за нарушение общественного порядка.

— Все то же, брат, все то же... Тяжело бремя провидца, вся жизнь наперекосяк, — так же тихо пожаловался бедный монах. — Взять хоть ту же историю. Кассандру Троянскую никто из-за ее дара замуж брать не хотел! Думали — сумасшедшая, что, конечно, недалеко от истины, но ведь нельзя же...

— Да, она всю Троию умудрилась достать своими неоптимистическими откровениями, — согласилась я, припоминая «Илиаду». Библиотекарь сокрушенно pokrхтел в ответ.

Поняв, что толку не будет, я протолкалась к Алексу. Он пересчитывал всех находящихся в зале, надо было удостовериться, что вся местная элита здесь, под нашим присмотром.

— У брата Нюрольда — все глухо, бормочет что-то себе под нос, ищет исторического оправдания. А у тебя как? — осведомилась я, поскольку многих «вышестоящих лиц» знал только Алекс, будучи с ними на закрытых заседаниях.

— Кажется, все тут. Раньше времени волноваться не будем, но бдительность терять нельзя. Разбуди меня на вторую стражу...

И тут же попытался заснуть на моем плече, но я мигом привела его в боевую готовность кулаком в бок.

— Ты еще захрапи! Время к полуночи, все свершится с минуты на минуту!

— Ау-у, по-моему, не стоит так уж верить этому библиотекарю, вдруг он обычный сумасшедший?

— Все возможно, но его предсказания сбываются, — неуверенно возразила я. — Да и старик-колдун тоже говорил: «зло не ждет...»

Командор протер глаза и, воспрянув, вновь начал осматривать зал.

Магистр наконец-то закончил свое пафосное выступление, попил водички и, довольный, воздел руки к сводам костела:

— Братья, молитесь же святому Мурзику! И да ответит он мольбам нашим...

Он настолько поверил всему, что нашептывал ему по ночам кот, что даже не

сомневался: по первому требованию магистра всенепременно раздастся глас новоиспеченного святого!

Установилась благоговейная тишина, все ждали. Прошла долгая минута, полторы, две... У меня уже спина зачесалась от ожидания. Я-то точно знала, что котик должен выступить. Может, он за мышью на хорах погнался или уснул за статуей святого Иезабарда Пустынника, разморенный духотой и нудной речью фон Сальца. Общее недоумение росло, на лбу магистра выступили нервные капельки пота...

Вот тут-то котик и подал долгожданный голос:

— Братья мои во Христе, внимлите словам моим, утешение и надежду несущим! Сейчас я сообщу вам новости, которые вы так ждете все последнее время. Я расскажу вам одну историю, и вы сами поймете, почему в замке происходят столь гнусные злодеяния. Настала пора узнать правду!

— Он собирается раскрыть карты и всех заложить? — чуточку встревожилась я. — Как же мы тогда остановим новое убийство?

— Агент 013 считает, что может его предотвратить. Если сейчас при всех разоблачить истинного виновника — призрак, возможно, будет удовлетворен и уйдет с миром.

— Но мы этого призрака даже в глаза не видели, с чего ты взял, что на него можно повлиять?! — возразила я. — А вдруг он закоснелый маньяк и ему по фигу все разоблачения! К тому же останки все равно надо найти и похоронить по-христиански — это неизменная традиция.

— Не буду спорить, но давай дадим агенту 013 использовать все возможности. Иногда срабатывают самые абсурдные планы...

Кот тем временем продолжил обличения, рассказ Труссеведена о княжне он слышал через мой микрофон и сделал соответствующие выводы.

— Много лет назад в этом замке произошла трагедия. Я бы сказал иначе — акт языческого вандализма! — вещал котик. — В одну из стен была живьем замурована девочка знатного рода, дочь литовского князя. Якобы это могло навек защитить замок от любых посягательств извне, делая его неприступным.

По костелу пронеслись охи и ахи, брат-библиотекарь взволнованно вцепился в карманный часослов, видимо вспомнив знакомый сюжет из «Легенд Мальборка». Лица магистра мне толком не было видно, но наверняка он сейчас смертельно побледнел...

— Она была бесчестно украдена тевтонскими рыцарями по пути на свою свадьбу с юным сыном мазовецкого князя. С тех пор прошло почти четверть века, эта история успела забыться, но вот в связи с чередой таинственных смертей мы возвращаемся к ней вновь. Когда-то умерщвленная душа мстит за себя...

— Неупокоенный призрак! — пронеслось по капитулу.

Молодцы, сами догадались, а вы продолжайте, Профессор...

— Эти смерти не сопоставляли с невинно убиенной и не похороненной в освященной земле девочкой. К тому же, «защитив стены замка от врага», она ничем себя не проявляла. Ее призрак не появлялся в коридорах, не гремел цепями, не рыдал по ночам в башне, не вызывал о помощи или отмщении... О ней постарались побыстрее забыть, но возмездие настигло Мальборк спустя десятилетия! А почему?

Кот выдержал эффектную паузу, ожидая шквала версий и предположений. Но суеверные средневековые люди никогда не посмеют встревать в речь святого, как бы им ни хотелось задать с десятков уточняющих вопросов. Пусик немного разочаровался, сочтя общее молчание знаком недостаточной заинтересованности или невнимательности слушателей.

— Ладно, вернемся к началу. Кто предложил сие страшное злодеяние? Один молодой, но крайне честолобивый член ордена, правая рука тогдашнего магистра, отличавшийся бескомпромиссностью суждений и даром убеждения. Украсть девушку было его идеей. Так легко убить двух зайцев разом — избавиться от угрозы объединения княжеств и обезопасить стены замка. Для этого он и порекомендовал замуровать ребенка.

Многие из верховного совета были против, но решением престарелого магистра,

находящегося под влиянием молодого помощника, деяние свершилось. Те, кто протестовал слишком рьяно, пожалели сразу же — их бросили в темницу за ересь. Ибо сомневаться в мудрости вышестоящих — значит сомневаться в промысле божьем!

Двое каменщиков с трудом, обливаясь слезами, сделали свое профессиональное дело. Наутро их нашли умерщвленными. Говорят, именно их души вселились в замковых альбатросов...

И вот спустя десятилетия этот юный брат, сыгравший столь роковую роль, наконец становится магистром! Его честолюбие удовлетворено, но... Именно со вступления в эту почетную должность и начинаются все те беды Мальборка, от которых теперь вы жаждете избавления! Мне самому назвать его имя?

По залу пронеслись возгласы ужаса и восхищения. Фон Сальца вскочил с места бледный как полотно, казалось, само платье магистра душит его...

— Успокойтесь, Альбан, — похоже, агент 013 откровенно наслаждался разоблачением, — я уже заканчиваю. Конечно, призраку не понравилось такое возвышение виновника, и он начал мстить, задавшись целью известить все руководство ордена. Да, все! Чтобы, медленно приближаясь к вам, фон Сальца, заставить и вас сходить с ума от страха, чувствуя, как наступает час возмездия. И пока фон Сальца — магистр, таинственные смерти будут продолжаться...

— Это не святой Мурзик, не слушайте его! — возопил магистр, вскочив на собственное кресло.

Но бомба уже была брошена, мы с Алексом охотно включились в дело, когда на магистра поперла толпа рыцарей и монахов. Думаю, они бы прижали его к стенке, но тут в костел вбежали татарские наемники:

— Вай, очень извиняемся, канешно... Но там ваш брат великий повар, его кто-то в колодец уронил. Пошли быстрее, он шутя живой, может, умер весь!

Естественно, все развернулось к месту новой трагедии. Мы были ближе к выходу, поэтому дунули первыми, обгоняя по дороге монахов. А брат-библиотекарь, терзая рясу на груди, с поистине счастливым лицом орал:

— Сбылось! Снова сбылось! Вот она — новая жертва, гнев божий, кара с небес за наши прегрешения, гордыню, алчность, чревоугодие, пустившие корни в наших сердцах!

Кто-то от души посоветовал ему заткнуться, что он сразу и выполнил, приняв свой обычный вид покорного страдальца. Посреди мощенного булыжником двора стоял колодец, на верхушке которого был изображен пеликан, кормящий своей кровью птенцов. Прямо у подъемного колеса лежало довольно упитанное тело верховного повара, рядом с ним стоял с пришибленным видом маленький брат Расмус. Его держал за ворот воин-наемник:

— Вах, наш обходил, как всегда, ночью весь замок и вдруг — ай, кричит что-то. Это брат повар кричал! Мы бежим, а тут только «пилюх!» — вода в колодец пилюхнула, а этот у колодца стоит и туда в вода смотрит. Не вытаскивает, мы сами вытащили! А этот стоит, смотрит... Ух, шайтан, злодей!

Брат Расмус только поднял на нас глаза, полные страха и печали. Постепенно подоспели все, собрался весь замок. Хорошо, что многие с факелами, сразу стало светло почти как днем. Пока госпитальеры занимались выжиманием воды из великого повара, остальные шумно спорили, что делать с братом Расмусом.

— Призрак вселился в него, братья, он одержимый!

— Одержимый — это нечто иное! — фыкнули в ответ.

— Конечно, неприкаянная душа вселилась в него, это он убил всех!

— Почему он? — удивился кто-то.

— Потому, что ты дурак, прости меня, Господи... Разве не брата Расмуса уже второй раз застают рядом с трупом?

— Повар еще не труп.

— Не важно, в тот раз он тоже не успел закончить дело, но ведь собирался. Мы должны испытать Расмуса, нашего бывшего собрата, ныне оказавшегося злодеем!

— Это не я, — тихо выдохнул обсуждаемый.

— Помолчи, убийца! Что же мы медлим? В пыточную его!

Все орал так, что я тоже не выдержала:

— Но ведь прямых улик нет, еще неизвестно, через него ли действовал призрак?!

— Вот там и узнаем, пытка покажет!

— Алекс, сделай же что-нибудь! — напроць забыв о конспирации, взывала я. Дикое времена, суровые нравы, если не принять мер — самосуда не избежать! Все переключились на беднягу Расмуса, и думать забыв о магистре. Кстати, где он сам? Неужели...

— Пойдите, сначала выслушайте это! — надрывно прокричал командор, вскакивая на край колодца. В его руках желтел старый манускрипт. А я думала, он у кота остался. Рядом стоял Мартин с довольной улыбкой в пол-лица. Только сейчас я поняла, чем занимался суперагент, пока я набивала желудок на замковой кухне, — он разыскал паренька и отдал ему текст для расшифровки! Командор откашлялся и начал читать...

Помните, последняя часть состояла сплошь из каких-то кабалистических знаков? Нет смысла приводить все полностью, частично текст повторял рассказ кота — скажу только, что в зашифрованной части было указано, где находится скелет княжны. Ее замуровали в одной из двух круглых башен, расположенных по бокам от парадных ворот замка.

Клир, монахи, воины, полубратья — все повалили туда гурьбой! По дороге встретили связанного магистра под конвоем тех рыцарей, которые первыми отреагировали на «откровения святого Мурзика». Брат Расмус был забыт, люди нашли первопричину всех злоключений!

В толпе предводительствовал Алекс, который наврал для убедительности, что он — ревизор, посланный папой римским для расследования таинственных смертей в замке Мальборк. А данный манускрипт якобы обнаружен им в комнате самого фон Сальца! Ему верили без лишних вопросов — рыцари не лгут.

Пока несли лестницы и кирки, откуда ни возьмись появился пушистый Профессор. Со мной он разговаривать не стал, сразу заняв выжидательную позицию у ног проверенного напарника.

Увидев Алекса во главе своих бывших подчиненных, да еще в присутствии любимого кота, магистр, кажется, начал что-то подозревать. По крайней мере, орал он громко:

— Опомнитесь, братья! Я ваш магистр! А святой Мурзик — самозванец!

— Не богохульствуй, ты сам нам велел молиться ему! И вот мы узнали от него истину! — хором возмутился народ. — Святой Мурзик за свои благочестивые поступки достоин статуи для костела, заказанной у лучшего флорентийского мастера! Местные не потянут...

— Я все понял, это кот! Кот во всем виноват, это он нашептывал мне во сне! Однажды я, проснувшись, увидел его прямо на своей подушке, а именно тогда я слышал слова, казавшиеся мне словами святого Мурзика. Но все это мне говорил кот!

Профессор сделал невинную мордочку, удивленно вскинув бровки, дескать, зачем здесь порочат доброго и честного домашнего любимца. Монахи переглянулись и, не сговариваясь, заняли его сторону.

— Бедный Альбан сошел с ума!

— У него уже и коты разговаривают?!

— Да еще словами святого Мурзика! Лечиться надо...

— Что вы хотите, такие потрясения!

— Я не сошел с ума-а! Проверьте его, он — говорит! — продолжал бесноваться магистр. — Разве вы не видите, как он смеется над вами?! А этот новоприбывший рыцарь, представившийся Ансельмом фон Ютингемом, наверняка с ним в сговоре!

— Сезонное обострение шизофрении, — важно пояснила я, на свою голову влезая в разговор. — Эдак он еще скажет вам, что я, к примеру, не монах, а девица!

— Девица?! Женщина в замке! Да, разумеется, — в полный голос завопил фон Сальца под уже ничем не сдерживаемый хохот. — Мне доложили, что рыцарь Ютингем прибыл с

пленной басурманкой, а та неизвестно куда исчезла на следующее утро. Зато в замке появился вот этот монах! Проверьте его, он точно девица-а-а...

— Диагноз — налицо, что и требовалось доказать, — скорбно заключила я. — А теперь пошли вытаскивать скелет из башни!

Но кое-какому народу, видимо, разоблачение переодетых девушек показалось занятием более приятным, чем долбление стены и вытаскивание оттуда костей в полночную пору.

— Брат, подними рясу, чтобы раз и навсегда развеять сомнения насчет...

— Волей папы римского, приказываю не отвлекаться! — строго прикрикнул командор, на всякий случай загораживая меня спиной. Он уже потянулся к мечу, когда в толпу врезался всадник на пегой кобыле. Монахи сыпанули в стороны...

— Брат Ютингем, что тут происходит? Я хотел переночевать ф замке, а меня не пускают! Пришлось дафить сарацин... Но, кажется, и фам нужна моя помощь?

— Ничего такого, Янис, с чем бы мы сами не справились, — приветливо кивнул Алекс. — Но все равно спасибо за дружбу и предложение военного союза!

В свою очередь я тоже решила посодействовать восстановлению справедливости:

— Копье у тебя, вижу, с собой?

— Да, брат Альберт, и оно к нашим услугам...

— Отлично, тогда заколи вон того крайнего справа, что ухмыляется. Он пытался меня дискредитировать!

Труссеведен послушно развернулся, глянув на безоружного монаха, который живо убрал ухмылку и исчез в толпе с невообразимой для глаза скоростью.

— Чего же вы ждете? — снова дал знать о себе магистр. — Хватайте их! Это польский заговор!

— Кто посмеет поднять руку на посланника римского папы, того ждет инквизиция! — грозно выкрикнула я. — Испанский сапог, вдова с деревянной ногой, четки грешника и все такое — сами знаете, наверное.

— Неа, до нас это еще не доходило, — подумав, покачал головой кто-то.

— Ничего, если кто очень захочет, мы можем отправить в Рим, уж там объяснят и покажут, — пообещала я. Против этого возражений не нашлось... — Эй, ну так чего встали? Вперед, ломать башню! Мы должны вытащить и похоронить останки, которые обрекают наш орден на проклятие.

Толпа рванулась вершить начатое, но мы намеренно отстали от остальных. Согласитесь, движущая сила уже была задана, а я не хотела быть помятой без нужды.

— Мне сейчас пришла в голову мысль, ведь этого призрака нам представляли таким ужасным! Ребята с Монстроисследовательской Базы его страшно боялись, он каким-то образом убил двоих из их команды, а на нас за все эти дни не было ни одного покушения.

— Погоди, еще будут! — улыбнулся любимый. — Мы еще здесь...

— Не пугай меня...

И тут чья-то холодная, мокрая рука вцепилась в мое плечо. Колени подогнулись сами собой...

— Ах, это вы, брат великий повар! Нельзя же появляться так неожиданно, — укоризненно протянул Алекс, удерживая меня от обморока.

Толстый монах, глава всех поваров замка, покачиваясь, пытался что-то нам объяснить.

— Вэк, а куда санитары смотрят? Вы же должны быть в больнице! — с трудом овладев голосом, пискнула я. Командор жестом попросил не вмешиваться, и правда, вдруг «утопленник» может сообщить что-то важное, а о нем все позабыли.

Я предпочла отойти и бегло рассказать Труссеведену, что происходит, литовский рыцарь тут же помчался собирать останки своей украденной княжны. Тем временем верховный повар кое-как выдавил одну членораздельную фразу:

— Эфо Рафмуф, эфо он меня фтолкнул ф фоду...

— Расмус?! Вы уверены?

— Рафмуф! Он фтолкнул... я упал ф фоду...

— Мгм, интересно... А я еще заступалась за него, малахольного. Между прочим, где он? Что-то я его не видела с того момента, как ты отвлек внимание, зачитывая манускрипт.

— Я тоже не видел, куда он делся, — ответил Алекс, напряженно вглядываясь в темноту.

Откуда-то вдруг метнулась черная тень, я инстинктивно шарахнулась, сбив все еще непрочного стоящего на ногах верховного повара. Он благополучно потерял сознание, а тень из темноты оказалась всего лишь Мартином.

— Там этот, как его... брат Расмус взбесился! У него пена изо рта валится, а сам рычит и по земле катается. Вернее, катался, теперь его братья из лазарета забрали к себе.

— Если не залечат до смерти, то спасут, — уверенно решил командор. — Скорее всего, это выходит управлявший им призрак. Он вселялся в него, совершая убийства, а сам Расмус ничего не помнил.

— Точно, кто бы заподозрил этого худосочного монаха? Но почему погибли ученые?..

— Может быть, просто из-за того, что лезли не в свое дело?

— Хм, зыбкий аргумент...

— Почему же? Они наверняка пытались защищать правящую верхушку Мальборка, как защищали Джека Попрыгунчика. С точки зрения неупокоенного духа единственное наказание за это — смерть...

— Ой, а брат верховный повар как здесь оказался? — удивленно воскликнул парень, разглядев в темноте у наших ног толстого повара.

— Наверное, сбежал, пока медбратья возились с Расмусом, — предположила я. После чего мы препоручили пострадавшего Мартину, который буквально молился на нас, ибо мы сделали то, о чем члены его повстанческой армии даже не мечтали — практически сместили с поста действующего магистра Тевтонского ордена, захватчика земли польской.

Минуту спустя из-за угла выбежал агент 013, обозвал нас копушами и потребовал, чтобы мы немедленно отправились с ним к башне. Там уже вовсю крушили стену. Нам удалось успеть вовремя: из развороченной дыры два рыцаря извлекали полумумию-полускелет в почти истлевшей одежде. Судя по росту, несчастной девочке едва исполнилось десять...

Я быстро отвернулась, вид находки был не слишком приятный. Но средневековые люди реагировали спокойно, некоторые монахи даже с радостью и восхищением на лице, словно при созерцании святых мощей. Настораживало одно: в нише не оказалось головы...

— Фот она! Моя княжна! Бедный мой папа не дофез ее до места, но я достафлю ее прах на родину. Только ее сначала надо отпеть! — посуровевший Труссеведен не бросил тевтонцам и слова упрека. Дело прошлое, а простые монахи не виновны в преступлении своего магистра.

Под обличающими взглядами фон Сальца, которого заставили присутствовать, не выдержал и сдался:

— Что вы устались?! Ну да, это я подал идею замуровать ее в стене! Но никто особенно и не возражал — так было нужно для ордена! Иногда преступление против одного человека идет во благо многим поколениям. Нельзя было допустить объединения поляков и литовцев, эти земли должны принадлежать только ордену... Я бы сделал это снова!

— Довольно, злодей, ты опозорил братство Мальборка. — Великий комтур, по сути главный заместитель магистра, шагнул в середину толпы и возвысил голос. Маленький серенький человечек вдруг словно чуточку вырос, и это почувствовали все... — Данной мне Богом и генеральным капитулом властью я беру оную в свои руки! И да поможет мне Господь...

Раздались возгласы типа «Виват!» и «Флаг тебе в руки!». Правда, в их средневековых вариациях, но общий смысл именно такой.

— Вот, сатана, ты давно хотел меня подсидеть... — с ненавистью прошипел магистр и, обернувшись почему-то ко мне, воскликнул: — Я проклиная вас всех, а тебя, пришлый монах, особенно!

— Меня-то за что? — притворно возмутилась я, котик обнял мое колено, вздыбив наэлектризованную шерсть.

— За то, чего не видят эти болваны! Но меня тебе не обмануть... Всей властью, всей страстью души, всеми силами преисподней — проклина-а-а...

— В темницу его, — объявил комтур, а командор вдруг вспомнил о том, о чем все забыли:

— Где голова? Призрак не успокоится, если мы не найдем голову!

Все вновь повернулись к фон Сальца. Он гаденько хихикнул и на прощание прокричал:

— Ее не замуровывали заживо, на это никто бы не согласился. Пришлось умертвить девчонку, а голову... выбросить в тайных коридорах, чтобы никто и никогда не узнал, кого скрывает стена башни. Вам ее не найти... и пусть дьявол никогда не забывает дорогу в Мальборк!

Все ахнули, когда магистр произнес это страшное признание. Народ замер, пораженный ужасом. Командор нервно сплюнул под ноги, похоже, эта операция закончится еще не скоро...

— Алиночка!

— Мм...

— Алиночка, я к тебе обращаюсь! — Нетерпеливый Профессор резко дернул меня за подол рясы. — Напомни, какой такой череп вы подобрали с Алексом и таскали с собой по временам?

— Череп? — не сразу сориентировалась я. — Обычный, маленький, желтый... Вэк!

— Именно, — победно заключил кот. — А ну тащи его сюда, надеюсь, мы все-таки завершим это нелегкое дело.

Мы вернули многострадальный череп под восторженный рев обитателей замка. Сквернословящего магистра увели, а в костеле всю ночь проводился молебен над прахом княжны, все просили прощения у неупокоенного духа. Завтра утром специальный эскорт под командованием Труссеведена повезет бранные останки в Литву, где они наконец обретут покой в освященной земле.

В ту сумасшедшую ночь мы буквально рухнули и спали втроем вповалку на широкой кровати в келье Алекса. Забыла сказать, что, пока читали молебен в костеле, бедняге Расмусу сильно досталось: как только его не крутило и не корежило — страшное дело... Но примерно через час отпустило, страдалец-монах впал в глубокий сон, а бывшая неприкаянная душа, похоже, обрела долгожданный покой.

Вообще, все эти события так повлияли на моего возлюбленного, что он всерьез задумался о жизненных ценностях и твердо заявил, что мы поженимся сразу же по возвращении на Базу! Я спала, только поэтому не задала ему парочку наводящих вопросов.

А наутро он уже ломал голову над тем, что будет, если шеф опять подбросит срочное задание? А если нет, то кто займется организационными вопросами подготовки к торжествам? Не пригласить всю Базу — невозможно, а пригласи — так никаких средств на бракосочетание не хватит. Хорошо еще, хоббиты на карантине, для них одних свадебный стол за неделю готовить надо!

Потом мы еще с полчаса писали рапорт шефу по поводу утери «переходника» и невозможности вернуться на Базу. Пусть высылают подмогу, хотя котик говорил, что в отдельных случаях агенты ждут до двух-трех лет, пока будет оказия! В принципе мне здесь понравилось, можем и задержаться...

После завтрака пошли прощаться с литовским рыцарем. Двое альбатросов неожиданно сорвались со своих насиженных мест и взмыли в небо. Гроб, в котором покоилась княжна, уже водрузили на катафалк, наверное, лучший по тем временам, с хорошими лошадьми. Труссеведен готовился к отъезду, с утра он пребывал в хорошем настроении.

— Папа был бы рад, мой долг фернуть ее прах родственным и предать родной литофской земле! — талдычил он одно и то же.

Мы с ним сердечно обнялись и просили при случае передать привет старику-колдуну

из города.

Янис хлопнул себя по лбу и вскрикнул:

— О небо! Чуть не забыл, брат Ютингем, это фаше? — Он порылся за пазухой, выудив наш «переходник». Да, да, тот самый, который командор умудрился потерять в горящем костеле. — Ночью мне изфолил присниться тот самый фолшебный старец и передал для фас эту фець. Утром она лежала ф моем сапоге...

— Чувствуется, — приняухалась я. Удивляться уже ничему не приходилось, главное, что мы все-таки сможем вернуться домой. Спасибо дяде Гендальфу скажу, как только он «изфолит» присниться мне.

В замке на нас с Алексом поглядывали как на избавителей, к чему мы привыкли, а вот к Профессору относились настороженно. В Средневековой Европе кошек часто считали колдовскими созданиями, а слова магистра о говорящем коте многим запали в душу. Хорошо меня больше не просили привести доказательства «мужского пола», потому что к нам благоволил сам великий комтур, по-прежнему принимая Алекса за ревизора из Рима.

Я наврала, что являюсь монахом-детективом и, благодаря Божьей помощи, расследую преступления в монастырях. В Мальборк меня привели слухи о таинственных смертях, а с братом Ансельмом мы встретились по дороге, пообщались и, подумав, стали действовать вместе. Как ни странно, эта ерунда до того устроила комтура, что он торжественно преподнес мне гонорар — довольно увесистый мешочек с серебряными монетами.

Перед отъездом, несмотря на насупленные брови кота и его многозначительные взгляды, призывавшие меня опомниться, я, переглянувшись с Алексом, отдала все деньги Мартину:

— Откроешь переписную лавку. Она тебя еще лет сто кормить будет до повального распространения книгопечатания.

— Ура! Я ведь всю жизнь об этом мечтал! — радостно воскликнул парнишка. — Еще когда был учеником хозяина переписной лавки! Теперь мы столько воззваний с призывом вступать в ряды повстанческой армии накатае-э-эм...

Короче, на Базу мы вернулись вовремя. Надеюсь, в замке Мальборк счастливыми остались все, кроме, разумеется, злобствующего в камере великого магистра. Теперь я вынужденно признала, что и среди завоевателей-тевтонцев попадались не самые плохие люди. А альбатросы, как мы потом узнали, в замке больше не появлялись, значит, еще две скитающиеся души нашли успокоение...

* * *

На Базе, как всегда, царил оживление. Родной улей жужжал и трудился вовсю (или создавал видимость постоянного труда без отдыха, что более вероятно — не все же такие трудяги, как мы). Шеф был так доволен нашими результатами — он ведь утер нос своему сопернику — главе Монстроисследовательской Базы, — что сам (где бы записать!) поинтересовался, не нуждаемся ли мы во внеурочном отпуске? Алекс быстро ответил, что нуждаемся, Пушок напомнил о премии, а я вставила, что мы приглашаем всех на нашу свадьбу. Шеф пообещал лично заняться приготовлениями и сделать это событие поистине грандиозным.

Я наконец отоспалась и толком вымыла голову. Надо бы еще маме позвонить, вообще-то она в курсе наших с Алексом отношений, но как ей сказать, что свадьба ее дочери будет происходить неизвестно где, на Базе Будущего, в кругу перевоспитанных монстров и профессиональных оборотней... Нет, можно было бы и у нас в городке повторить для родственников, но тогда кот обидится — ему же придется все мероприятие изображать бессловесного домашнего зверька.

Ближе к ужину в памяти всплыл Мальборк. Я представляла, как там сейчас Мартин со своими «шифровками» и бедный монах Расмус (не притесняют ли его за прошлые невольные «провинности?»), хорошо ли добрался в Литву осторожный Труссеведен, сумел ли

выкрутиться хитромордый фон Сальца...

— А что это все так заахали, когда магистр призывал на мою голову кару небесную?

— Считается, что проклятие человека с таким высоким уровнем внутренней энергетики обретает невероятную силу. Но, к счастью, агент 013 крепко держал тебя за ногу. Кошки в этих случаях частенько срабатывают как громоотвод, — пояснил Алекс.

Мы беседовали в оранжевее, Профессор удрал заказывать черный костюм шафера и должен был вернуться с минуты на минуту.

— То есть он принял проклятие на себя?

— В каком-то смысле, но оно предназначалось человеку, и вряд ли с агентом 013 что-нибудь случится.

— И все равно, благодарственный поцелуй он заслужил, — честно решила я. Все же какой у нас с Алексом хороший напарник: и жизнь спасет, и плохому не научит, и даже свидетелем на свадьбе выступит...

Пушок прибежал недовольный и взмыленный — в магазинах готового платья не оказалось его размера, а в том, что предлагали, он на люди не покажется, так уже даже в театре Куклачева не одеваются...

Вернувшись после ужина к себе в комнату, я обнаружила на своей постели брошюру «Как родить гениального ребенка».

— Интересное дельце, надо бы почитать вслух Алексу, вместе и посмеемся. И кто, собственно, мне эту ерунду подбросил?

Я бросила книгу в угол (не читать же всякую чушь) и завалилась на кровать с «Мечом в камне», уж юмора здесь точно больше. А того, кто начал раньше времени снабжать нас «умными советами», я непременно разоблачу завтра, у меня уже есть на примете одна кандидатура...

На следующий день агент 013 попался мне в библиотеке, где он жарко спорил с Бэсом. Предмет спора, как я поняла, заключался в вольной трактовке событий, изложенных в труде Профессора, к написанию которого он периодически возвращался. Оба были уже изрядно на взводе и явно намеревались перейти к более «весомым» аргументам...

— Зачем тратить нервы на то, о чем успешно забыли еще десять тысяч лет назад? Кого это сейчас волнует? — Я попыталась выступить миротворцем, но получилось, что оскорбила до глубины души обоих оппонентов.

— Деточка, лучше не вмешивайся в спор ученых мужей, — сухо посоветовал кот, не сводя убийственного взгляда с Бэса.

Маленький божок сидел на стуле, поджав ноги под себя (они у него все равно не доставали до пола), и тоже отфутболил меня в интеллектуальной форме.

— Что-то не похожи вы ни на одного из семи древнегреческих мудрецов, поэтому особо не умничайте, — обиженно развернулась я и встретила взглядом с биороботом Стивом. Ни разу не видела его в библиотеке, что же произошло? Может, он поступил на заочное в Межгалактический колледж пилотов-воителей, была у него такая идея-фикс. Но нет, похоже, он здесь исключительно ради меня.

— Алина, я пришел попрощаться, — начал он, опуская взгляд.

— Пока-пока, а когда возвращаешься? Смотри только, нашу с Алексом свадьбу не пропусти, — нарочито веселым голосом ответила я, удивляясь его выражению лица. Оно было торжественно-обреченное, если можно так выразиться. Как будто Стив дал страшный обет или потерял любимый бластер. Но он помялся, ничего не сказал, развернулся и стремительно ушел.

Как-то нерадостно день начинается... Ну и ладно. Зато Бэс с Профессором на время прекратили диспут, и египетский бог веселья снизошел до моих проблем. Он еще раз уточнил количество гостей, посоветовав включить в программу какое-нибудь символическое жертвоприношение. Например, торжественно сжечь свадебный пирог в дар богине Хатор, покровительнице матерей, чтобы у нас были здоровые дети.

Я подозрительно уставилась на него, но нет, вряд ли это он подбросил мне книгу.

Скорее всего, божок просто соскучился по жертвоприношениям и внес это предложение только потому, что на Базе кровавые жертвы исключались, а пирог — пожалуйста! Только не при хоббитах, не поймут...

— Как хочешь, вечером я занесу тебе готовую программу свадебных мероприятий, благословенная моя. Надо внести туда еще несколько моментов, ритуальные песнопения, пляски плодородия, традиционные оргии... А теперь иди, смертная, займись насущными делами. — Он с достоинством кивнул.

Да, изменился он с тех пор, как был принят в сообщество нашей Базы. Стал более уверен в себе, независим, кланчить еду ему больше не приходилось — ее было вдоволь.

В обед я обнаружила в комнате еще две книжки из той же серии, все о том, как родить ребенка с феноменальными способностями. Что ж, и они так же благополучно отправились в корзину. Капкан, что ли, за дверью поставить, любопытно же... Ха, вот смеху будет, если попадется шеф!

Нет, Алекс точно не мог, он и жениться-то боялся, не то что брать на себя такую ответственность, как дети. А если бы хотел, так сам сказал бы, чего тут опасаться. Я, конечно, детей люблю и хочу, но, наверное, все-таки не сразу в первый год после свадьбы. Кстати, а дают ли на Базе декретный отпуск? Надо срочно выяснить!

А уже к вечеру все разъяснилось. Я сказала ребятам, что пойду искать Бэса, утрясать составленную им программу, пусть не обижается, но... Например, процессия с факелами и внос в кабинет шефа жениха и невесты на позолоченных носилках — несколько претенциозно. А по пути вспомнила, что забыла отпечатанный текст на столике. Естественно, забежала к себе, и что же я увидела? Котика, раскладывающего на моей кровати тоненькие книжечки на ту же тему! Теперь их было не меньше пяти или шести.

— Агент 013?! Так это ты, провокатор! Мы ведь, кажется, уже не раз говорили тебе, что свои семейные дела как-нибудь решим сами, — грозно обрушилась я на кота. Но этот маленький наглец смутился только в первую секунду, быстро взяв себя в лапы.

— Алиночка, не сердись, пожалуйста, «как-нибудь» семейные дела не решаются, — начал он своим обычным поучительно-менторским тоном. — Я надеялся, что, увидев эти книги, ты заинтересуешься и прочтешь хотя бы одну для начала. Дело в том, что мне нужен наследник.

— Вэк... вэк... вэк?!

— Э-э, в смысле, говоря иначе, мне нужен кто-то, кому я смог бы передать свой опыт, свои исключительные знания, обучить всему, чем владею! Было бы жаль, если бы все это кануло в небытие вместе со мной...

— Пусик, ты хорошо себя чувствуешь? — резко обеспокоилась я. — Животик не болит, лапы не трясутся, внутричерепное давление на погоду не скачет?

— Нет, благодарю, выслушай меня...

— Ты меня пугаешь, неужели ты хочешь нас покинуть?! Чувствуешь приближение конца? О да, ведь коты долго не живут... Но я хочу, чтобы ты знал: твоя жизнь была короткой, но яркой и значительной! — подхватив котика на руки, тараторила я, действительно испугавшись неизбежного.

— Остановись же, несносная, и не жми меня! Я не собираюсь умирать. Наоборот, как раз сегодня я чувствую себя превосходно. Но в одном ты права, кошачий век действительно короче человеческого. Поэтому именно сейчас я намерен пройти курс омоложения, увеличения продолжительности жизни, обострения умственных способностей. Нет предела совершенству! Я давно переписываюсь с тибетскими монахами, делаю специальные упражнения, пью травяные настои. Но не буду все перечислять — ты утомишься. Короче, этот спецкурс при правильной ориентации занятий может продлить мою жизнь до двадцати лет, а в дальнейшем и...

— Очень за тебя рада, — сердечно сказала я, прерывая увлеченные излияния Профессора. В душе я искренне порадовалась, что с котиком все в порядке. Согласитесь, он всегда нужен нам живым...

— Так вот, Алиночка, мои знания и способности настолько уникальны, что им нельзя дать пропасть даже в далеком будущем. А с другой стороны, я слишком долго был агентом, теперь время стать учителем!

— Но ведь ты уже преподавал?

— Да, но всего лишь филологию. И кому? Небрежным, легкомысленным студентам. Теперь же я хочу воспитать исключительного, лучшего за всю историю Базы борца с монстрами и всей остальной нечистью. Ученика, которым я смогу гордиться!

— И кто же этот счастливчик?

— Им станет ваш с Алексом ребенок! У вас есть кое-какие данные, они будут заложены в него генетически, остальным займусь я. И воспитаю из него самого умного, самого сильного, ловкого, красивого и удачливого профессионала высшего класса!

— Все это, конечно, очень интересно, но, если ты не против, я сначала посоветуюсь с Алексом, — устало заметила я, собираясь уходить.

— Не понимаю твоих сомнений, другая бы только радовалась на твоём месте, зная, какой тренер будет у её мальчика, — насупился Профессор.

— Мальчика?! А если родится девочка, а если мы вообще не собираемся заводить детей в ближайшее время?

— Девочка?! Никаких больше девочек, хватит нам и одной! Прости, прости, ты не в счет, — спохватился Пусик, на секунду отводя взгляд. — Но лучше бы это был мальчик! Есть специальные диеты и максимально удобные позы, я покажу, если, конечно...

Так, похоже, он всерьёз загорелся этой идеей — воспитанием младенцев. Не было печали, уж такого от него никто не ожидал...

— Я буду тренировать его с раннего детства, — мечтательно произнес агент 013, улыбаясь своим мыслям.

Когда я рассказала об этом Алексу, он только криво усмехнулся и определенного мнения на этот счет не высказал, так что посмеяться вместе не удалось. Вообще, он стал какой-то нервный за последние два дня, иногда даже не слышит, о чем я говорю. А при разговорах о свадьбе у него дрожат руки, и он вдруг срывается с места, говоря, что ему надо позаниматься в тренажерном зале. Может, ему витамины попринимать? Сам ведь настаивал...

Но я тоже нервничала, зная, как законный брак может изменить мою жизнь, а мне особо ничего менять и не хотелось. Разве что Федор оставил бы в покое мое колечко. Хоббитов стали понемногу выписывать из клиники, они бродили по Базе какие-то настороженные, пришибленные, неуверенно озираясь вокруг. Я глядела на них с опаской, гадая, успеем ли мы сыграть свадьбу до того, как выпишется большая часть этой шайки? Увеличивать свадебные расходы втрое не хотелось, тем более что бюджет был уже обсужден и утвержден.

На следующий день агент 013 получил послание из Египта. Свернутый в свиток папирус, запечатанный десятком восковых печатей с изображением древнеегипетских богов. Его тайно передал Пусику Бэс, я как раз вошла в комнату и, конечно, с любопытством ждала, когда кот прочтет послание, лучше вслух. Но Профессор вдруг страшно засмутился, схватил папирус и бросился вон. Я потребовала объяснений у Бэса, но тот только загадочно улыбался и молчал в ответ на все расспросы. Прибила бы его за эту противную улыбку...

Пришлось набраться терпения и ждать, пока котик соизволит сам поделиться новостями. Я мучилась часа два, едва не лопнула от любопытства, пока не наткнулась на напарника в оранжерее, под пальмой. Он сидел в позе сфинкса с такой неизбывной печалью на умной мордочке, что мое сердце невольно екнуло.

— Пусик, ты в порядке?

— Да, Алиночка, не обращай на меня внимания, одиноким котам иногда свойственно впадать в меланхолию.

— Но ты же не одинок! — не удержавшись, воскликнула я. — У тебя столько хороших друзей, а еще мама, братишки, сестренки! Я уж не говорю о нас с Алексом...

— Я об ином, и ты меня понимаешь.

— Кажется, да... Но ведь коты, по-моему, не заводят семей? Я думала, что уж ты-то никогда не променяешь свободу на брачные узы!

— Не все коты — бродяги. Лично я, например, сугубо домашнее существо, предпочитающее уют, тепло и домашнюю пищу. Хотя это не главное... Я встретил кошку, с которой хотел бы разделить все это!

— Анхесенпаатон? — сама не знаю как, но я впервые без запинки выговорила ее имя. Так вот от кого папирус! Наверняка с нежным посланием, воздушными поцелуями и прочими «уси-пуси»!

— Да, это она. Как я был счастлив узнать, что она тоже не может меня забыть и наши чувства взаимны!

— Хм, честно говоря, переизбыток счастья на твоей физиономии не очень заметно, — чуть саркастично отметила я, заглядывая в унылую мордочку кота, опустившего уши. — Может, ее родители выдают насильно за какого-нибудь знатного священного кота, живущего в почестях при храме? Или она уже вышла замуж и родила пятерых котят?

— Нет, нет, проблема в другом. Мы хотим с ней пожениться, и ее родители в этом не препятствуют, но оставить Базу и переехать в Египет я не могу...

— Само собой! Ты ведь не бросишь нас и не уйдешь из команды, — немного встревожилась я. — Тем более что и с твоей научной работой все уладилось — Бэс оказался прекрасным консультантом. Ты точно получишь Нобелевскую премию!

— Этот твой Бэс, между прочим... Иногда у меня складывается впечатление, что он в Древнем Египте был как турист, проездом, — мрачно проворчал Профессор. — Порой такие абсурдные вещи начинает доказывать... аж бесит!

Но я-то знала, как агент 013 и египетский божок успели привязаться друг к другу: чтобы найти Пусика, нужно было искать Бэса, и наоборот. Похоже, им доставляло удовольствие проводить время в интеллектуальных спорах о божественной сущности Нила или о том, кому принадлежит честь изобретения такой «хитроумной» штуки, как дамба: людям, богам или вообще крокодилам?!

— Послушай, но если шеф разрешил нам с Алексом создать семью, почему же он откажет тебе? Ты ведь не давал обет безбрачия.

Однако глаза кота приняли настолько смущенно-сердитое выражение, что до меня дошло: последняя фраза действительно его каким-то образом касается. Но ведь он же не средневековый монах-католик...

— Я объясню: раньше на работу сюда брали только по подписании контракта, в одном из пунктов которого ясно обозначалось главное условие — никаких семей! Женатых не принимали, Базу только что утвердили, охота на монстров всегда была престижной, мы дорожили службой. Нарушение контракта каралось увольнением, а нарушить, кроме одного ушлого гнома (дальнего родственника шефа), никто не посмел. Но этот гном думал, что его не раскроют, и выдавал свою бородатую жену за приехавшего к нему в гости родного дядю.

— И Алекс тоже подписывал такой договор?!

— Нет, ему повезло, бланки временно закончились. Секретарь собирался в отпуск, спешил и подошел к оформлению документов халатно. Шеф подписал не глядя, а потом...

— Секретаря уволили?

— Естественно, но к агенту Орлову никаких претензий не было. А нашему начальнику не свойственно отменять собственные решения и корректировать то, что им уже подписано. Хотя, по букве контракта, вашей будущей свадьбы могло и не быть...

Я вздрогнула:

— Но... может быть, как-то... ну, хочешь, сходим к нему вместе? Шеф не откажет, ведь все-таки ты не рядовой сотрудник. Я думаю, все будет хорошо, и вы с Анхесенпаатон дружно заживете у нас, на Базе.

— В том-то и дело, что второго такого сотрудника, как я, ему уже не найти! Представь худшее: вдруг я предпочту работе семью? Вы-то с Алексом оба агенты и вряд ли оставите

службу, а я запросто могу увлечься домашней жизнью и подать в отставку... Кто способен меня заменить?

Пессимизм кота начинал потихоньку нервировать, этот маленький зануда при желании убьет любое сочувствие. То есть он предпочтет молча страдать у меня на глазах, но коготь о коготь не ударит, чтобы изменить сложившуюся ситуацию?! А если взять его за шиворот и прямо сейчас, силком отволочь к шефу, положить на стол и потребовать, чтобы...

Вероятно прочувствовав своим обостренным кошачьим чутьем мои кардинальные мысли, Пусик поспешно ретировался, заверив, что внемлет моему совету и посетит шефа. Вот только побежал он в сторону столовой. Понимаю: нервы и у меня возбуждают аппетит.

Уже на следующий день было готово свадебное платье. Почему-то мне захотелось, чтобы его сшили из голубого шелка с фениксами. Наши портные и костюмеры благополучно справились с задачей — я выглядела в нем безумно привлекательно! Алекс, конечно, платья не видел, как и положено жениху, но ему, похоже, было все равно — выйди я даже в страусовых перьях. Хотя нет, если в перьях, он бы, пожалуй, не устоял...

Мои напарники почему-то опаздывали на завтрак, я уже съела кашу и бутерброд с маслом плюс выпила две чашки кофе. Синелиций пребывал в самом благостном расположении духа, одаривая меня улыбками из-за раздаточного стола и вопросительно кивая на кастрюлю с манной кашей насчет добавки. Не, не... и так объелась, пока большую часть хоббитов держали в больнице, порции в столовке стали просто огромными. Кстати, надо бы успеть навестить мохноногих бедолаг, приемные часы были ограничены.

Наши полурослики каждый раз ныли, жаловались на врачей и на больничную кормежку. Но не на качество (хоббитам обычно все равно, что есть), а на малое (с их точки зрения) количество, а потому брали с меня обещание, что я их не забуду и буду продолжать подкармливать. Я уже перетаскала им всю соленую рыбу из мешка Пусика, которую он получил за ликвидацию ангьяка от наших чукотских друзей. Сегодня занесла им обнаруженный под кроватью мешок с сухарями, оставшийся еще от прошлого хозяина комнаты. Они были страшно благодарны!

Однако и впрямь: почему задерживаются Алекс и кот? Я поднималась из-за стола не на шутку встревоженной, когда командор вбежал в столовую в расстроенном виде. Мое сердце замерло в предчувствии беды... На этот раз оно не ошиблось — Алекс горестно сообщил, что агент 013 заболел.

— Надеюсь, не чумкой? Возраст вроде бы не тот, да и прививки должны были делать.

— Нет, что-то более серьезное. А началось все с общей слабости и отсутствия аппетита...

Я вспомнила, что действительно кот вчера мало ел за ужином, да и до этого ходил с опущенным хвостом и вялой мордой, но это могло быть временно, из-за сердечных переживаний. Шеф, которого он все же посетил, категорически высказался против его женитьбы! Он вообще сказал, что не надо было и нам с Алексом разрешать устраивать свадьбу, потому что эта идея как вирус может распространиться среди агентов. И вот оно так и случилось — уже второе заявление... Что ж ему, в недалеком будущем еще и детский сад на Базе открывать?!

— Не знала, что Пусик примет отказ шефа так близко к сердцу. Он же умный, знает, что надо лишь немного подождать. Все устроится...

Мы поспешили по коридору в южный сектор, где находится больница. Главное сейчас — успокоить агента 013, побольше положительных эмоций, а с нашим начальством я сама разберусь, сегодня же. Это же надо было придумать — контрактом заставлять котов не жениться?! Какой изощренный садизм!

В коридоре Алекс почему-то свернул не направо, где находились палаты с душевнобольными, а налево, где была лаборатория гоблинов, мне там готовили сыворотку. Ничего не понимаю...

Нас встретили и проводили в нужную палату. Котик лежал на металлической узкой кровати, укрытый по грудь простыней. К его лапке была подсоединена капельница, а лоб

обмотан проводками с датчиками. При виде нас он попытался слабо улыбнуться.

Я бросилась к нему, рухнув на колени и не стесняясь слез:

— Что такое, агент 013, слабость во всем теле, кружится голова, не можешь ходить? А все оттого, что вчера ты плохо ужинал, а сегодня не завтракал. Хочешь, я покормлю тебя с ложечки?

Гоблины, находившиеся в комнате, посмотрели на меня, как на идиотку, но промолчали. Я вопросительно уставилась на кота, но у него, похоже, даже говорить не было сил. Да объяснит мне кто-нибудь наконец, что происходит?! По лицу Алекса было видно, что и он не в курсе событий. Главный гoblin, доктор Фарди, тихо вытолкнул нас в коридор, заставил присесть на скамеечку и честно признал:

— Ситуация безысходная.

— В каком смысле? — ахнули мы.

— В худшем... Однако, хотя болезнь протекает стремительно, нам все же удалось выяснить ее причину. Всею виной ваше последнее задание в Польше.

— Вы думаете, он там что-нибудь съел, — не удержалась я. Командор взглядом попросил меня не мешать коротышке.

— Как следует из отчета вашей группы, в последнюю ночь пребывания в Мальборке было разоблачено преступление магистра ордена тевтонцев, некоего фон Сальца. Перед тем как последнего препроводили в тюрьму, он наслал на вас проклятие, так?

Фарди вопросительно посмотрел на меня. Точно, магистр как-то замысловато высказался в мою сторону, ну и что? Я все равно об этом почти сразу же забыла...

— Да, но какое это...

— Потерпите, агент Сафина. Так вот, на самом деле слова столь честолубивого и энергичного человека, сказанные им на пике крайнего эмоционального возбуждения, действительно имели вес!

— Он... прикрыл меня!

— Да, агент 013 успешно сработал как компенсатор отрицательной энергии. Поскольку он кот, то и сам искренне полагал, что проклятие, посланное человеком на человека, на животное не действует.

— А разве это не так? Нас учили «блокировать» проклятия, — теперь уже не выдержал и Алекс.

К слову сказать, пару месяцев назад у нас проводились курсы повышения квалификации, и на одной из лекций по защите от последствий негативной энергетики эта «истина» была озвучена среди прочих. Но гoblin не дал ему договорить:

— Нельзя упускать такое понятие, как исключение! Они есть всегда, везде, во всем, и ничего тут не попишешь. Для нас самое важное на сегодняшний момент это то, что проклятие сбывается даже быстрее, чем если бы оно воздействовало на одного из вас! Парадокс, но... процесс необратим. — Фарди сочувственно склонил уродливую голову. — Сожалею — вы теряете своего товарища. Отменить проклятие невозможно, мои знания бессильны. Ему осталось жить несколько часов...

Я остолбенела. Нет... боже, нет! Ведь завтра же свадьба! И Пусик — свидетель со стороны Алекса. Как же... как мы без него?!

Весь день мы не отходили от постели нашего боевого собрата. К вечеру к коту вернулся дар речи, он еле слышно пожелал нам счастья, безуспешно пытаясь протянуть лапку для рукопожатия. Все происходило как во сне, настолько казалось неправильным и противоестественным...

Потом я вышла отреветься, оставив на дежурстве Алекса (от гоблинов помощи не было никакой, они только списывали показания датчиков с экрана и шушукались, не обращая на нас никакого внимания). Когда я вернулась, командор ждал меня в коридоре. Выражение лица у него было недвусмысленное, а в глазах стояли слезы. Я не стала бросаться в истерику, тем более что поверить в произошедшее просто не могла. Перед глазами поплыл розовый туман, я оперлась спиной о стену...

— Все кончено, он в кошачьем раю, — на всякий случай произнес Алекс, думая, что я просто не поняла, что произошло.

— Да, конечно... — кое-как совладав с голосом, согласилась я, пряча лицо на груди любимого.

Мы зашли в палату, котик лежал, как будто спал, и даже улыбался во сне. Гоблины, отлепившие от его тела датчики, приняли скорбный вид. Нас вывели в смежную комнату, еще никто на Базе не знает, что... все. Прощай, мой Пусик...

— Не-э-эт! Этого не могло случиться! — Неожиданно во мне взорвалась слепая ярость. Я сгребла Фарди за лацканы белого халата. — Есть же достижения прогресса! Это ведь не двадцать первый век! Где ваши хваленые технологии будущего?! Только скажите мне, что они не могут нейтрализовать проклятие средневекового маньяка!

Какой-то незамутненной частью мозга я понимала, что вопить надо было раньше. Но ведь не верила до последнего... И до сих пор не верю! Доктор наук, болтая ногами, испуганно пытался от меня отцепиться. Он хорошо помнил, что учиняли здесь в прошлом году и я, и Алекс, — повторение смерти подобно. Пути мирной гоблинской лаборатории «Вход воспрещен всем, кто выше метра ростом» и профессиональных оборотней снова пересеклись!

— Шеф, но ведь в принципе есть один способ. Если они действительно согласны на все... — пропищал кто-то у меня за спиной. Молодой худой гoblin, наверно, младший научный сотрудник.

— Вот видите! — торжествующе взревела я. — Так вы от нас что-то скрывали?! Я же все здесь по кирпичику разнесу... Любимый, не держи меня!

Алекс с величайшим трудом, политикой силы и уговоров, сумел-таки вырвать гоблина из моих рук и... гневно перевернуть вверх ногами:

— Любимая, держи меня, или я продолблю здесь колодец госпитальеров ученой головой этого гамадрила!

Начальник лаборатории покосился на него снизу вверх, силясь определить серьезность намерений. Видимо, он еще сомневался... Зря, милый, зря!

— Не смей! Он мой, я сама его убью!

Минуты три мы старательно тянули обалдевшего гоблина за руки и за ноги каждый к себе. На шум борьбы сбежались остальные сотрудники лаборатории. Вооруженные пинцетами и огнетушителями, они отчаянно пытались отбить своего научного руководителя. Фарди быстренько прикинул последствия возможных разрушений и сдался:

— Хорошо, я скажу. Возможно, у нас и в самом деле есть некоторые наработки в области перемещения в пространстве и во времени. Мы достигли почти невозможного, но это открытие не столько научное, сколько... В общем, речь идет о покушении на такие высокие сферы, посягать на которые не принято из религиозных соображений! И, будьте добры, поставьте меня на место...

— Что это за открытие?

— Я же говорю, новое... — Мы быстренько усадили гоблина на шкаф с медицинскими инструментами, тем не менее все еще держа за руки. — Но обязан предупредить: пока оно не прошло проверку на людях, мы не вправе его применять!

— А мы никому не скажем, — чистосердечно поклялся командор. Ему трудно не поверить. Взгляд у Алекса совсем как у ребенка — наивный и чистый. И в нем отражается все-все, вплоть до обещания в случае отказа лишить лабораторию ее главного специалиста...

— Наша сверхчувствительная аппаратура зафиксировала то место, куда отправился ваш друг.

— В кошачий рай?

— Мм, в принципе можно сказать и так. Я могу вас туда доставить, но вы можете и не вернуться — астральные путешествия очень опасны. Мы ни за что не можем нести ответственности, наши гарантии пока не распространяются на...

— Мы подпишемся, что заставили вас силой отправить нас туда, угрожая взорвать

лабораторию! — воскликнула я, но командор почему-то «дал задний ход»:

— Алина, давай договоримся, совершенно необязательно отправляться туда вдвоем. Я быстренько слетаю за агентом 013, а ты подождешь меня здесь.

— Да, а если придется его искать? Не думаю, что Профессор будет сидеть на границе кошачьего рая и ждать нас, удобно устроившись на берегу сметанной речки с колбасными берегами. А что, ландшафт вполне подходящий для последнего пристанища кошачьих душ...

— Может быть, и придется, но ты останешься здесь, — твердым голосом повторил Алекс.

Он никогда себе не позволял говорить со мной таким тоном. Все было ясно: после потери котика он не мог себе позволить рисковать еще и мной... Поэтому вместо ответа я просто закинула руки ему на шею и при всех поцеловала в губы. Гоблины завистливо отвернулись...

— Решайтесь скорей, у нас мало времени. И вот вам бумаги на подпись, — деловито откашлялся Фарди, быстро подсовывая нам пару листочков, которые ему передал один из помощников.

«Шустрые ребятки», — подумала я, подписывая заявление о том, что мы с агентом Орловым силой принудили беззащитных гоблинов к рискованному эксперименту. Причем в очень яркой художественной форме описывались душевные и физические страдания сотрудников лаборатории, пытавшихся отговорить нас от рокового шага. По бумаге мы с Алексом выходили агрессивными самоубийцами с помраченным от потери товарища разумом.

Любимый тоже понял все и больше не пытался настаивать на своем, понимая, что так мы просто теряем время и уже никогда не вернем котика.

— Вас погрузят в анабиоз. Надеюсь, вы не страдаете сердечными болезнями? А нервными заболеваниями? Может, у кого-то повышенное давление? Жаль, нет времени проверить... Так же выход в астрал категорически противопоказан людям с врожденными заболеваниями кровеносной или дыхательной системы, — тараторил один из старших научных заместителей доктора.

Между делом с силой, которую я не ожидала в существе ниже метра ростом, он уложил меня на низкую кушетку, прежде чем я успела ответить на его вопросы. Ведь если вдуматься, то всеми из перечисленных им недугов мы страдаем! И нервы у меня никуда, и давление скачет, командор давно кровь не очищал травяными чаями... Но гоблин не слушал:

— В путешествие отправятся ваши астральные сущности, физические же тела останутся здесь. И до вашего возвращения (если вы вернетесь) мы будем поддерживать в них жизнь. Но предупреждаю: лучше вам там не задерживаться. Чем больше душа пробудет вне тела, тем меньше шансов вернуть ее обратно.

— Сколько у нас времени?

— Сейчас посмотрю... хм, мы будем ждать вас до двенадцати ночи. А теперь молчите и расслабьтесь! Доктор, мы можем начинать?

К нам стали цеплять проводки на присосках. Я скосила взгляд в сторону Алекса и протянула к нему руку, но начальник гоблинов предупреждающе оскалил зубы — шевелиться уже нельзя. Эх, даже не успела признаться Алексу, что мне, пожалуй, все-таки очень-очень страшно... И тут услышала последнее напутствие Фарди:

— Мы постараемся сразу забросить вас туда, куда надо, но отвечать не берусь. Если вдруг попадете в Низшие миры — берегитесь демонов, они любят приставать к заблудшим душам. Впрочем, вдвоем вы, возможно, и отобьетесь. Вернитесь до полуночи! В самом кошачьем раю все материально, поэтому там у вас будет физическое тело. По крайней мере, абсолютное ощущение оного... Самое главное, когда будет нужно возвращаться, просто возьмитесь за руки и мысленно представьте эту комнату. Запомнили?! Спрашиваю в последний раз...

Наверное, он говорил что-то еще. Даже наверняка говорил, просто я уже ничего не

слышала... Мое тело словно провалилось сквозь жесткую кушетку, потом пол, потом почему-то потолок, а там горячей искрой взмыло вверх, теряясь в феерической россыпи звезд!

Лишь на мгновение я почувствовала ладонь Алекса, нежно сжимающую мои пальцы. Особых изменений со своим телом я не заметила, вроде все по-прежнему на месте, реагирует и функционирует. Может быть, тонкие материи как-то проявят себя позднее? А пока должна признать, что это весьма романтично — совершить с любимым человеком путешествие по астральным мирам, держась за руки. Но это оказалось далеко не так, и даже ох как наоборот! Нас ждала целая операция, в которой охотниками оказались не только мы...

Глава 4

Так вот, сначала были джунгли. Мы свалились на колючую траву прямо посреди влажного тропического леса, где водяными испарениями можно было не только дышать, но и умыться.

— Вэк... где обещанная река сметаны и колбасный берег свежего сервелата?

— По-моему, это твои личные фантазии.

— Ладно, тогда хоть помоги встать...

Пользуясь случаем, я ненадолго прижалась к любимому плечу, а буквально через секунду до меня дошло, что кто-то медленно ползет по моей ноге...

— Ааа-а-ай, мама! — завопила я, взбрыкнув, как лошадь, и сбросив здоровенную змею.

Она быстро поднялась на хвост и неуверенно зашипела, взгляд у нее был слегка осоловелый. Я показала ей дрожащий кулак...

— Тебя не укусили? — заволновался командор, хватаясь за неизменный походный нож. — В следующий раз внимательнее смотри под ноги, надо уходить отсюда.

Мы развернулись и тут же наткнулись на болото. Только что его не было, а сейчас вдруг мутная хлябь возникла прямо у наших ног. Мы дружно отпрыгнули назад, под ногами начала осыпаться земля, и я едва не упала в воду, в которой плавали как минимум два подозрительных серо-зеленых бревна. Да еще с зубами!

— Теперь по-любому ясно, что здесь мы в любой момент можем встретиться с любой неожиданностью!

— Так, может быть, нам дальше не идти? Вдруг через пять минут перед нами возникнет цветущий луг с прыгающим за бабочками счастливым Пусиком? — предположила я, не подумав, что последняя картинка как-то не очень вяжется с окружающей нас действительностью. — Слушай, а почему мы решили, что это рай?

— Гоблины же сказали, — не понял командор.

— А если они просто не хотели нас расстраивать? Ну, в том плане, что вдруг наш любимый товарищ оказался грешником, а не праведником, и ему суждено мучиться в аду?! Согласись, что на ад это место похоже гораздо больше. А потом им было стыдно сознаться в обмане...

— Ты это сама придумала?

— Да, а как иначе ты объяснишь наличие ядовитых змей и болота с крокодилами?

Легко на помине, один как раз в этот момент подплыл почти к нашим ногам, прислушиваясь к не касающемуся его разговору. Любопытный, гад... Я резко подхватила с земли какую-то здоровую палку вроде бамбука и стукнула его по голове! Крокодил мгновенно скрылся под водой, упреждая второй удар, который пришелся по болоту.

Алекс сочувственно посмотрел на меня и покачал головой.

— Пойдем отсюда, любимая. — Он взял меня за руку. — А насчет рая или ада спросим у самого агента 013. Кстати, тут что-то не видно его собратьев. Хотя вполне может быть, что эти джунгли — рай для какой-нибудь пантеры или тигра, они же тоже кошки.

— Ого, вы уже здесь! Какая радость! Так приятно встретиться, надо предупредить остальных. — Из-за деревьев показался уродливый монстр с поразительно знакомой

внешностью. Давненько не виделись...

Огромный, с темной кожей, блестящей в редких лучах солнца, проникших сквозь густой зеленый свод. Острые уши, длинные клыки, чешуйчатый гребень, растущий как будто от самой шеи и тянущийся вплоть до самого хвоста. Я никогда его не забуду... Лощеная Спина собственной персоной!

Это с его «легкого укуса» я чуть не превратилась в монстра, но благо встретила Алекса, не говоря уже о коте, и волей судьбы сама стала агентом. Но что же это чудовище делает в кошачьем раю (или аду)? Он же умер!

Хотя глупо спрашивать — это же потусторонний мир. Командор мгновенно загородил меня спиной, выставив вперед нож. Но Лощеная Спина уже скрылся в чаще, делая огромные прыжки.

— Он, кажется, улыбался, — недоверчиво протянула я. Колени немного прыгали, так, самую чуточку...

Алекс задумался, потом нахмурил брови и коротко сказал:

— Пошли.

И мы пошли сквозь тропические дебри, а чего еще было ждать? Монстры нам больше не попадались (или пока не попадались).

— Интересно, кого он поскакал предупреждать? — по ходу спросила я.

И тут джунгли оборвались пустыней. Вдалеке на одном из барханов сидел кто-то маленький и полосатый. Когда мы подошли на достаточное расстояние (ну и тяжело же топтать по раскаленному песку, который еще и утекает из-под ног), показалось, это наш Пушок.

— Агент 013! — закричали мы с Алексом, но, когда он оглянулся с крайним смущением во взоре и дал деру, оказалось, что это абсолютно незнакомый кот. К тому же он совершал здесь свои дела сугубо физиологического характера, а мы ему так бесцеремонно помешали...

— Выходит, пустыня в кошачьем раю обеспечивает достаточное количество сухого песка для комфорта и удобства его главных обитателей, — логично констатировала я. — Разумно и рационально, а главное, места хватит всем.

Но, вопреки ожиданиям, ни одного кота мы больше не встретили. Ноги устали, а присесть было невозможно, песок здорово успел нагреться под солнцем. Алекс честно тащил меня за собой, крепко держа за руку, а я обессиленно сползала по бархану. Пить хотелось страшно, Алексу, наверное, тоже, но он терпеливо молчал...

— Милый, хочешь, я прокушу себе вену и напою тебя кровью, пока ты не умер от жажды! — пафосно прохрипела я, изображая Медею. После чего честно стала примериваться зубами к собственному запястью.

Командор, испугавшись, что я сошла с ума, хорошенько встряхнул меня за плечи:

— Алина, хватит дурачиться!

— Ни в одном глазу, я приношу себя в жертву нашей любви-и-и...

— Не надо жертв, посмотри — пустыня кончилась! — проорал он прямо мне в ухо.

Вот оглохну и вообще не буду его слышать и слушать!

— Очнись! Там море, деревья, люди...

— Это мираж, — упорно бормотала я, полуприкрыв ладонью глаза от палящего солнца. Но Алекс уже тащил меня волоком куда-то вправо.

Удосужившись наконец посмотреть, что он имел в виду, я действительно увидела маленькие домики с соломенными крышами. И море! Ага, сразу за пустыней, знаем мы такое море...

Я была на все сто уверена, что это мираж, но, когда мы дошли до первой смоковницы, оказалось — дерево реально. Мы попали в маленький рыбацкий поселок с соломенными бунгало, базаром и даже гостиницей. Полуодетые загорелые рыбаки, покачиваясь в лодках, тащили из моря сети...

А на уютной веранде с вывеской «Рыбный ресторан» нас наверняка накормят и напоят.

Ура, прогресс, спасение! Но когда я перевела взгляд с вывески на плетенную из соломы дверь, то увидела сидящего на ступеньках агента 013!

Честно, честно, это был он, собственной персоной! Профессор курил индейскую трубку и мечтательно поглядывал на море. Я схватила Алекса, рассматривающего окрестности, за шиворот, развернула, и наша радость стала общей, когда он увидел, кого мы здесь нашли! В один миг мы бросились вперед, дружно схватив кота в охапку.

— Вот ты где отдыхаешь, эгоист эдакий! А мы тебя ищем-ищем! Не убегай так далеко, здесь же кругом змеи, крокодилы и противная пустыня с раскаленным песком. — Я нежно щекотнула котика пальцем, даже не заметив, как исчезла жажда. Тот факт, что мой палец прошел сквозь его пузо, тоже не сразу отложился в сознании...

— Приветствуем, камрад! Мы за тобой, как видишь. — Алекс попытался отнять у меня кота, которого я обняла крепко-крепко и даже чуточку сплющила.

Профессор придушенно пискнул и по обыкновению уперся лапами мне в грудь, чтобы обеспечить себе необходимый приток воздуха. Но теперь в этом не было необходимости, котик утекал сквозь мои пальцы...

— Алиночка, я бы попросил! Понимаю, ты у нас натура импульсивная, но, может быть, хотя бы на том... этом свете я заслужил покой?! — возмущенно выдохнул он, вырвался из моих рук и, плюхнувшись на ступеньку, с рассерженным видом пригладил шерстку языком.

Да, характер у него не изменился — это вселяет надежду. А вырывается, видимо, по привычке, ведь ему ничего не стоило выскользнуть из моих объятий...

— Хорошо, хорошо, не буду, прости меня, дуру грешную! Но не пора ли нам домой, а?

Было видно, что кот, несмотря на ворчание, нам все-таки рад. Неизвестно, сколько времени прошло по здешним меркам с тех пор, как мы последний раз виделись, но он уже успел соскучиться, а уж как мы стосковались по нашему Пусику! Однако мой вопрос почему-то не вызвал у него однозначной реакции ликующей радости. Вместо этого он ненадолго задумался, глядя на море с самым мечтательным выражением на мордочке, и, опять повернувшись к нам, предложил:

— А давайте-ка заглянем внутрь, здесь замечательно готовят рыбу-фиш, поджаренную кильку в томате и селедочный рассол.

— И самое главное блюдо — мелкая сырая рыбешка, «кошачья радость»? — тонко дополнила я.

— Откуда ты знаешь? — удивился кот. Шутки не получилось...

В ресторанчике было уютно: прохлада, ротанговые стульчики, низкие столы. По стенам развешана сушеная рыба, причем не мелочь пузатая, а «гордость рыбака» — крупная, отборная, с разинутой зубастой пастью. Бармен, одетый карибским пиратом, приветливо кивнул агенту 013 как завсегдатаю. У Пусика действительно был такой вид, словно он обедает здесь каждую субботу уже лет двадцать.

— Стильное местечко, — отметила я, потягивая фруктовый коктейль через соломинку. Даже бокал имел форму пузатой рыбы!

Алекс заказал тунца в сметане, я, по рекомендации кота, суп маринара, а он сам — камбалу с сырной корочкой. То, что Профессор не был наделен физическим телом, на его аппетите, похоже, ни чуточку не отразилось.

— Ты, деточка, судя по всему, недоумеваешь, как можно есть, находясь в бестелесной оболочке?

— Э-э, да, интересно вообще-то. Мы с Алексом почему-то получились материальными, хотя в литературе путешествия на тот свет обычно совершают души без тел. Тот же Данте, например...

— Во-первых, это кошачий рай. У нас свои законы. Во-вторых, ты мало начитана, в «Энеиде», в мифах об Орфее, в сказках Афанасьева, в «Пропавшей грамоте» Гоголя, в...

— Да, да, — вмешался командор. — Ты прав, напарник, во многих случаях герои посещали загробный мир в своей телесной оболочке. Но дело не в этом. Как тут тебе?

— По правде говоря, нравится! Тут есть все, о чем только может мечтать такой

образованный кот, как я, и к тому же профессиональный борец с монстрами и чудовищами.

— Хочешь сказать, и здесь есть чудовища?! — встревожилась я, беспокоясь, разумеется, за кота — ведь теперь он всего лишь бестелесная оболочка, как ему защищаться?

— Бывает, встречаются иногда, причем как раз в тот момент, когда я подумываю о том, как бы размять лапы. Сразу вспоминаются наши совместные операции, когда мы охотились за очередным кошмарным зверем!

— Кстати, о монстрах, — припомнил Алекс. — Мы встретили в джунглях Лощеную Спину, помнишь? Он произнес интересную фразу, прежде чем скрыться в чаще...

— Да, сказал, что нас здесь ждут! — подхватила я, с громким хлопом допивая последнюю каплю из бокала. — И знаешь, по этой злобной морде было видно, что его радость от созерцания нашей компании неподдельна! Что бы это значило?

Профессор снисходительно покосился на наши напряженные лица:

— Так ведь именно это я и пытаюсь вам объяснить. Кошачий рай — это край вечной охоты! Вполне логично, что здесь можно встретить всех тех монстров, на которых я когда-либо охотился. Думаю, здесь их держат исключительно для того, чтобы я мог вспомнить все приятные моменты моей героической жизни, — важно закончил он, почесывая за ухом.

Вот хвостатый эгоцентрик! Ну можно ли такого не любить?!

— Зачем же монстр ждет нас?

— Возможно, с целью сделать эту охоту еще более интересной! Я же говорю: здесь все устроено ради нашего удовольствия, да и чем еще развлекаться после смерти?

— Но мы еще живы! И ты тоже... практически... Пожалуйста, выслушай нас, не перебивая, — есть шанс!

Мы с Алексом торопливо растолковали ему, что ученые-гоблины ручаются за успех, и нет никаких препятствий к возвращению назад, кроме времени, которого, как всегда, мало. Надо спешить, а не то будет поздно! Давай возьмемся за руки, все вместе представим лабораторию доктора Фарди и...

Увы, котика наши мольбы нисколько не тронули.

Спокойно выслушав нас, он отвлеченно мурлыкнул:

— Знаете, а вчера я встретил здесь Хемингуэя. И за бутылочкой селедочного рассола (но он вообще-то взял бутылку хереса) мы все утро проговорили о жизни, женщинах и рыбе... Я подсказал ему идею произведения о старике, который с великим трудом поймал огромную рыбу, но ее сожрали акулы.

— Ах, так это теперь уже твоя идея! То есть при желании ты можешь общаться с образами всех великих людей, переполняясь сознанием собственной значимости. Разумеется, здесь все устроено для котов, а ты среди них — наиглавнейший!

— Алина, не надо... — безуспешно попытался остановить меня командор.

— Конечно, против Хемингуэя мы кто? Всего лишь любящие и преданные товарищи, рискующие своей жизнью и семейным счастьем! Завтра у нас должна была быть свадьба, а мы все бросили, лишь бы найти тебя и вернуть домой!

Я едва не выдохлась, с чувством выдав такую проникновеннейшую речь, но задеть совесть кота не получилось... Пусик ровно ответил, что здесь он имеет все, что захочет. Плюс полное отсутствие контроля и указаний со стороны некомпетентного начальства. А это высшее благо, пусть даже и не на земле! Надеюсь, мы хоть когда-нибудь это поймем...

После чего взял и с жадностью набросился на поданную камбалу. Алекс попытался исправить положение, напомнив о том, что только позавчера он убивался по поводу невозможности его воссоединения с возлюбленной Анхесенпой. Как же она теперь?

— Так будет лучше, я буду ждать ее здесь, на небесах, — с легкой грустью парировал этот эгоист. — Только не говорите ей о моей трагичной судьбе. Я знаю, Бэс сплетник, а не всякую правду стоит бросать в лицо любимой кошке. Моя последняя просьба к вам, друзья мои, — не дайте ему это сделать! Пусть передаст ей, что я разлюбил...

Нам тоже подали заказ, но кусок не лез мне в горло. Переглянувшись с Алексом, я показала, что уже не знаю, чем прельстить кота. Но он лишь ободряюще улыбнулся и с

самой серьезной миной обратился к напарнику:

— Знаешь, агент 013, мы не хотели никому об этом говорить раньше времени, но... Если ты откажешься возвращаться, так, может, никогда этого и не узнаешь. Нам действительно пора назад, впереди новое задание, а за работой быстрее пройдет время траура. Свадьба, конечно, состоится, тем более что теперь для нее появилась еще одна важная причина...

Профессор наострил уши.

— Короче, поздравь нас, Алина ждет ребенка!

Я недоуменно вытаращила глаза и откинула челюсть... Командор пнул меня коленом под столом, и я послушно сделала благообразное лицо, скромно потупив сияющие очи. Алекс, счастливо уставившись на мой живот, нежно погладил его, другой рукой обняв меня за плечи так трепетно, будто я китайская ваза эпохи Мин (идеально подходит для сравнения с беременной женщиной — обе округлые в области пояса).

Агент 013 не донес вилки до рта, отбросив ее и едва не попав в официанта, и радостно взвыл:

— Мурр-мяу! У нас родится сын!

— Не у вас, а у нас, — слегка поднапрягся Алекс. — Мы знаем, как ты этого хотел, чтобы передать ему все свои способности и умения. Обидно, конечно, что теперь тебе не удастся воспитать НАСТОЯЩЕГО ученика... Но не беспокойся, я передам сыну свой скромный жизненный багаж: как переходить речку вброд, зажечь костер с одной спички, пить в компании — в общем, весь тот минимум, что постиг сам.

— О небо! Чему ты можешь его научить с пятью классами образования?! — с неподдельным ужасом воскликнул кот.

— Вот и я о том же... Ну да ладно, нам с Алиной, к сожалению, пора. Все, что мы хотели, — это убедиться, что тебе здесь хорошо!

— Сын... ученик... достойный преемник... пить в компании?!!

— Алина тоже очень на тебя рассчитывала. Когда случилось это несчастье, она так убивалась, швыряла все, что под руку подвернется, в несчастных гоблинов, хотя уж они-то в чем виноваты?..

— Да, а потом мне стало плохо, я потеряла сознание, а когда меня откачали врачи, они сказали, что у меня будет ребенок. Причем именно мальчик, ибо тебе, как образованному коту, некие характерные признаки должны быть видны невооруженным глазом...

Разумеется, я рисковала. Профессор действительно обладает энциклопедическими знаниями, чтобы его можно было так легко провести!

— Меня не так легко провести, — сузив глаза, заметил кот и кинулся ко мне на шею с криком: — Я знал! Я давно подозревал, догадывался, более того, был уверен! Вы должны были сразу все рассказать, как только заявились сюда! Это же самая лучшая, самая долгожданная новость для меня...

Потом, после взаимных слез, обниманий и извинений, мы все немного успокоились, и Пушок засобирався в дорогу.

— Конечно, здесь рай, но еще не все мои дела закончены. Как оказалось, у меня есть долги в том мире и уходить на покой — преступно! Алиночка, теперь я сам буду следить за твоей диетой, физическими нагрузками, дыхательными упражнениями и культурным ростом. Я разработаю целую систему...

— Какую еще систему?

— Как ты отныне будешь жить! Первым делом никаких заданий, связанных с риском для жизни и здоровья твоего и ребенка.

Я хотела поспешно согласиться, но, поняв, что такая покладистость вызовет подозрения у Мурзика, стала ворчать и говорить, что не могу без работы. Мы вышли из ресторанчика, пообедав бесплатно, кот пояснил, что здесь платить не принято, хотя по разочарованному лицу официанта было видно — он до последнего надеялся, что хоть мы заплатим.

— Надо только взяться за руки и представить лабораторию гоблинов.

— Перенос во времени и пространстве посредством объединенной мыслеформы трех субъектов? Что-то в этом роде я и предполагал... Подождите, дайте последний раз посидеть на бережку, — попросил агент 013.

Мы начинали потихоньку впадать в панику, не зная конкретно, сколько еще времени придется его уговаривать. Однако все равно пришлось наклеить добрые улыбки и согласно кивать... Пусть Пушок думает, что это мы его так любим (дай только заманить тебя обратно на Базу, уж там я оттреплю твои уши в свое удовольствие за все издевательства и нервы!).

Вслед за котом мы спустились к песчаному берегу, присели на перевернутое каноэ, вдохнули всей грудью свежий морской воздух и... Но тут на нас напала целая банда каких-то оголтелых оборванцев под командованием рыжебородого типа! С чего, зачем, почему — все вопросы остались без ответа...

Командор дрался как лев, кот — как маленький тигр, я — вообще страшное дело... Но бродяг было человек пятнадцать против нас троих.

— Какого черта?! — рассерженно брыкалась я, когда меня увязывали толстенным канатом.

— Она кусается, Бенс!

Ха! Вранье, я не только кусалась, но и царапалась, била по болевым точкам и успешно уложила четверых с разными степенями увечий. Котик разукрасил троих и почти загрыз одного, пока его не сунули в мешок. Алекс справился с шестерыми! Зато седьмой набросил на него рыболовную сеть, и в результате мы потерпели сокрушительное поражение.

Вэк... А ведь я даже не припомню, когда это нам троим приходилось сдаваться врагу. Обычно в последний момент нас спасал счастливый случай или отбивались своими силами, каким бы ни было количество противника. Связанных и беспомощных, нас быстро поволокли в подплывшую лодку...

— Что происходит, агент 013?! Это точно то самое место, где все поставлено на пользу и радость котам?

— Разумеется, нет! В том смысле, что ни один кот в здравом уме и трезвой памяти не испытывает удовлетворения от грубого хватания немых рук и сидения в мешке! — Упакованный по горло Профессор, тяжело дыша, отлеживался у меня на коленях. — Эй, вы, мерзавцы и ренегаты! Я требую, чтобы нам сказали, что вам от нас нужно!

Но похитители, по виду пираты, не обращали на него ровно никакого внимания. Блин, знали бы они, как не вовремя влезли с этим своим нападением. Нас же гоблины на Базе ждут!..

— И с этой девушкой обращайтесь осторожнее, — вновь возвысил грозный голос кот. — Или я за себя не отвечаю!

Глаза упакованного в мешковину Пусика сверкали величиим и непоколебимым достоинством, как у взятого в плен наследного принца. Прямо вот только любоваться...

Алекс молчал, у него во рту был кляп, и он ничего не мог сказать: как самого опасного, его так перекутили веревками, что и пошевелиться-то было проблемно. Я, конечно, стала возмущаться такой несправедливостью, на что пираты пригрозили мне таким же кляпом. Конечно, меня это не остановило, но, едва я продолжила, они сразу же выполнили свое обещание, так что теперь мы с Алексом на пару сдержанно мычали и тщетно пытались освободиться от пут. Лодка мерно покачивалась на волнах, дружная работа веслами убаюкивала...

Задаваемые котиком вопросы, предложения денег и угрозы жуткой мести они игнорировали. Это означало только одно — им за нас уже заплатили и теперь они везут важных пленников в назначенное место. Не важными мы просто быть не могли, это само собой разумеется...

Профессор разумно сменил методику, теперь он терпеливо увещевал грязных злодеев покаяться и объясниться. Один, умилившись его речами, даже сказал:

— Вы только послушайте, ребята, зверек какой умный! Может, оставим его себе? Он

нам сказки будет рассказывать в штиль, когда мы со скуки помираем...

— Заткнись и гребь молча! — рявкнул рыжебородый.

— А чего... я ничего такого не сказал, чего говорить нельзя...

— Вот и молчи! Капитану все расскажешь...

К чему такая секретность? Ох, у меня уже спина болит и вообще лежать неудобно. У Алекса настроение тоже не лучше, судя по бессильной ярости в глазах. Ну почему гоблины не предупредили, что поход в кошачий рай может быть сопряжен с такими опасностями, мы ведь не на боевой операции!

— Они привезли нас к своему кораблю, — прокомментировал кот гулкий удар о борт нашей лодки.

Я толком даже не поняла, каким образом нас доставили наверх. Судно оказалось старинным двухмачтовым бригом, хотя в таких вещах я могу и ошибаться. Нас выложили посреди палубы, где мы изо всех сил старались сохранять презрительное и невозмутимое выражение лица...

— Так-так-так, а вот и они, наши золотые птенчики, — раздался смутно знакомый голос у меня за спиной.

— Как и договаривались, — подтвердил рыжебородый, в его грубом тоне мелькнуло некое заискивание.

Мы обернулись, Алексу пришлось труднее всех, но и он справился. Первоначально я как-то не поняла, кто перед нами. Вернее, просто не могла поверить...

— Генри Гудзон! Какими судьбами?! — ахнул всезнающий Профессор.

Да, было чему удивляться! Как, спрашивается, и с какими целями попал в кошачий рай призрачный корабль Гудзона вместе со всей призрачной командой? То есть, конечно, здесь они не призраками выглядели, и все-таки!

— Удивлены? Сто морских ежей вам в брюхо! — потирая от удовольствия руки и широко улыбаясь, обратился к нам капитан, по его кивку матросы вытащили наши кляпы.

Старый морской волк выглядел вполне презентабельно: длинные спутанные волосы, потертый, вернее, я бы сказала, полуистлевший камзол, бархатные рейтузы и высокие сапоги. Внешне вполне здоровый на вид мужчина лет пятидесяти с неровными зубами и хищным прищуром черных глаз.

— Удивлены, я вас спрашиваю?!

— Слегка, — вежливо ответила я, делая вид, что меня здесь вообще ничего не интересует, кроме красивого заката.

Командор немедленно потребовал, чтобы нам объяснили причину этого беспрецедентного нападения с последующим взятием в плен.

— Мы думали, вы пираты, — не выдержала и я (любопытство — мое слабое место).

— Эти молодчики и вправду пираты, их корабль стоит здесь неподалеку, — со снисходительной усмешкой ответил Гудзон. — Развяжите их... и поменяйте веревки на кандалы, так будет надежней!

Вот мерзавец! И главное, за что?! Мы ведь ему никогда ничего плохого не делали! Приказ поспешно выполнен матросами с посильной помощью притащивших нас пиратов, а капитан меж тем насмешливо продолжал:

— У нас с командой Бенса Рыжебородого дружеские отношения, и мы частенько помогаем друг другу. Да, старина?

— Чистая правда, Генри, — поспешно подтвердил рыжебородый, защелкнув у меня на ноге второе кольцо кандалов.

Только когда мы с Алексом были закованы, нас развязали. Кота пересадили в старую клетку для птиц. Профессор был хладнокровен, его, похоже, не волновало, что вот эта задержка в лице противного Гудзона может стоить ему возврата в реальный мир! Радости же кошачьего рая оказались сомнительными, но это уже не только его проблема... Значит, мы опять в одной команде.

— Эй, кэп, так зачем все-таки мы тебе понадобились? Наверняка причина идиотская —

неутоленное тщеславие или врожденные комплексы. Неужели только из-за боязни отказа ты решил не посылать нам приглашения, а доставить к тебе на корабль силой? — начала я. А что прикажете делать, раз мужчины молчат...

— Не сказал бы, что вы близки к истине, мисс, — задумчиво усмехаясь и теребя бородку, ответил он. — Но причина действительно есть...

— Настолько серьезная, что надо было срывать весь экипаж прямым рейсом с Гудзонова залива?

— Оставьте, с этим местом у меня связаны печальные воспоминания, — расстроенно оборвал капитан.

— Да неужели? И почему меня это совершенно не интересует... Наверное, не то время, мы сейчас очень торопимся. Так что попроси своего рыжебородого дружка дать нам ключики от кандалов, а?

Давно надо мной не смеялось такое большое количество людей одновременно... Это очень неприятно. А хуже всего психологически было Алексу, который так и не дотянулся ни до одного смеющегося пирата, заступаясь за мою честь.

Отсмеявшись, Гудзон с трудом проговорил:

— Ну вы меня уморили... Я-то думал, что так насмешить могут только косатки в брачный период.

— Ладно, тогда под честное слово просто освободите нас от кандалов и кота выпустите из клетки, все равно мы с корабля никуда не денемся, — высказал просьбу-предложение Алекс.

И как я сама не догадалась? Ведь нам нужно только взяться за руки, а там — одна минута на создание мысленной картинки лаборатории и... гудбай, май лав, гудбай!

— Вы что же, совсем меня за идиота принимаете? Хотя, наверное, просто еще многого не знаете, да? Ничего, подождите, придет время, и вам все станет ясно. А насчет вашего хитрого предложения... мы в курсе того, что, всего лишь взявшись за руки, вы можете сбежать в свой мир, а там вас ищи-свищи. Не для этого вас сюда заманили...

— Заманили? Кто? Уж не те ли монстры, на которых мы охотились?! — логически раскрывая тему, припечатал Пушок, с трудом отрываясь от созерцания корабельной мыши, бегущей по палубе.

— Ладно, пора обедать, морские звезды вам в глотку! Я голоден, как бенгальская акула, — смущенно отворачиваясь, буркнул Гудзон.

— Акулы! За «Полумесяцем» идут акулы! — неожиданно подхватили все, размахивая руками.

Бывший исследователь водных пространств побледнел и перекрестился. Я сомневаюсь, что он когда-то был тем самым Гудзоном из моего мира, хотя вот из одного из параллельных миров — пожалуй...

— Рыбий хрящ им в ухо! Этого нам только не хватало! — воскликнул он, побежав, как и все, к борту — смотреть.

— Это морская примета, — пояснил всезнающий Профессор, спокойно намывая мордочку. — Если акулы плывут за кораблем, значит, скоро на судне кто-то отдаст концы, говоря на их морском наречии.

— По корме идут, не отставая. Может, что-нибудь тяжелое на них сбросить? — испуганно предложил кто-то.

— Ага, тебя! Уж небось пудов десять в тебе есть?!

— Так, может, кинуть за борт монетку? — включился другой.

— Ты что, совсем уже? Как можно перепутать, монетка же от шторма! — оборвал рыжебородый.

Все согласно покивали:

— Точно, точно... Да и перепутать немудрено, столько примет — всех не запомнишь! Но счастливых среди них раз-два, и обчелся...

— Идиотская ситуация, идиотский рай, идиотский корабль, полный идиотов! Как

будем выбираться? — с чувством проговорила я, разглядывая свои кандалы. На зуб пробовать, думаю, бессмысленно — не разгрызу...

Котик в клетке по-прежнему сохранял достоинство и скандировать: «Свободу котам! Сво-бо-ду!», вцепившись в деревянные прутья и раскачивая ее по примеру попугая из мультфильма, не собиравшись. Он просто посоветовал мне не нервничать, а воспринимать происходящее как очередное приключение. Попробуем, а куда деваться...

Наконец матросам надоело пялиться на акулы плавники, и все занялись своими делами. Нас покормили какой-то баландой, капитан скрылся в каюте и больше не выходил. Корабль куда-то плыл, конечный пункт назначения был нам неизвестен. На нас теперь вообще не обращали никакого внимания. Хотя нет, на меня обращали, и с каждым разом все более и более пристальное, но, к сожалению, причиной было отнюдь не мое очарование и внешняя привлекательность...

— Женщина на корабле, не хватало еще этой проклятой приметы! Вот ведь и акулы сразу за ней появились, ох неспроста... Несдобровать нам теперь, — ворчал традиционно пьяный боцман, и с ним соглашались.

Пираты злились, что не смогли из-за акул перебраться на шлюпке к своему кораблю, который торчал невдалеке, с эмблемой мертвой рыбой головы на флаге. Потом я узнала, что их корабль раньше был китобойным судном и вся нынешняя команда переквалифицировалась в пираты из китобойцев-браконьеров. Разница небольшая, даже переучиваться особенно не пришлось.

Со скуки я начала доставать любимого жалобами на жизнь, но потом меня разморило от жары, и я задремала, привалившись спиной к пустой бочке из-под яблок. Матросы с горя пили, акулы со злорадными мордами (это я так представляла) усердно работали плавниками, не отставая ни на метр.

Я сонно наблюдала, как в ближайшую акулу кинули бочку с солониной. Наверное, надеялись, что от количества соли у акулы случится изжога и она прекратит преследование... А в другую даже бросили бочку пороха. В обоих случаях без особого результата, судя по разочарованному хоровому вою матросни. Табуретка, в обнимку с которой приковывал пьяный боцман, тоже канула в пучину. Значит, в табуретках призраки не нужны. Им и так хорошо, сплошные радости загробной жизни — вечное плавание, весь мир у ног, ешь-пей, и алкоголь на них успешно действует!

— Эй, мисс, я незнакомый, ик... доброжелатель, — раздался вдруг сиплый шепот за моей спиной.

Обернувшись, увидела того самого пирата, которого тяпнула в схватке.

— Чего надо? — огрызнулась я.

Пират воровато огляделся и пояснил:

— Простите, я слегка пьян, но... ик... то, что я скажу, — чистая правда! Вам угрожает опасность, мисс. Ребята, ик... сговорились, как стемнеет — выбросить вас за борт.

— Всех троих?!

— Нет, только вас, ик... мисс!

— Но за что? Я же вас не так уж больно укусила...

— Да я не в претензии, ик... — честно признался парень. — Но женщина на корабле — это к очень большой беде! Без вас, ик... мисс, останутся только акулы, одну примету еще можно пережить. Хорошо хоть ваш кот не черный, а то бы, ик... и его за борт... Но я исполнил свой христианский долг, ик... предупредил вас!

Не успела я и «спасибо» сказать, как он вразвалку пошел по палубе, засунув руки в карманы и задрав голову — вроде как чаек считает.

Командор, судя по всему, просто спал, а вот котик явно подслушивал. Естественно, я кинулась ему жаловаться...

— Они не посмеют! Я не позволю в моем раю, устроенном специально для моего кошачьего племени, позволять посягать на жизнь моих друзей! Особенно на твою, когда ты в таком интересном положении, — взревел он, встав в клетке в полный рост. И сразу стал

таким грозным и устрашающим, что у меня аж мурашки по спине побежали! Давно пора, мой маленький командос, дерзай!

Алекс повернулся к нам и сонно спросил, что случилось, я хотела ответить, но Профессор не дал мне и рта раскрыть:

— Я воспринимал происходящее как хорошее приключение перед возвращением домой! В конце концов, почему бы и не поиграть напоследок? Однако эта забава не только затянулась, но и свернула не туда!

Команда «Полумесяца» и пираты рыжебородого посмотрели на кота с недоумением, потому что не успели отрезветь.

— Так смотрите же, несчастные, против кого вы подняли руку! Я не хотел этого демонстрировать, но сейчас вы увидите, почему я так не хотел лишаться возможностей этого мира.

Мы с Алексом переглянулись, округлив глаза, — наш напарник сошел с ума?!

— Здесь я действительно Стальной Коготь!

Кот поднял лапку, выпустив коготки, и мы увидели, как стремительно у него вырастает блестящий металлический коготь, с каждой секундой все больше похожий на большой грузинский кинжал. Один взмах — и в клетке образовалась солидная дыра...

— И Могучий Тигр!

Я даже не успела понять, что случилось, как в стороны полетели щепки от мгновенно ставшей узкой нашему коту, то есть уже тигру, клетки! Он действительно превратился в тигра, причем отнюдь не карликового, но только серо-белого окраса, с огромными клыками. Хорошо хоть кинжал из лапы исчез, а то еще порежет ненароком во время дружеских объятий.

Мы с котом любим обниматься, хотя это односторонняя любовь, а если совсем честно, то скорее бесцеремонное хватание толстопуза и прижимание его к сердцу с ограничением доступа кислорода! Но такого бы я не рискнула обнять... Простите, отвлеклась от темы.

— Агент 013, это все еще ты? — на всякий случай поинтересовался командор.

Тигр, не двигаясь с места, только громко рычал, наблюдая, как вся команда с воплями попрыгала в трюм прямо друг другу на головы.

— Р-р-р, разумеется, я, агент Алекс! Мы можем уйти в любую минуту, переместившись в пространстве способом гоблинов из лаборатории. Я, конечно, не уверен на сто процентов, но давно предполагал нечто подобное.

— И откуда ты все знаешь?

— Этот метод описан еще в хрониках Гильгамеша, милочка, — снисходительно ответил Профессор, небрежно разрывая могучими лапами наши цепи. — Но прежде я хочу кое с кем посчитаться... Где этот капитан Гудзон? И как он со своим кораблем оказался в кошачьем раю? С какого перепоя до нас докопался?!

— Эй, ты цитируешь мои тексты, — рассеянно заметила я, растирая затекшую спину.

Алекс со скрипом выпрямился и, подобрав брошенную в панике чью-то абордажную саблю, неумолимо направился к каюте капитана. После двух ударов рукоятью в дверь та распахнулась, и Гудзон нехотя выполз наружу.

— В чем дело? Бунт на корабле?! Кто посмел? — наигранно грозно вскричал он, но при виде серо-белого тигра сразу сдал позиции. — Ах, это всего лишь вы?!

— Всего лишь? — недобро сощурилась я. — Любимый, дай мне саблю, сейчас я кого-то просто каст...

— Я так и знал, что добром это не кончится. Что ж, предлагаю вам переговоры. А если все же решите тут все крушить, то, пожалуйста, не трогайте фок-мачту. Она на клею, как на соплях, держится, ребята накануне сломали во время очередной пьяной драки, вот только склеили.

— Вы так спокойно миритесь с пьянством на своем корабле? — подозрительно заметила я.

— Я лояльный капитан, в этом моя слабость, — вздохнул он с прежним плутоватым

видом, но, поняв, что шутки закончились, заговорил серьезно: — Я люблю своих ребят, а здесь, в этом мире, мы обрели хотя бы видимость плоти. Как мне теперь запретить им эту возможность вновь испытать все земные радости? Мы не пили и не ели аж с семнадцатого века, год точно не припомню...

— Тогда кто вас сюда вызвал? — спросил Алекс.

Гудзон кинул на него быстрый взгляд и опустил глаза.

— Это ваши монстры, которых вы убили, или, как вы говорите, нейтрализовали. Им понадобилась моя помощь, и я сразу откликнулся. Больше некому было доставить вас на их остров, туда можно добраться только на корабле.

— Так, значит, мы плывем на неизвестный остров прямо в лапы к нашим любимым монстрикам? Хотя с такой пьяной командой вполне вероятно, что мы уже давно плывем в противоположном направлении, — пошутила я, но капитан воспринял это замечание всерьез.

— Что, что? Не может быть, — встревожился он. — Я сам выверял курс! Конечно, ночью на всякий случай надо бы скорректироваться по звездам.

— Но почему вы согласились помогать сумасшедшим призракам с бандитскими наклонностями?

— Я бы и не стал, но мне было за что мстить! Вы первые использовали меня, мою команду, мой корабль! Ради изгнания какого-то шерифа вы без моего ведома и разрешения слепили дешевую подделку под Генри Гудзона! Тысяча чертей! Как вы могли так растоптать мою честь, мою гордость, мое достоинство! Ведь это все, что остается у нас после смерти...

Меня слегка удивил такой взрыв ярости и обиды. Но по капитану было видно, что ему теперь наплевать даже на серо-белого тигра и он будет лепить правду-матку в лицо, не останавливаясь ни перед чем!

— Отлично, это многое объясняет, — решительно сказал Алекс, одной рукой беря меня за руку и протягивая вторую коту. — Все, уходим отсюда, ребята.

Но мне было ужасно любопытно: кто же является главным зачинщиком всей затеи? Откуда монстры могли знать, что Пушок умер? А уж то, что мы наорем на гоблинов и последуем за ним сюда... Сплошные загадки. К тому же Гудзон, видя наши намерения, мгновенно завопил:

— Нет, я не могу вас отпустить! За это меня и мой «Полумесяц» изгонят из этого мира! Сотни лет владеть призрачное существование, и вот краткий миг счастья, который вы хотите отнять?! — Он упал на колени, взывая к нашему состраданию. Матросы из трюма вылезать не собирались, видимо, не настолько дорожили своим капитаном...

Мы с Профессором неуверенно переглянулись. Да, времени в обрез. Да, нам за это не платят. Но старый морской волк умудрился задеть нашу профессиональную гордость...

— Ладно, — после секундного размышления решился командор. — Что ты хочешь от нас, только конкретно?

— Сначала пообещаете мне, что позволите довезти вас до острова.

— Вэк, с какой это стати? Кто кому ставит условия?! Ну-ка, агент 013, фас! — Я повелительно вытянула вперед указательный палец, как дрессировщик в цирке. — Попробуй для начала на вкус его правую ляжку...

— Деточка, ты что, сбрендил? — остолбенев, вытаращился на меня огромный тигр, в душе всегда остававшийся интеллигентным Профессором. — У меня два образования, а ты из меня каннибала делаешь?

— Ой, ну нет бы поддержать игру! Какой ты скучны-ы-ый...

— Напарники, вы не против, если я немного ускорю события?! — буркнул Алекс, хватая плутоватого капитана-исследователя за воротник камзола. После чего он махом припечатал его спиной к той самой бочке, где до этого сидела я. — Теперь можешь рассказывать, но быстро.

— Что вы хотите знать?

— Кто главный организатор? Кто заманил нас сюда? — решительно поинтересовался командор.

У нас с ним мысли всегда совпадают, недаром я его выбрала в мужа!

— Это Лощеная Спина, раздери его гром... Но больше я вам ничего не скажу, пока не дойдем до места. Если мы с командой не выполним условия до рассвета, нас мгновенно перенесет обратно в мир неприкаянных призраков, где мы вынуждены до скончания века искать выход к морю. Ведь мы все умерли с голоду в заливе, так и не найдя проклятого выхода...

Действительно, очень печальная история... Жаль, что капитан совсем равнодушен к тому, что этот залив называли его именем. А может, у мертвых другие критерии?

— Выполнив условия, мы остаемся здесь, в мире, где все попадающие в него получают плоть и кровь... до следующего четверга.

— Еще целых четыре дня, наверно, это много, — задумчиво высказался кот, вернее, тигр.

Гудзон подтвердил, сказав, что это очень много для неприкаянных призраков.

— Хотя зачем вам это знать, достаточно того, что вы знаете, как этих неприкаянных призраков нейтрализовывать, верно?

Горькая, но правда, чуть было не призналась я... а потом опомнилась:

— Неправда! Обычно мы до последнего пытаемся, рискуя жизнью, обратить вас на путь истинный! — возмутилась я. — А с Лощеной Спиной у меня вообще давние счеты... Он первый начал!

— Мы все делаем правильно. В нашем мире эти монстры больше не принесут вреда людям. — Алекс успокаивающе прижал меня к груди...

— А мы что, не люди? Кто нас тут от них избавит? — Мне захотелось понять. Переговоры — скучное дело, а нытье отлично скрасит время до того момента, когда мы сможем начать действовать. А действовать, похоже, придется только на острове монстров. Что же будет, если все побежденные нами монстры и привидения соберутся там во плоти и с новой силой...

Мои напарники вполне осознавали возможную серьезность проблемы, но теперь они вряд ли отступят — мы же профессионалы.

— Успокойтесь, капитан. Сбегать мы не собираемся, наоборот, теперь нам очень нужно на этот остров. Кстати, вон те скалы слева — это он?

Мы все повернулись в направлении взгляда командора.

— Точно! Даже раньше времени прибываем, — обрадовался Гудзон, несколько раз подпрыгнув от избытка чувств. — Все благодаря доброму попутному ветру. Эй, голодранцы, свистать, чтоб вас, всех наверх! Земля на горизонте!

— Алиночка, — осторожно тронул меня мягкой лапой огромный Пушок. — Не помню, говорили ли мы тебе об этом, но раньше Лощеная Спина был одним из наших. Когда-то мы были знакомы...

— Вэк?!

— Увы, любимая... — смотря куда-то в сторону, подтвердил командор. — Он работал на Базе еще до меня и считался одним из лучших, тогда его звали Черный Хвост. На его подвигах воспитывались десятки молодых агентов. А потом он сорвался... В его операциях все чаще стали попадаться трупы невинных жертв, так сказать издержки производства. Он открыто смеялся над выговорами и порицаниями, шеф недолго это терпел...

— Он направил вас убить боевого товарища?!

— Не совсем... Когда ты попала под его когти, Черный Хвост уже год как был вне закона. Ему перестали давать задания, но он не мог отказать себе в удовольствии убивать... Из всех монстров, которые ждут нас на этом острове, именно с ним мы бы не хотели встретиться во второй раз. Он жаждет мести...

Мягко вечерело, бриз становился посвежее, моя голова раскалывалась от переизбытка новостей. Нет, нет, нет! Надо абстрагироваться от реальности и взять себя в руки... Черный Хвост или Лощеная Спина, какая разница — он мертв! Я сама всадила в него пулю. Не испугалась тогда, не испугаюсь и сейчас... ой, мамочки-и...

Матросы и пираты с оглядкой вылезли из трюма, подгоняемые окриками капитана. Остров становился все ближе и ближе, он был похож на огромную цветущую клумбу посреди синего моря.

Раздалась команда бросить якорь. Нас провожали все — и матросы и пираты, к последним я уже не испытывала неприязни или желания отомстить. На берегу стояли какие-то уродливые фигуры, хоть и нельзя было пока разглядеть знакомых лиц. Нам спустили шлюпку...

— Счастливо добраться! Сопровождения вам не даю, олухи сухопутные, мой осьминог-проводник захворал. — Гудзон вновь возвысил нагловатый голос. Видимо, ему надо было поддерживать пошатнувшийся авторитет в своей разношерстной команде.

— Провались ты, скелет ходячий! — дружелюбно крикнула я в ответ. — Увидимся в пятницу, отметим ваше возвращение в наш мир нейтрализующим вашу субстанцию газом «Финита ля призрак-4021»!

— Если вернетесь, если... — кисло возразил капитан.

На перекосившихся лицах матросов мелькнул испуг, значит, где-то уже познакомились с боевым дезодорантом лаборатории гоблинов.

Могучий Тигр опять стал котом-агентом 013, иначе шлюпка затонула бы под одним его весом. Я спустилась по канату последней, Алекс поддержал меня под локоть, помогая усесться на корме. Негостеприимный «Полумесяц» готовился отдать швартовы...

— Интересно, что это за чудовища, первый раз вижу, — прищурившись, я попыталась попристальнее взглянуть в толпу ожидающих монстров.

— Ты и не можешь их знать, Алиночка, это наши клиенты. Вон тот, бежевый, с кошачьим туловищем, восемью ногами и крыльями, — оборотень Горный Лев! Гроза и бич северных сиу, он буквально наводил ужас на окрестности, пока мы с Алексом не избавили бедных индейцев от этой напасти.

— Да, а рядом с ним человекопаук, не путай с Человеком-Пауком! Монстр орудовал в африканской саванне, подкарауливая незадачливых охотников на гепардов. Глазастый коротышка рядом — лидерц из Венгрии. Кстати, весьма опасный гипнотизер! Мошенник насылал на людей ночные кошмары и болезни, пока те совсем не загибались, и высасывал их жизненные силы. А тот крупный кролик со злобной мордой ростом с пятилетнего бычка терроризировал Австралию. Это широко известный в узких кругах кролик-диверсант! Якобы борясь за свободу своего племени, он подрывал мосты и пускал под откос поезда. В Австралии кроликам в одно время дали слишком много воли, вот один из них и съехал с катушек, — пространно объяснял командор, налегая на весла. Но шлюпка почему-то двигалась очень медленно.

Я поняла, что моим агентам не особо хочется встречаться со своими жертвами. Или нет, правильнее сказать, получившими свое преступными элементами! Само собой, вид у последних был отнюдь не приветливый, хотя ждали нас с нетерпением, судя по злорадным оскалам. Только у кролика-диверсанта морда оставалась каменной, как у террориста со стажем...

Причалив к берегу, Алекс вышел первым и, подхватив меня за талию, поставил на сухой песочек. Кот прыгнул следом, недовольно стряхивая песчинки с лап, но воинственно задрал хвост.

— Приветствую... э... тени нераскаявшихся последствий воспитательной политики Базы, — вежливо поздоровалась я с угрюмо молчавшими уродцами. Но все почему-то ждали, когда к ним повернутся мои напарники, только тогда паук прошипел:

— Почему они не с-связаны и бес-с конвоя?!

Мы развели руками — простите, уж так получилось... Монстры перемигнулись, и злобный кролик развернул какой-то свиток, зачитывая текст хорошо поставленным голосом:

— Вызов в суд! Трем агентам мерзейшей и подлейшей организации по жестокой ликвидации редких и уникальных жителей волшебного мира с дурацким названием База, злобным и жестоким убийцам Алексу Орлову, агенту 013 и Алине Сафиной. Суд состоится

на Острове Мстителей. Сегодня же. Время теперешнее. О переносе или отсрочке суда **МОЖЕТЕ ДАЖЕ НЕ МЕЧТАТЬ!**

Мило, даже очень мило... А я еще немножко понадеялась, что им нужны только Алекс и кот, меня могли бы пожурить и дать шанс исправиться на новой работе. Я хотела было потребовать адвоката, но есть ли смысл унижаться перед этими бандюгами из «волшебного мира», как они лживо и благородно величают самые низкие этажи астрала, в которых им приходилось пребывать.

— Хвататься за руки даже не думайте, мы не хотим убивать вас быстро, но если вы нас вынудите... — Вся толпа обнажила клыки, когти, жала и жвала.

— А как вы-то сюда попали? Этот мир слишком хорош для уголовников, — решила спросить я, мои парни хранили гордое молчание.

Паук рассерженно засучил лапами и сплюнул.

— Нас сюда сослали, чтобы мы развлекали здесь этого кота и после смерти! — возмущенно прохрипела его насекомовидная голова, только лицо было человеческое и весьма порочное.

Агент 013 спокойно посмотрел на меня и миролюбиво заметил:

— Я уже говорил тебе, Алиночка, этот рай создан специально для котов!

— Точно, как я могла забыть... Тогда чего тянуть? — прикрыв рот рукой, зашипела я. — Вытаскивай свой стальной коготь и дай ему по ноге, у паука их восемь — одной больше, одной меньше, какая разница?! А кролику отрежем уши. Другим — сам выбирай, но что-нибудь жизненно полезное...

Кот смерил меня недоуменным взглядом, потом повернулся к Алексу, который решительно сказал:

— Ладно, ведите нас в свое логово, в смысле в суд. Мы понимаем, у вас есть право требовать справедливости.

Кролик довольно кивнул, как и этот венгерский лидерц-гипнотизер, и оба злорадно переглянулись. Что бы это значило? Что приговор они заранее подготовили и теперь им просто не терпится его зачитать? Это яснее ясного, но почему мои напарники идут у них на поводу, когда вечер так близко?..

— Вы что, обалдели? Я не попрусь в густую чащу вслед за самыми оторванными отморожками. А вдруг там нас поджидает еще с десятков, не менее закомплексованных?

— Нас всего сто тринадцать членов партии Уничтоженных, но Восставших! Мы в полном составе будем на суде, — вежливо поправил меня лидерц, победно щуря огромные глаза. — Нас с нетерпением ждут сто девять братьев. Можете продолжать свою мысль.

— Спасибо, что предупредил, — нерадостно отозвалась я. — А теперь топай вперед, убежать мы, похоже, не собираемся.

Алекс с котом согласно кивнули, мне оставалось только подчиниться диктату большинства. Тропинка вела нас в глубь джунглей...

— Ну вот, видите — мы идем разобраться со всеми вами! Сто тринадцать, говоришь? По пятьдесят монстров ребятам, а с оставшимися тринадцатью я и сама уж как-нибудь справлюсь!

— Алиночка, успокойся...

— Конечно, теперь «Алиночка, успокойся...», а раньше вы чем думали?! — рявкнула я на Профессора. — Зачем вы их столько науничтожали?

— Так получилось, главное — не показывать свой страх...

— Ой, да не боюсь я никого! А только лучше бы мы остались на берегу — ничуть не хуже место для суда, чем лесные заросли. Зато всех видишь, кто подкрадывается со спины...

— Не волнуйся, родная, особого вреда они нам причинить не могут.

— А «неособый», значит, могут? Утешил...

Впрочем, долго нам идти не пришлось, очень скоро открылась большая поляна, в центре которой несильно горел костер. Неба из-за густых древесных крон не было видно вообще, и на поляне царил полумрак — любимое освещение чудовищ, в чьем окружении мы

оказались. Над поляной с улюлюканьем низенько летали рокуро-куби-гоблины, потом показались и другие мои «знакомые». Призрак Шерифа Гвурдстома, например. Он, грубовато поздоровавшись, ринулся в гущу монстров с криком:

— Не толпиться на месте судебного заседания! А ну разойдись, жалкие койоты, вот я вас!

Вклинившись на своей верной красноглазой лошади в толпу, призрак за шиворот выволок оттуда самых неугомонных — ими оказались наши «старые» знакомые с Чукотки — утбурд с ангьяком — монстры, получившиеся из брошенных и погибших младенцев.

— Я сейчас дам тебе по роже, честное слово, если ты не заткнешься!

— Ты сам у меня получишь, однако, утбурдская морда!

— И вот так все время, они ссорятся и колошматят друг друга от заката до рассвета, — с мягким упреком раздалось у меня за спиной. Рядом стоял (и не прыгал!) Джек Поппрыгунчик. Чувство было такое, словно его дело мы распутали только вчера, — я сразу ощутила, что совсем не успела по нему соскучиться...

— Здравствуй, Лондонский Кошмар, — вежливо кивнула я, в то время как Алекс и кот спокойно отвернулись. — Как жизнь, как здоровье? Тут сплошной курорт, надеюсь, нервишки успел поправить?

Но Джек, ничуть не оскорбившись, спокойно отвечал, что хотя он тут и недавно, но уже успел приобрести множество друзей и полезных знакомств.

— Э... мм, поздравляю, — только и смогла сказать я. Черт побери, если они все здесь объединятся с одной-единственной целью, то последствия для нас могут оказаться непредсказуемыми. Гоблины на такой расклад нас не подписывали. Кто знает, на что способна отрицательная энергия стольких «упокоенных» душ...

Вокруг нашей троицы быстро образовалось пустое пространство, только тут мы заметили стол с тремя креслами и низкую скамейку напротив, куда нам и предложили сесть. Да-а, адвокатов, похоже, не ожидается, прекрасненько засудят и так!

Прогремели фанфары, толпа монстров расступилась, образовав узкий проход, из которого торжественно вышли три фигуры в судебных мантиях. Ушастый кролик-мутант, Антуан Шастель (надо же, в человеческий загробный мир его не приняли!) и Лощеная Спина (последний тут же по-хозяйски уселся на председательское место). Мне было бы приятнее видеть там Шастеля, все-таки он наполовину человек, и мы с ним частенько общались во Франции.

Мои товарищи изображали полную безмятежность. Мне, например, не удавалось сохранить хотя бы видимое безразличие к происходящему. Я шепотом поинтересовалась у Алекса, когда же все начнется, но Лощеная Спина неожиданно разъярился:

— Не смей разговаривать! Иначе сочту это за неуважение к суду!

— И что, выгоните меня из зала? — обиженно буркнула я. С какой стати мы это терпим, ведь физически они нам никакого вреда причинить не могут. То есть, надеюсь, не могут. Обязательно спрошу у Профессора, он все знает...

Тут откашлявшийся Шастель зачитал обвинение. Оно состояло в том, что мы, не имея на то права, лишили жизни сто тринадцать ни в чем не повинных личностей. Короче, ничего нового, пустые придирки...

Зачинщиком всего этого фарса был Лощеная Спина, взбунтовавший всех уничтоженных нами монстров. Раньше они действительно жили в кошачьем раю исключительно для забавы агента 013. А теперь, так же дружно, поднялись против него — обычная психология преступника...

— Может, хотите что-нибудь сказать в свое оправдание? — поинтересовался Лощеная Спина, разевая пасть в зубастой усмешке.

— Конечно, прежде всего хотим вам сообщить, что мы мало чем отличаемся от вас, — быстро вскочила я, не обращая внимания на уже открывшего рот кота.

— Поясни, — недовольно проворчал Лощеная Спина.

Все монстры внимательно уставились на меня, самая злобная морда была у кролика.

Ладно, слушайте, будем говорить начистоту.

— Да, я имела в виду именно то, что сказала! Вы, конечно, все разные, но вы — охотники, и мы — тоже. Как и вы, мы частенько работаем под прикрытием, и почти никогда люди, которым мы помогаем, не знают наших истинных имен. Ваши собственные имена людям тоже неизвестны, это мы даем вам хоть какое-то обозначение. На нашей Базе живут перевоспитанные монстры, которым нет места в мире людей. Мы дружим и работаем вместе! Кто виноват, что вы встали на кривую дорожку? Да, есть разные обстоятельства, но ведь выбор все равно за вами, а мы... Мы всего лишь выполняли свою работу, и выполнили ее неплохо!

Я даже запыхалась, но по кислой физиономии кота было видно, что это не самая лучшая речь из тех, что ему довелось слышать.

Однако, как ни странно, улюлюканья и возмущенных криков не слышалось, никто не кидался тухлыми помидорами. Наоборот, на многих лицах и мордах отражалось понимание и даже согласие с моими словами. Хм, очень неплохо для начала...

— З-злодейка п-права! К-конечно, неприятно, когда тебя б-без твоего желания отправляют на тот с-свет, отнимая п-право пить кровь у т-твоих же крестьян. Но, вынужден п-признать, ко всему п-привыкаешь... Крестьяне — это, конечно, вкусно, зато з-знаешь, что осинового к-кола больше бояться не н-нужно. А ведь этот с-страх так отравлял мое существование т-там, на земле...

Это помещик-вампи́р Урюп громко поделился с соседом, уже успокоившимся ангъяком. Да-а, вот тебе и защита там, где не ждешь...

— Прошу тишины, это не оправдательный процесс, — стукнув хвостом по столу, грозно взревел Лощеная Спина. Конечно, авторитет у него был, и его явно хватало, чтобы навязать монстрам свое собственное мнение.

Алекс посмотрел на часы, одобряюще мне подмигнул, и я поняла, что время приближается. Котик опять открыл рот, но именно в этот момент меня осенила очередная гениальная идея!

— А ты неплохо сохранился, агент Черный Хвост, и внешне, и характер прежний...

— Да, только на земле у меня было реальное, а не иллюзорное тело! Здесь все искусственное, ненастоящее... Ненавижу! — выкрикнул Лощеная Спина с неожиданным надрывом в голосе.

— За что тебя турнули с Базы, не напомнишь?

— Я был лучшим! Они все завидовали мне... моей силе, моим успехам, моим охотничьим трофеям! Обо мне писали в учебниках...

— Ты убил агентов Крота и Утконоса, своих же бывших напарников, — ровно заметил Алекс.

— Они сами напросились! Никто не смеет вмешиваться в мои методы выполнения задания, а они пытались...

— Остановить тебя, удерживая от кровопролития, — продолжал командор. — Потому что не убивать ты не можешь, ты хищник по натуре, и ничто не смогло этого изменить...

— Да, я не изменил себе! — оскалил пасть этот мерзавец. — Целых три года мне пришлось торчать на Базе, и мне там нравилось — я мог легально охотиться на самых разных существ. Но одной охоты мало, что толку поймать тролля-убийцу, если его будут пытаться перевоспитать? Только ликвидация дает стопроцентную гарантию исправления!

— Агент Черный Хвост?! Лощеная Спина! Ты никогда не рассказывал, что сам служил на этой мерзкой Базе! — опомнившись, воскликнул кролик-мутант.

— Хм, держу пари, этого никто здесь не знал, — гаденько усмехнулся Шастель. Прочие монстры недовольно заворчали, такого разворота событий не ожидал никто...

Поняв, что из-за неконтролируемой злобы он выдал сам себя, Лощеная Спина попытался прикрикнуть на недовольных, но из-за поднявшегося гвалта его никто не услышал. Думаю, что в наше отсутствие с ним бы быстренько разобрались, но крики постепенно стихли, и все усталились на нас, словно ожидая каких-то действий.

— Хорошо, должен признать, что это мы являемся причиной, по которой ты сейчас здесь, — наконец взял слово Профессор. — Ты не смог совладать с жадой крови и бежал с Базы — у нас был только один способ тебя остановить.

— Я всего лишь хотел жить! Жить, как и вы все!

— Ну, кое-что можно было бы исправить...

— Как? Что именно?! У меня была только одна мечта, агент 013, я говорил тебе о ней, когда мы служили вместе. Но ты, наверно, не помнишь...

— Ты сетовал, что на свете больше нет существа такого вида, вернее, и вида-то нет в биологическом смысле. Ты переживал, что, когда тебя не станет, не будет больше ни одного такого монстра с черной лощеной спиной и хвостом, начинающимся прямо от шеи, с треугольными зазубринами и шипами в виде ромбиков.

— Да, — повесил голову наш непримиримый враг. — Я знал, что рано или поздно вы меня убьете, и хотел успеть оставить на земле свое подобие. Вот почему я напал на эту глупую девчонку... Но она не захотела стать мной!

— Ах, ты... ты... так вот ты, значит, как со мной... Из-за твоего дурацкого эгоизма я чуть уродиной хвостатой не стала! А ты меня спросил?! Знаешь, как я нервничала, сколько ночей не спала, слез пролила...

— Не надо, Алиночка, — опять вмешался котик. — Это действительно не очень этичная история, и мы все чуточку виноваты друг перед другом. Черный Хвост, тебя устроит, если я поговорю с гоблинами о возрождении твоего типа?

— Вэк... — совсем как я, выдал Лощеная Спина.

— Это несложно, у них в музее хранятся образцы твоей костной ткани, остальное — дело науки. Только предупреждаю, что малыш будет воспитан на других нравственных идеалах, гены — это еще не все, — авторитетно заявил Профессор.

В первый момент мне показалось, что Лощеная Спина сейчас задушит кота, но монстр, подпрыгнув, сжал его в благодарных объятиях! Ха, теперь-то уж Пушок будет воспринимать мои обнимания как мимолетные прикосновения крыльев бабочки. Что-то я распозитизировалась... люблю сентиментальные концовки. Алекс молча показал мне на часы — пора домой?

В общем, все закончилось хорошо. Оказалось, что время уже без пятнадцати двенадцать, и за эти пятнадцать минут мы успели попрощаться со всеми дружественно или нейтрально настроенными к нам монстрами. А также игнорировать оскорбления и вызывающие выкрики рокуро-куби-гоблинов, злобный нрав которых ничуть не изменился, хотя кусаться они уже не могли. Вернее, они попытались, но Лощеная Спина быстро отогнал их, одним ударом хвоста отбросив в небо сразу трех, остальные лезть не рискнули.

— Вам, наверное, лучше поторопиться, — прикрывая нас, сказал бывший агент Черный Хвост. — Реальной физической силой мы тут не обладаем, но поцарапать до крови самые сильные и настойчивые могут запросто...

— Тогда... спасибо, мы пойдем?

— Извини. — Монстр чуть цинично улыбнулся мне. — Я напал на тебя тогда, зная, что скоро погибну, это была единственная надежда оставить потомство. Жаль, что не воспользовался этим способом раньше — никогда не мог удержаться от соблазна довести «дело» до конца!

— У нас еще несколько минут, хотелось бы узнать, как ты заманил сюда агента 013? Откуда у тебя власть для перемещения в этот мир целого призрачного корабля со всей командой? — быстро спросил Алекс. — Ты затягиваешь в этот мир живых и призраков. Неплохо устроился, с такими-то возможностями...

— Я обнаружил в себе этот дар недавно. Но он распространяется только на призраков. Агент 013 попал сюда сам из-за проклятия магистра тевтонцев, естественно, мы знали о его скором прибытии. В этом ничего мистического нет, над горизонтом кошачьего рая всегда висит стенд со списком прибывающих на следующей неделе. Я каждый день посылал кого-нибудь туда, чтобы увидеть долгожданное имя, и вдруг мелькнули сразу три! На такое

счастье я и не надеялся...

Стрелки часов неумолимо сходились к двенадцати, скоро настанет полночь.

— Прощайте, оборотни! Агент 013, не забудь о своем обещании.

Профессор с серьезной физиономией поднял лапу, словно давая клятву. Торжественно взявшись за руки (и за лапы), мы едва успели закрыть глаза и коллективно представить себе лабораторию. А может, это только я «едва успела»? Мои напарники, может быть, сразу же такую мощную картинку создали, что буквально через секунду я почувствовала, как земля уходит из-под ног, дальше была тяжелая глубокая чернота. Опять путешествия в астрале с осмотром всех достопримечательностей не получилось...

Я очнулась оттого, что что-то шершавое, влажное и горячее вылизывало мое ухо. Кое-как разлепив ресницы и с трудом повернув голову, я увидела кота. Хотя еще с закрытыми глазами было нетрудно догадаться, кто это. Мне сразу захотелось потискать его, чтобы поверить, что мы действительно вернулись вместе и он — живой!

— Деточка моя, наконец-то! А мы уже переволновались, ты никак не возвращалась в сознание...

— Ничего, зато теперь все будет хорошо — мы вместе, — раздался любимый голос, и руки командора сжали мою ладонь.

Гоблины в белых халатах носились по палате в радостном возбуждении, время от времени они по очереди кричали:

— Это научная сенсация! Очередная победа гоблинского ума! Мы — гении!

Агент 013 был еще слаб, и ему пришлось вернуться в постель. Но доктор Фарди уверил нас, что как это ни поразительно, но опасность позади и теперь жизни кота ничто не угрожает.

Наша с Алексом свадьба состоялась только через неделю. Пришлось ждать, пока кот как следует окрепнет, чтобы не пришлось его доставлять в инвалидной коляске и он мог веселиться вместе со всеми. Я была прекрасна в своем шелковом платье с фениксами, а Алекс просто неотразим сам по себе!

Нет, не подумайте ничего «такого», он был одет в парадную форму, но такой восхитительно родной и близкий, что я поняла: регистрация брака — это и вправду не просто формальность. Теперь мы вместе навсегда...

И я точно знала, что никогда не смогу разлюбить его, что бы ни случилось! Даже если в один прекрасный день мы не поделим шоколадку, или если он съест ее втайне, или схрапает последнее пирожное с тарелки, или выберет самое большое, или... Нет, все-таки это ужасно, пусть он так не поступает.

О том, что мы обманули кота с будущим ребенком, Пушок узнал почти сразу и долго ругался, что его бесчестно обманули, лучше бы он остался в раю, где обитают кошки-гурии! Но потом все-таки успокоился, сказав, что девять месяцев уж как-нибудь подождет. Вэк... в смысле, неужели мне воздастся за обман так быстро?

Моих родителей, естественно, не пригласили. Мама от одного вида наших домашних монстриков уже лежала бы в обмороке, про папу молчу... Лучше мы к ним потом съездим, повторить по-земному, в загсе, если у Алекса есть паспорт. А если нет, гоблины нарисуют...

К алтарю меня вел одетый во фрак шеф, такой самодовольный и внушительный, как будто выдавал замуж собственную дочь, а не сотрудницу. А вот венчал нас самолично бог семейного очага Древнего Египта уродец Бэс. С другой стороны, у нас на Базе он один имел хоть какое-то отношение к брачным узам и церемонию провел на уровне, хотя и с приколами...

Профессор действительно сдержал свое обещание Лощеной Спине — он добился разрешения клонировать бывшего сотрудника, тем более что гоблинам это было только интересно. Опять же и у нас с Алексом будет больше возможности и времени оставаться наедине...

Эпилог

Наш короткий медовый «месяц» подходил к концу, когда мы с любимым, вдруг устыдившись, что три дня не видели кота (хотя за это время редко удавалось отвлечься друг от друга настолько, чтобы вспомнить о существовании на свете кого-то, кроме нас двоих), отправились на его поиски.

Пушок был обнаружен довольно скоро, в библиотеке за изучением карты звездного неба.

— Ты что это вдруг астрономией увлекся? — усевшись рядом, поинтересовалась я.

— Молодцы, что выбрались, напарники! Рад, что наконец вспомнили обо мне! И в общем-то вы пришли вовремя, потому что Стив пропал...

— Как пропал?

— Обыкновенно, как все агенты. — Кот сдвинул очки с носа, уставившись на меня с легкой укоризной. — Если вы помните, его не было на вашей свадьбе. Ты, Алиночка, решила, что он на задании. Но он пропал без вести, вылетев еще неделю назад на корабле-разведчике в открытый космос. Это дело поручили нам...

— Нам? Но мы, то есть я, даже ни разу не была в космосе! — воскликнула я, тут же покраснев — биоробот Стив был нашим другом, и наш долг был его спасти как можно скорее.

— Лично я подозреваю, что на этот необдуманный поступок его толкнула ваша свадьба.

— Между нами ничего такого не было! — торопливо заверила я.

— Мы-то тебе верим, милочка, но у биороботов очень ранимая психика...

— Что ж, когда-то я учился на пилота, — вздохнул Алекс, обняв меня за плечи. — Надеюсь, не все еще позабыл и практика будет только к стати.

— Тогда мы не пропадем, — улыбнулась я. — Ну что, вперед, на этот раз в космическое путешествие. Пока мы команда, нам никто не страшен...

— М-мр, — смущенно опустил ушки Профессор. — Честно говоря, в этот раз вы полетите без меня. Я... э-э... получил некое письмо, и... у меня уважительная причина.

На стол перед нами лег желтый лист папируса, испещренный египетскими иероглифами. Все ясно... опять эта Анхесенпаатон!

— Получишь по возвращении! — безапелляционно заявила я, цапнув письмо и быстро засовывая его себе за пазуху.

— Но... ах... как... ты... я же... — возмущенно завохтал кот, бросаясь на меня с кулачками.

Командор равнодушно понаблюдал за нашей потасовкой и пододвинул к себе брошенную карту звездного неба. Итак, летим все трое...

Человек — это звучит гордо

*Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился,
человеком и помрешь...*

М. Горький. На дне

Вот и перевернута последняя страница трилогии «Оборотней». И, надо признать, жаль расставаться с ее веселыми героями.

«Оборотни» как написанное в соавторстве произведение являет собою сплав двух разных, хотя и близких авторских манер: Галину Черную можно смело назвать ученицей и последовательницей Андрея Белянина. Герой (в данном случае — героиня), попадающий в иной мир (как, например, Скимин, Сергей Гнедин, Нэд Гамильтон, Лев Оболенский) или вынужденный скакать по различным эпохам (те же Сергей Гнедин, Нэд и Илона), компания вечно ссорящихся и препирающихся друг с другом персонажей (команда лорда Скиминка

— самый характерный пример), условность, даже схематичность посещаемых миров — приемы все узнаваемые.

В центре повествования — Алина Сафина, образ чрезвычайной живости и насыщенности. Многие упрекнули девушку в истеричности, склочности, грубости... Все это, конечно, есть, однако эти же черты делают героиню реальным человеком. Самообладанию девушки можно только позавидовать: Алина попадает в новый мир, ей приходится за короткий промежуток времени посетить не одну эпоху своего мира, да еще над ней висит угроза превращения в монстра. Все это заставляет ее — борца по натуре — искать защиту от психологических и физических, кстати, тоже нагрузок в нападении, а не в уходе в себя, отсюда и ее постоянные ссоры с партнерами. Кому-то они могут показаться проявлениями вздорного и несдержанного нрава, на самом деле они есть поиски своего места в новой компании, в новых обстоятельствах. Но при всех своих недостатках Алина — девушка отзывчивая, общительная, любознательная, что даже помогает охотникам за монстрами во многих случаях... Непоследовательностью и вместе с тем цельностью характера Алина сравнится разве что с Манон Леско, заглавной героиней известного романа французского писателя XVIII века аббата Прево. Обе они любили, но притом изощренно изводили предмет своих чувств причудами. Впрочем, Алина намного опередила нежную Манон: фигуры мелкой стервозности столь крупного масштаба литература не знает, Алина единственная в своем роде.

Несмотря на то что влюблена героиня в человека, значительно больше внимания она уделяет коту. Поведение этого члена команды, надо признать, не очень отвечает предполагаемым при упоминании двух дипломов манерам. Скорее в этом смысле агент 013 похож на саму Алину: невыдержанный, заносчивый, хвастливый задира, впрочем, отходчивый и великодушный. Что позволяет склокам, спорам, ссорам между ними возникать вновь и вновь.

Говорящее животное — известный комический прием, ставший в последнее время почти традиционным. И так как говорящие животные начинают входить в норму юмористической фантастики, приходится портить им характер, чтобы они не портили игру постными мордами. В данном случае комизм заключается еще в контрасте профессорского звания и непрофессорского поведения, не говоря уже о совершенно непрофессорской внешности. Впрочем, немалая часть комических ситуаций трилогии строится на том же несоответствии между заявленным профессионализмом главных героев и их фактическим дилетантизмом, доходящим до абсурда. В большей степени этим страдает, конечно, Алина.

Впрочем, А. Белянин и Г. Черная пошли дальше других в создании образа говорящего кота. Животное не только обладает огромным интеллектуальным потенциалом, но и влюбляется в человека! Традиционный любовный треугольник развит неожиданно оригинально. Неожиданность здесь следует за неожиданностью, ибо кто сможет предсказать подобные отношения? Агент 013 совершает все новые шаги, пытаясь завоевать любовь Алины, вызывая все новые взрывы хохота. Вспомним хотя бы его превращение в человека!

Алекс Орлов, герой, предмет воздыханий героини, показан немного бледно, общо; он получился несколько невыразительным на фоне живой и яркой Алины. В конце второй книги мы узнаем, что этому есть объективные причины: Алекс не человек в обычном смысле, он своеобразный гомункулус, существо из пробирки, специально созданный безэмоциональным, этакая живая машина для особо сложных заданий.

Любовная линия в повествовании выглядит довольно вялой и слабо выраженной. Скрытность героини в отношении ее чувств удивительна. При том малом количестве ее переживаний относительно особы Алекса читателю странно обнаружить где-то в середине первой книги, что, пожалуй, Алина влюблена, и даже, может, не на шутку. Или все же на шутку? Развитие романа в течение повествования отсутствует, роман движется скачкообразно. В первой книге Алекс с Алиной тщательно прячут свои чувства не только друг от друга, но и от читателей. Так что когда влюбленные решаются на признание, благодаря тетушке Элизабет, поселяется легкое недоумение: так, значит, чувства все-таки

были? Во второй книге герои позволяют себе некоторые ласки и высказывания чувств, а также выяснение отношений (под бдительным оком ревнивого профессора!), пока в конце книги не следует предложение руки и сердца. И, наконец, в конце трилогии, после долгих препятствий, Алине с Алексом наконец удастся воссоединиться.

Алекс — образ скорее собирательный, инвариант идеального мужчины. По ходу повествования, как и в сознании героини, он обычно держится на втором плане, выступая вперед в тех случаях, когда Алину надо спасти или она вспоминает, что она влюблена. Обычно это случается, когда Алина видит, что ее избранник вступает в разговор с молодой симпатичной особой женского пола. Избранник — хорошее слово, оно отражает отношение Алины к Алексу. Впечатление такое, будто с первой встречи девушка определила молодого специалиста — без каких-либо затрат душевной энергии — в возлюбленные и, как бы разобравшись с этой проблемой раз и навсегда, забывает о ней, замечая ее только тогда, когда избранный герой выбивается из предполагаемой схемы поведения, обращая внимание не на нее. Подобная безапелляционность вообще свойственна Алине, во многом определяет ее характер, однако свидетельствует не о бесчувственности главной героини, но о ее самостоятельности как человека. Алина занята поисками себя в новых условиях, она настойчиво добивается для себя законного места под солнцем и делает это собственными силами, не прибегая к помощи мужчины-супермена, не пытаясь стать его «половиной», чтобы иметь возможность в случае опасности спрятаться за его широкую спину. Наоборот, где и когда только возможно, девушка первая бросается в дело, и уж во всяком случае не остается в тылу.

В трилогии намечена интересная проблема, не новая, но до сих пор не решенная: где граница понятия «человек»? Что такое человек и с чем его едят? Чем человек отличается от разумного, обладающего даром речи зверя или нежити?

Общительность главной героини не имеет, кажется, пределов. Оборотни, вампиры, привидения, роботы, гномы, самое разнообразное зверье — со всеми Алина готова найти общий язык. Это общение является другим поводом для смеха, кроме поведения самой героини. Комизм зачастую находим в абсурдности ситуации: охотник мило беседует с жертвой — не выяснение отношений перед решающей схваткой, а душевный разговор, что называется, «за жизнь».

Монстры, за которыми охотится наша троица, не являются воплощением зла. Они — обычные, если можно так выразиться, люди (были или бывают ими), которые в силу известных особенностей должны причинять вред живым нормальным людям. Они не какая-то мировая скорбь или гибель мира: без ложного пафоса, буднично они делают свое дело по ночам, обычное дело добывания пропитания, свойственное всему живому, а днем это милые существа, с которыми приятно бывает поболтать. Чем и пользуется в свое удовольствие суматошная героиня. Сама она разок задумалась: чем же они — охотники — отличаются от своих жертв, — такие же, как она говорит, оборотни. Тут, пожалуй, можно и поспорить. Вопрос есть, безусловно, и он в том, что есть человек. В постановке же Алины смысл теряется, потому что неверен посыл: Алекс, Алина, Профессор — не оборотни. Оборотничество и переодевание — несопоставимые друг с другом вещи. Первое — это превращение в зверя, второе — смена одежды, а не тела, облика, а не сущности. Выходит, что и название книги в этом смысле не совсем верное. Что к лучшему: герои не оказываются между двумя мирами, человека и зверя, к которым они принадлежали бы, будь они действительно оборотнями. Тут им не просто было бы служить только одной стороне! А так — все в порядке: под знаменем Человека бесстрашные охотники уничтожают угрожающих спокойной людской жизни чудовищ.

...Впрочем, и этот второй вид фантастики оказывается несколько ущербным в раскрытии феномена человека, потому что человек вне мира оказывается условен, обобщен. Нельзя забывать, что воздействия мира и человека друг на друга взаимны, обратимы и одного без другого не существует. Отсюда возникает вопрос дома, того места, где человек живет. Не в грубом смысле непосредственного жилища, а как поется в известной песне:

«Дом — это там, где все поймут, где все надеются и ждут, где ты забудешь о плохом...» Тем острее встает этот вопрос во всей современной фантастике, чем более неприкаянным чувствует себя человек в современном ему реальном мире. Отсюда и легкость, с которой герои многих фантастических произведений покидают наш мир, чтобы отправиться на поиски лучшей доли. Правда, в нашем случае у героини просто не было иного выбора: или беги из дома, или станешь монстром (в то время как сэр Макс или Сварог бежали от плохой жизни).

Но если в собственных книгах Белянина дом играет немаловажную роль: герой органически связан с каким-то одним миром, куда он возвращается после своих странствий, — то в «Профессиональном оборотне» Алина, похоже, вовсе не собирается возвращаться домой. То есть наш мир откидывается ею бесповоротно, но База охотников за монстрами при этом не может стать, да и не становится ей домом. Во-первых, в самом восприятии героини База является безликим местом, лишенным человеческого тепла, уюта родимого гнезда. Что, кстати, представляется пугающим симптомом современности, бессознательно уловленными и выраженными Г. Черной флуктуациями ноосферы: человек в своем мире, времени не ощущает себя более дома, на своем месте и панически бежит куда угодно, в любую иную реальность, лишь бы та была отлична от нашей многотрудной жизни. Да, господа, непросто быть человеком!

Впрочем, как только Алина находит себя, работу, друзей и любимого человека, в новых условиях становится полноценным человеком, она и Базу начинает считать домом и даже прикладывает какие-то усилия к тому, чтобы привнести уют в свою комнату там: пытается прихватить столешницу с росписью Иеронима Босха, добывает его же картину... То есть еще раз подтверждает одну простую истину: человек везде дома, где он человек. «Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь».

Ольга Жакова